

Vet DK4. S2765.085

8-й экз.

~~1295~~

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

VII. -8

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ и ПОЛИТИКИ.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.

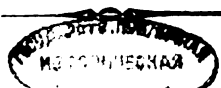
ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 7-8

Редакторъ Николай Гречъ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

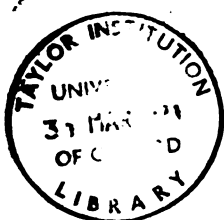
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА.

1838.

CONFINED TO
THE LIBRARY.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1858 года, Іюля 15 дня.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ПУТЕШЕСТВІЙ ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ, МЕЖДУ КАРСКИМЪ МОРЕМЪ И БЕРИНГОВЫМЪ ПРОЛИВОМЪ, ДО 1820 года *.

Обширное пространство Земнаго Шара, заключающееся между Бѣлымъ Моремъ и Беринговымъ Проливомъ, почти на 145° долготы, по матерому берегу сѣверной Европы и Сибири, открыто и описано Россіянами. Всѣ покушенія мореплавателей другихъ народовъ, проникнуть Ледовитымъ Моремъ изъ Европы въ Китай, или изъ Великаго Океана въ Атлантическій, ограничены на западъ Карскимъ Моремъ, на востокъ меридіаномъ Мыса Сѣвернаго; непреодолимыя препятствія, останавливавшія иностранцевъ въ дальнѣйшемъ плаваніи, преодолены наши-

* Мы говорили уже о приготовляемомъ къ изданію описаніи путешествія по берегамъ Ледовитаго Моря, которое совершилъ въ 1820-1824 гг., знаменитый странствователь нашъ, Ф. II. Врангель. По просьбѣ нашей — ознакомить предварительно читателей съ его трудомъ черезъ нашъ журналъ, почтенный авторъ позволилъ намъ помѣстить предлагаемую здѣсь любопытную статью: она составляетъ *веденье* въ путешествіе г-на Врангеля, и можетъ ознакомить съ предметомъ, которому путешествіе г-на Врангеля составило важнѣйшее дополненіе.

Т. IV. — Отд. III.

ми мореходцами; они болѣе привыкли къ суровости климата, и пользовались всѣми средствами, которыя представляла имъ смежность съ Россіею Сибири, уже покоренной.

Въ первыя времена таковыхъ предпріятій, соотечественники наши были побуждаемы къ симъ многотруднымъ путешествіямъ надеждою на прибыльную торговлю съ прибрежными жителями страны, обильной драгоценною рухлядью. Въ послѣдствіи, съ одобренія правительства, военно-служащіе отправлялись на кочахъ вдоль морскаго берега, и сухопутно къ устьямъ большихъ рѣкъ, въ море выпадающихъ; цѣль ихъ предпріятій состояла въ томъ, чтобы покорить жителей сихъ странъ, и собрать съ нихъ подать (называемую ясакъ) звѣриными кожами; потомъ правительство неоднократно отправляло разные отряды, для того токмо, чтобы описать берега уже извѣстные и искать новыхъ.

Желая представить обзоръ послѣдовательнаго открытія и описей береговъ Ледовитаго Моря, отъ Карскаго Моря до Берингова Пролива, я не буду описывать неудачнаго плаванія Англичанъ Пета и Джазмана, въ 1580 году, блуждавшихъ по Карскому морю среди льдовъ, безъ пользы для географіи того края; въ 1594-мъ году плаванія адмирала Ная, который полагалъ, что находится при устьѣ рѣки Оби, когда былъ въ губѣ Мутной, въ Карскомъ Морѣ; въ 1595 году, плаванія семи судовъ, подъ начальствомъ того же Ная, еще съ меньшимъ успѣхомъ, нежели въ первомъ путешествіи; въ 1625-мъ году, покушенія Босмана, остановленнаго льдами почти при самомъ вступленіи въ Карское Море. Этими предпріятіями весьма мало пріобрѣтено свѣдѣній о Карскомъ Морѣ, и даже самыя предѣлы онаго остались неописанными.

Въ то время берега отъ Бѣлаго Моря до рѣки Оби были уже извѣстны Россіянамъ. Ладьи ихъ (въ послѣдней половинѣ XVI столѣтія) ходили изъ Бѣлаго моря и рѣки Печоры, черезъ Карское Море, до рѣкъ Оби и Енисея. Иногда они совершали этотъ путь моремъ, но обыкновенно перетаскивали суда чрезъ волокъ между Карскимъ Моремъ и Обскою Губою; входили въ рѣку Мутную, впадающую въ Карское Море; поднимались вверхъ по сей рѣкѣ бичевою 8-мь сутокъ, и достигали двухъ озеръ, въ окружности отъ 10-ти до 12-ти миль. Тамъ выгружали свои суда, и перетаскивали черезъ перешеекъ, шириною около 200 сажень, въ озеро, называемое Зеленымъ, изъ котораго течетъ въ Обскую Губу рѣка Зеленая. Этою рѣкою достигали рѣки Оби. Плаваніе изъ Архангельска къ Оби моремъ продолжалось отъ 3-хъ до 4-хъ недѣль изъ Оби; въ Енисей 2, или 3 недѣли *.

Сибирская лѣтопись сохранила извѣстіе о первомъ сборѣ ясака съ Енисейскихъ Самоѣдовъ въ 1598-мъ году, по повелѣнію Царя Θεодора Іоанновича, отправленнымъ нарочно для сего изъ Тобольска Θεодоромъ Дьяковымъ. Для надежнѣйшаго распространенія и утвержденія въ Сибири Россійскихъ владѣній, заложенъ въ 1600 году, при Борисѣ Θεодоровичѣ Годуновѣ, въ землѣ Самоѣдской, на рѣкѣ Тазѣ, новый городъ Мангазея, перенесенный въ послѣдствіи на рѣку Туруханку, гдѣ въ 1607 году казаки, неутомимые въ собираніи ясака съ кочевавшихъ Самоѣдовъ, Остяковъ и Тунгусовъ, построили зимовье, названное по имени рѣки Туруханскимъ. Туруханкою казаки вошли въ Енисей, и въ 1610-мъ году, достигнувъ устья сей знаменитой рѣки, до-

* Четырехкратное путешествіе капитанъ-лейтенанта Лятке, часть I стр. 76.

ставили первыя подробныя объ ней извѣстія, послѣдствіемъ которыхъ было новое предпріятіе.

Въ томъ же году составилось въ Мангазеѣ общество изъ купцовъ и промышленниковъ, и съ двоякою цѣлью открытій и торговли отправились они сухопутно въ зимовье Туруханскъ, гдѣ построивъ кочи *, пошли внизъ по рѣкамъ къ устью Енисея, и чрезъ четыре недѣли увидѣли Ледовитое, или, какъ тогда называли, *Студеное Море*; здѣсь встрѣтили столько льду, что должны были стоять пять недѣль на мѣстѣ, доколѣ южный вѣтръ, разогнавъ льды, открылъ возможность выйти въ море. Извѣстно, что они достигли устья р. Пясыды **, но о дальнѣйшихъ успѣхахъ сего предпріятія нѣтъ ни какихъ свѣдѣній.

Направленіе рѣкъ Тунгузки и Вилюя, которыя имѣютъ вершины свои на одномъ хребтѣ, и вливаются, первалъ въ Енисей, послѣдняя въ Лену, привело казаковъ города Енисейска, въ 1630 году, къ важному открытію величественной рѣки Лены.

Дѣятельнымъ Сибирскимъ воеводамъ и предпримчивымъ исполнителямъ ихъ воли, казакамъ, движимымъ и славолубіемъ и корыстію, сіе новое обрѣтеніе было поводомъ къ овладѣнію дальнѣйшими странами Сибири.

Въ 1636-мъ году отправленъ изъ Енисейска на Лену, казацкій десятникъ, Елисей Буза, съ повелѣніемъ осмотрѣть всѣ рѣки, въ Ледовитое Море впадающія, и наложить ясакъ на прибрежныхъ жите-

* Кочи, суда плоскодонныя, въ длину около 12-ти сажень, соразмѣрной ширины, съ одною палубою, ходили греблемъ, и подъ парусами при попутномъ вѣтрѣ.

** Эта рѣка достопамятна тѣмъ, что нѣкогда вся низовая страна р. Енисея называлась ея именемъ. Слово *Пясыда*, на Самойдскомъ языкѣ, означаетъ ровную, безлѣсную землю, тундру.—Смotr. *Сибирскій Вѣстникъ* на 1821-й годъ.

лей. Буза, съ десятию казаками, остался зимовать въ Олекминскомъ острогѣ; пригласилъ къ себѣ 40 человѣкъ промышленниковъ, или, какъ ихъ въ Сибири называютъ, *промышленныхъ*; вмѣстѣ съ ними, по наступленіи весны, отправился въ путь, и въ двѣ недѣли достигъ западнаго устья Лены, откуда въ однѣ сутки, Ледовитымъ Моремъ, пришелъ къ устью рѣки Оленека, и продолжая путь вверхъ по сей рѣкѣ, зимовалъ у Тунгусовъ, съ которыхъ собралъ ласкъ. Весною Буза пустился съ своимъ отрядомъ къ рѣкѣ Ленѣ, и вышелъ на оную при устьѣ рѣчки Молоды. Оттуда, на двухъ построенныхъ имъ кочахъ, предпринялъ путь къ Ледовитому Морю; вошедъ въ оное, по десятидневномъ плаваніи, черезъ пять дней достигъ устья рѣки Яны. Слѣдуя вверхъ этою рѣкою, по трехъ-дневномъ плаваніи, встрѣтилъ Якутовъ, съ которыхъ собралъ богатый ласкъ.

На Янѣ, Буза построилъ четыре коча, и въ слѣдующемъ 1639 году, пошелъ внизъ по рѣкѣ; восточнымъ рукавомъ достигъ къ устью узкаго протока, втекающаго въ Ледовитое Море; близъ сего мѣста, у впадающей въ море рѣки Чендоны, нашелъ Юкагировъ, жившихъ въ землянкахъ, собралъ съ нихъ ласкъ, и пробылъ въ сихъ мѣстахъ до 1642 года.

Въ то же время, когда Буза, въ 1638 году, вошелъ съ моря въ рѣку Яну, нѣкто Постникъ Ивановъ открылъ съ горной стороны рѣку Индигирку, побѣдилъ жившихъ близъ оной Юкагировъ, основалъ зимовье, и оставилъ въ семъ мѣстѣ 16-ть казаковъ; они построили два коча, по Индигиркѣ вышли въ Ледовитое Море, и простирая онымъ путь далѣе, доставили первыя свѣдѣнія о рѣкѣ Алазеѣ.

Не извѣстно, какимъ путемъ и къмъ открыта рѣ-

ка Колыма. Сибирская исторія упоминаетъ въ первый разъ объ этой рѣкѣ въ 1644 году, когда Якутскій казакъ Михайло Стадухинъ, на лѣвомъ ея берегу, около ста верстъ отъ устья, основалъ Нижне-Колымское зимовье, переименованное послѣ въ острогъ. Стадухинъ доставилъ извѣстіе о воинственномъ Чукоцкомъ народѣ, и объ одномъ *большомъ островѣ* на Ледовитомъ Морѣ. Какая-то женщина сказывала ему, что противъ рѣкѣ Яны и Колымы находится островъ, усматриваемый съ матераго берега, и что Чукчи, съ рѣки Чукочьей (впадающей въ Ледовитое Море къ западу отъ Колымы), зимою въ одинъ день проѣзжаютъ на оленяхъ на этотъ островъ, гдѣ промышляютъ моржей, возвращаясь съ добытыми моржевими головами и клыками. Стадухинъ также слышалъ о большой рѣкѣ *Погыга*, или *Ковыга*, будто-бы впадающей въ Ледовитое Море къ востоку отъ Колымы, на три дня плаванія, при благополучномъ вѣтрѣ.

Послѣдовавшія путешествія, частью опровергли сказанія этой женщины; островъ, который описывали Стадухину обширнѣйшимъ, является на нашихъ картахъ маленькимъ *Крестовскимъ* Островомъ, въ купѣ Медвѣжьихъ Острововъ; онъ видѣнъ съ матераго берега въ ясную погоду, и жители рѣки Большой Чукочьей доѣзжаютъ до него въ одинъ день.

Первое плаваніе по Ледовитому Морю къ востоку отъ Колымы предпринято въ 1646 году, обществомъ промышленниковъ, подъ предводительствомъ Исаѣя Игнатѣева, родомъ изъ Мезени. Мореходцы нашли море покрытое льдомъ, а между онымъ и матерымъ берегомъ свободную отъ льдинъ полосу, по которой продолжали путь двое сутокъ сряду. Вошедъ въ губу, окруженную двумя скалами материка, увидѣли на берегу Чукчей, и вымѣнили у

нихъ нѣсколько моржевыхъ зубовъ. Довольствуясь открытіемъ этой новой промышленности, и, можетъ быть не довѣря Чукчамъ, коихъ языкъ былъ имъ совершенно чуждъ, они возвратились на Колыму. Изъ сего поверхностнаго описанія мы не видимъ, до котораго именно мѣста доходилъ Игнатъевъ; однако жъ, судя по времени плаванія, онъ могъ быть въ губѣ Чаунъ, въ заливѣ противъ острова Араутана, гдѣ берегъ дѣйствительно гористъ.

Казакамъ и промышленникамъ, недавно зашедшимъ во вновь покоренную ими страну, но привыкшимъ къ трудностямъ кочевой жизни, довольно было услышать о народѣ въ ихъ сосѣдствѣ, еще независимомъ и богатомъ моржевымъ зубомъ, чтобы побудиться къ предпріятію поисковъ въ неизвѣстныя мѣста, открывавшія новое поле неутомимой дѣятельности. Составилось общество промышленниковъ, къ коимъ присоединился Московскаго купца гостинной сотни Алексѣя Усова прикащикъ, Федотъ Алексѣевъ Колмогорцевъ, и по просьбѣ его, государевъ въ Нижне-Колымскѣ прикащикъ далъ имъ служащаго казака, для соблюденія въ предпринимавшомъ путешествіи пользы казенной. Этотъ казакъ былъ Семенъ Ивановъ сынъ Дежневъ, вызвавшійся сотовариществовать Колмогорцеву,—тотъ самый, который въ послѣдствіи обошелъ сѣверовосточную оконечность Азіи.

Въ Іюнь 1647 года, съ устья Колымы, на чetyрехъ кочахъ, отправились они въ море; предполагали отыскать рѣку *Анадырь*, о которой слышали, будто она впадаетъ въ Ледовитое Море; но, по множеству льдовъ на пути, возвратились безъ всякаго успѣха.

Извѣстія, доставленные въ Якутскъ основателемъ Нижне-Колымскаго острога, казакомъ Михайломъ

Стадухинымъ, объ островъ на Ледовитомъ Морѣ, и о рѣкѣ Погычѣ, какъ выше упомянуто, подали поводъ къ отправленію этого казака вторично на Колыму, съ повелѣніемъ отыскать рѣку, и привести въ подданство прибрежныхъ жителей. Стадухинъ, отправясь изъ Якутска въ Іюнь 1647 года, зимовалъ при рѣкѣ Янѣ, и въ исходѣ зимы 1648 года перѣхалъ на нартахъ къ Индигиркѣ, гдѣ построилъ кочъ, на которомъ вошелъ въ Колыму.

Въ 1649 году, Стадухинъ, на двухъ кочахъ, пошелъ изъ Колымы для отысканія рѣки Погыча; одинъ кочъ разбило при самомъ выходѣ въ море. Продолжая путь семь сутокъ подъ парусомъ, и не видя никакой новой рѣки, присталъ онъ къ берегу, и послалъ людей своихъ узнать объ оной отъ жителей, но и они ничего не знали. Берегъ состоялъ изъ крутого каменнаго утеса, такъ, что не было возможности ловить рыбу, и путешественники, крайне нуждаясь въ съѣстныхъ припасахъ, принуждены были возвратиться, и ничего не приобрѣли, кромѣ малаго числа моржевыхъ зубовъ. Невозможно опредѣлить, до какого мѣста Стадухинъ доходилъ, но весьма вѣроятно, что въ семь сутокъ, хотя и не непрерывнаго плаванія, онъ далеко прошелъ Шелагскій Мысъ, восточнѣе коего берега, большею частію, утесистые, что согласно съ описаніемъ Стадухина.

Неудача перваго покушенія Дежнева, и его спутниковъ, ни сколько не охладила ихъ рвенія; напротивъ число охотниковъ умножилось до того, что на другой же годъ по возвращеніи Дежнева изъ перваго путешествія, т. е. въ 1648 году, снарядили семь кочей *, для отысканія рѣки Анадыра. Неиз-

* Хотя Борней (Burney's Chronological History of North Eastern Voyages, p. 64) не рѣшается назвать Дежнева судомъ кочами, не находитъ сего наименованія въ выпискѣ Кокса, изъ подлинныхъ описей Деж-

вѣстно, что случилось съ четырьмя кочами **; на остальныхъ трехъ кочахъ были начальниками Семенъ Дежневъ и Герасимъ Анкудиновъ, а падъ промышленниками, вышеупомянутый, Ѳедотъ Алексѣевъ.

Дежневъ былъ столько увѣренъ въ успѣхъ, что обѣщаль привести съ рѣки Анадыра семь сороковъ соболей, «сіе золотое руно того времени,» сказано въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, «котораго домогались не только казаки и промышленники, но многіе изъ людей высшаго состоянія, и для того единственно, оставляя всѣ выгоды службы, родства, удовольствій жизни въ изобиліи, стремились изъ Россіи въ Сибирь, отдаленную и дикую тогда страну.» Къ чести нашихъ соотечественниковъ прибавить можно, что жадность корысти, побуждая ихъ на отважныя предпріятія, не ознаменовывалась такими безчеловѣчными поступками, какъ ненасытная алчность къ золоту Испанцевъ въ Перу и Мексикѣ. Надежды Дежневса исполнились, но не такъ лег-

нева (Coxes Account of the Russian Discoveries, p. 378, и выводитъ слово *kotch* отъ Англійскаго *ketchie*, мореходное судно, отличающееся вооруженіемъ; однакожъ я думаю, что не отступило отъ истинны, называя кочами всѣ суда, на коихъ Сибирскіе паша мореходцы въ то время ходили вдоль береговъ Ледовитаго Моря, ибо Фишеръ, въ Сибирской Исторіи, стр. 373, въ замѣчаніи говорить: «кочи не необходимо должны быть объявленной величины (12 сажень въ длину); довольно того, когда они вгдѣ судна имѣють.»

** Борней, въ Chronological History, стр. 63, говорить, что 4 коча разбѣглись на острову къ сѣверу отъ Колымы, и что люди съ нихъ спаслись. Я не знаю, откуда онъ взялъ это свидѣніе. Въ Хронологической исторіи г. Берха, часть I стр. 89, сочинитель, сообщая читателямъ сказку о бородатыхъ людяхъ, живущихъ будто бы въ Америкѣ, при рѣкѣ Хесуверена, говорить, что извѣстіе сіе происходило отъ того, что 4 коча, бывшіе съ Дежневымъ, пропали безъ вѣсти. Въ Сибирскомъ вѣстникѣ, на 1821-й годъ, сказано, что островъ Котельный (протѣвъ рѣки Ялы) населятъ такими бородатыми людьми, но нѣтъ извѣстна, что островъ этотъ необитаемъ, да и весьма невѣроятно, чтобы упоминаемые 4 коча туда занесло.

ко и скоро, какъ онъ сперва предполагалъ. Въ Юнѣ мѣсяцѣ, 1648 года, отправился онъ въ путь, не предвидя, сколько предстояло препятствій, и не помышляя, что весьма долгое время послѣ не будетъ подобнаго плаванія. Дежневу и его отважнымъ сопутникамъ исключительно принадлежитъ честь совершенія морскаго пути изъ Колымы въ Сѣверный Великій Океанъ.

Сожалѣнія достойно, что не всѣ происшествія этого знаменитаго предпріятія описаны. — Дежневъ, въ донесеніяхъ въ Якутскъ, мало упоминаетъ о томъ, что съ нимъ случилось на морѣ; онъ ни слова не говоритъ о препятствіяхъ отъ льдовъ, которыхъ, вѣроятно, и не встрѣчалъ, ибо въ другомъ мѣстѣ напоминаетъ, что море не всегда бываетъ отъ нихъ такъ свободно. Повѣствованіе свое начинается отъ большаго *Чукотскаго Носа*. Этотъ мысъ, по замѣчанію Дежнева, состоитъ весь изъ камня, находится между сѣверомъ и сѣверовостокомъ, и поворачивается кругомъ, къ сторонѣ рѣки Анадыра. На Русской, т. е. западной сторонѣ Чукотскаго Носа, втекаетъ въ море рѣчка *Становье*, близъ которой Чукчи устроили родъ башни изъ китовыхъ костей. Противъ самаго мыса лежатъ два острова, на коихъ видѣли Чукчей, съ прорѣзанными губами и продѣтыми въ нихъ кусками моржевыхъ зубовъ. Отъ мыса къ рѣкѣ Анадыру попутнымъ вѣтромъ можно достигнуть въ трое сутокъ, и въ такое же время дойти сухимъ путемъ; первый мысъ отъ Колымы не Чукотскій, а тотъ, который названъ *Святымъ*, и для Дежнева особеннаго примѣчанія былъ достоинъ потому, что кочъ Анкудинова на этомъ мѣстѣ разбился, и нѣсколько жителей взято въ плѣнъ, когда они гребли на своихъ лодкахъ.

Въ краткомъ, весьма недостаточномъ описаніи

плаванія Дежнева, не упомянуто ни о губѣ Чауна, ни о Колочинскомъ Островѣ, ни о другихъ примѣтныхъ мѣстахъ, которыя должны быть усмотрѣны на пути изъ Колымы до Берингова Пролива; однако-жъ описаніе большаго Чукотскаго Носа, его заворотъ къ сторонѣ рѣки Анадыра, близость двухъ острововъ, дикари съ прорѣзанными губами, и продѣтыми въ нихъ кусками изъ моржевыхъ зубовъ, все это служитъ доказательствомъ, что Дежневъ говоритъ о восточной оконечности Азіи, и что онъ первый прошелъ черезъ проливъ, до котораго 80-ть лѣтъ послѣ него достигъ мореплаватель нашъ Берингъ, коему приписана честь обрѣтенія этого пролива, и разрѣшенія вопроса о несоединеніи Азіи съ Америкою.

Мысъ, названный Дежневымъ *Свѣтой Носъ*, конечно тотъ, который нынѣ называютъ Шелагскимъ Мысомъ, ибо отъ Колымы къ востоку этотъ мысъ наиболѣе примѣтенъ по отличительной высотѣ и протяженію.

Борней *, старающій доказать вѣроятіе соединенія Азіи и Америки, посредствомъ воображаемаго имъ перешейка около Шелагскаго Мыса, прибѣгаетъ къ различнымъ страннымъ предположеніямъ, а именно, что Дежневъ шелъ не на кочѣ, а въ *шитикъ* **, который расшивали на одной сторонѣ перешейка, и по переносѣ составныхъ частей на другую сторону, сшивали. Такимъ образомъ Дежневъ могъ и

* Burney's Chronol. Hist. p. 69.

** Шитиками въ Сибири называютъ довольно большія лодки, у которыхъ низъ выдолбленъ изъ одного дерева, а къ бокамъ пришиты доски ивовыми прутьями. Такая постройка трудна, ибо прутья должно парить, чтобы доставить имъ пужную гибкость, и Борней обманывается, говоря о шитикахъ: it coas customary to construit vessels in a manner that admitte of their being with ease taxen to pieces, by which they could be carried across the ice to the outer edge, and there loc put together again, p. 69.

вовсе не обгибать Шелагского Мыса. Борней въ доказательство приводитъ путешествіе Тараса Стадухина изъ Колымы въ Камчатку, который, будучи не въ состояніи обойти большой Чукотскій Носъ, оставилъ свое судно, перешелъ пѣшкомъ чрезъ узкій перешеекъ на другую сторону, гдѣ построилъ себѣ судно. — При нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ о берегахъ Чукотской земли, съ большею вѣроятностію, полагать можно, что Тарасъ Стадухинъ прошелъ поперегъ сей земли тамъ, гдѣ Заливъ Колючинскій, вдавался далеко внутрь, весьма сближается съ вершиною губы св. Креста, образуя довольно узкій перешеекъ, соединяющій гористый полуостровъ съ западною частью Чукотской земли. Какъ нынѣ извѣстно, что къ сѣверу весь берегъ Сибири омывается моремъ, то мы не имѣемъ никакого права оспаривать у Дежнева чести совершенія морского пути изъ Колымы въ Анадырь, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ намѣреніе изъ Анадыра въ Колыму прійти моремъ.

Обратимся къ Дежневу и его спутникамъ. Люди, бывшіе на разбившемся у восточной оконечности Азіи кочѣ Герасима Анкудинова, перебрались на остальные два коча Семѣна Дежнева и Ѳедота Алексѣева. 20-го Сентября на берегу дрались съ Чукчами, и Ѳедотъ Алексѣевъ былъ раненъ. Вскорѣ послѣ того буря разлучила оба коча, и они уже болѣе не соединились. — Кочъ Дежнева долго несло крѣпкими вѣтрами по морю; наконецъ, въ Октябрѣ мѣсяцъ выбросило на берегъ, въ немаломъ разстояніи къ югу отъ рѣки Анадыра, и вѣроятно, близъ губы Олюторской. Что случилось съ Ѳедотомъ Алексѣевымъ и его товарищами, увидимъ ниже.

Дежневъ, съ бывшими при немъ 25-ю чсловѣками, немедленно отправился пѣшкомъ, для провѣданія

рѣки Анадыра, отнюдь не отчаяваясь достигнуть предположенной цѣли. Безъ проводника пришелъ онъ, не прежде какъ чрезъ десять недѣль, къ устью рѣки, въ землю безлѣсную и необитаемую. Лишенные всѣхъ средствъ искать себѣ пропитанія, не имѣя рыболовныхъ снарядовъ и не находя дикихъ звѣрей, укрывающихся въ лѣсахъ, путешественники наши рѣшили отправить вверхъ по Анадыру 12-ть человѣкъ, которые блуждали 20-ть дней, и не находя ни людей, ни пищи, большею частію отъ голода и изнеможенія умерли; достальныя принуждены были возвратиться къ стану Дежнева.

Слѣдующаго лѣта, 1649 года, Дежневъ съ товарищами пошелъ * вверхъ рѣкою, и былъ такъ счастливъ, что встрѣтился съ малочисленнымъ поколѣніемъ жителей сихъ мѣстъ, называвшимся *Анаулами*, которые заплатили ему первый ясакъ, но въ послѣдствіи, за оказанную ими непокорность, были совершенно истреблены. Дежневъ основалъ Анадырскій острогъ, въ видѣ обыкновеннаго зимовья, не переставая заботиться, какъ бы перейти на Колыму, или послать о себѣ увѣдомленіе.

Между тѣмъ промышленники на Колымѣ не оставались праздными. Вскорѣ послѣ неудачнаго покушенія Михайла Стадухина къ отысканію рѣки Погыча, узнали, что названіе оной Анадырь; что устья не по сѣверному берегу Чукотской земли искать должно, и что кратчайшій путь туда лежитъ по горамъ; чрезъ которыя провести ихъ взялись плѣнные *Ходыницы*, народъ, покоренный казаками въ 1650 году, въ верховьяхъ рѣки Анюя.

Составилось общество охотниковъ изъ казаковъ и

* Должно полагать, что они построили себѣ лодку, или двѣ (ихъ было почти 20-ть человѣкъ), изъ выведеннаго лѣса, котораго въ Сибири около устьевъ рѣкъ всегда множество.

промышленниковъ, получившихъ дозволеніе идти къ Анадыру, и объясачить тамошніе народы. Въ 1650 году, Марта 23-го, Семень Мотора, предводитель сихъ охотниковъ, взялъ на Анюѣ одного старшину изъ Ходынцевъ, выступилъ въ путь, и Апрѣля 23-го соединился на Анадырѣ съ Дежневымъ, къ обоюдному удивленію. Михайло Стадужинъ * пошелъ въ слѣдъ за Моторой, провелъ семь недѣль въ пути, обошелъ стороною зимовье Дежнева, и дѣйствовалъ отъ него отдѣльно. Дежневъ и Мотора, стараясь избѣжать неудовольствій съ завистливымъ Стадухинымъ, готовились перейти къ рѣкѣ Пенжинѣ, но вмѣсто ихъ пошелъ туда Стадужинъ, о которомъ не получено никакихъ извѣстій.

Дежневъ и Мотора не оставались въ бездѣйствіи. Они построили суда, на коихъ намѣревались дѣлать новые поиски. Хотя въ одномъ изъ сраженій съ Анаулами, въ исходѣ 1651 года, Мотора былъ убитъ, Дежневъ не унывалъ, и лѣтомъ 1652 года пошелъ внизъ рѣки къ ея устью, и на сѣверной сторонѣ открылъ отмель, ** на которой собирались обыкновенно моржи, въ великомъ множествѣ. Добывъ нѣсколько моржевыхъ зубовъ, возвратился онъ въ зимовье, почитая свое пріобрѣтеніе достаточною наградою за всѣ перенесенные имъ труды.

Въ 1653 году, Дежневъ готовилъ лѣсу для построенія коча, на которомъ предполагалъ отправить въ Якутскъ моремъ собранный имъ ясакъ; но недостатокъ въ прочихъ необходимыхъ потребностяхъ, и извѣстіе, что берега Чукотской земли не всякое лѣто бываютъ такъ чисты отъ льдовъ, какъ во время его плаванія въ 1648 году, понудили его оставить свое намѣреніе.

* Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ ошибочно сказано, что Стадужинъ отправился моремъ.

** *Кора* въ Сибирскомъ нарѣчій.

Въ слѣдующемъ году, Дежневъ предпринялъ вторичное путешествіе къ вышеупомянутой мели, на которой было много моржей; взялъ съ собою казака Юшку Селиверстова, недавно прибывшаго изъ Якутска, съ предписаніемъ, въ пользу казны промыслять моржевые зубы. Селиверстовъ утверждалъ, что онъ и Стадухинъ открыли сію мель, названную «Анадырскою коргою,» будто-бы ими найденною въ первое морское путешествіе съ Михайломъ Стадухинымъ (въ 1649 году), но Дежневъ доказывалъ противное. Возникшему отъ того между ними несогласію, обязаны мы извѣстіемъ о знаменитомъ плаваніи Дежнева. Опровергая утвержденія Селиверстова, онъ приводитъ въ донесеніяхъ къ Якутскому воеводѣ, разныя обстоятельства своего путешествія, которыя, въ 1736 году, собраны Миллеромъ изъ подлинныхъ бумагъ Якутскаго архива.

Дежневъ, продолжая плаваніе къ Коргѣ, держался берега, видѣлъ Коряковъ, и между ними узналъ Якутку, жившую прежде съ Ѳедотомъ Алексѣевымъ, она сказала ему, что Ѳедотъ и Герасимъ (Анкудиновы) отъ цынги умерли, многіе изъ ихъ товарищей убиты, а малое число спаслось на лодкахъ, но куда, и что съ ними случилось, она не знала.—Въ послѣдствіи открылось, что они достигли рѣки Камчатки, гдѣ живши нѣкоторое время въ великомъ уваженіи у Камчадаловъ, были наконецъ жертвами собственныхъ раздоровъ, подавшихъ Корякамъ и Камчадаламъ случай ихъ убить.

Послѣ сего нѣтъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о Дежневѣ, который провелъ 6-тъ лѣтъ (съ 1648 по 1654 включительно) въ неутомимой дѣятельности, среди дикаго народа, въ странѣ, имъ открытой, и частью покоренной. Возвратился ли онъ въ свою отчизну,

или сдѣлался жертвою своей смѣлости, этого не находимъ въ сочиненіи исторіографа Миллера.

Какимъ великимъ опасностямъ подвергались простиравшіе плаваніе по Ледовитому Морю, читатели усмотрятъ изъ слѣдующаго, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ помѣщеннаго, описанія путешествія нѣсколькихъ казаковъ, подъ начальствомъ казака Булдакова.

Въ 1649 году, Булдаковъ посланъ изъ Якутска на рѣку Колыму прикащикомъ: Прозимовавъ въ Жиганскъ, онъ пришелъ, Іюня 2-го 1650 года, въ устье Лены, но за восточнымъ и сѣвернымъ вѣтромъ, нанесшими къ берегу множество большихъ льдинъ, принужденъ былъ стоять четыре недѣли. По наступленіи благополучнаго вѣтра, отправился онъ въ путь, и прибылъ подъ парусами въ Омоеву Губу, гдѣ встрѣтилъ опять льды, между конми кочъ его былъ 8 дней, и не мало повредился. Приблизясь къ островамъ противъ устья Лены, рѣшился онъ пристать къ одному изъ нихъ; двое сутокъ пробивались между льдинами. Булдаковъ, по продолжавшимся вѣтрамъ, то съ моря, то съ берега, простоявъ на мѣстѣ 6 дней, увидѣлъ, что море отъ льда какъ будто очистилось, и пустился вторично въ Омоеву Губу; но къ несчастію, опять попалъ между льдинами, которыя препятствовали идти далѣе, а потому и пошелъ онъ къ рѣкѣ Ленѣ. При ея устьѣ стояли 8 кочей, принадлежавшіе казакамъ и промышленникамъ, готовые выступить въ море. Когда нагналъ вѣтеръ съ берега, и море очистилось отъ льда, всѣ кочи вмѣстѣ пошли къ Омоевой Губѣ, въ которой былъ также наносный ледъ; сквозь оный пробивались не безъ затрудненій. На другой сторонѣ губы находится островъ; протокомъ между симъ островомъ и берегомъ обыкновенно хаживали кочи, но въ то время протокъ былъ совершенно затертъ льдомъ, осѣвшимъ на дно

моря; путешественники съ усиленіемъ разломали ледъ и вывели свои кочи; въ семь мѣстъ встрѣтили еще 4 коча, которые шли съ Колымы на Индигирку.

Іюля 15-го, по выходѣ кочей изъ протока, насталъ попутный вѣтеръ, и всѣ суда въ однѣ сутки достигли устья рѣки Яны. Здѣсь опять они встрѣтили столько льду, что могли быть раздавлены, ежели бы, по отлогости морскаго берега, препятствующаго большимъ льдинамъ приближаться къ нему, не оставался для нихъ свободный путь: Слѣдуя подлѣ берега, они благополучно миновали Святой Мысъ, который, по сѣверному его положенію, съ давнихъ лѣтъ мореплаватели считали самымъ опаснымъ мѣстомъ.

На другой день Булдаковъ достигъ Хромской Губы. Она была наполнена огромными льдинами, затруднявшими плаваніе кочей, особливо когда отъ вочныхъ морозовъ, замерзалъ новый ледъ, которымъ 30-го Августа покрылось все море; тогда пять кочей находились недалеко отъ берега, на глубинѣ одной сажени. Предпримчивый и отважный Булдаковъ, надѣясь, что ледъ уже достаточно твердъ, вздумалъ грузъ перетаскивать на берегъ, но надежда его обманула, ибо 1-го Сентября, когда ледъ былъ толщиною на полтъпидени, подумъ съ берега жестокой вѣтеръ, которымъ ледъ изломало, кочи занесло далеко въ море и носило пять дней; потомъ вѣтеръ стихъ, море замерзло, и на третій день можно было ходить по льду. Тогда Булдаковъ послалъ нѣсколько человѣкъ, чтобы узнать какъ ближе подойти къ берегу. Они нашли, въ разстояніи на одинъ день ѣзды, бывший съ ними кочъ казака Андрея Горьлова, стоявшій во льду, и хотѣли перенести скарбъ и запасъ на этотъ кочъ, дабы ближе быть у берега, но вдругъ въ морѣ прибыла вода, и ледъ

изломало; къ тому же поднялся сильный вѣтеръ, которымъ занесло кочи, вмѣстѣ со льдомъ, еще далѣе въ море, и такъ быстро, что подъ парусами невозможно идти скорѣе. Черезъ пять дней, вѣтеръ утихъ и кочи въ третій разъ замерзли во льду. Отъ стеченія столькихъ бѣдствій, сопутники Булдакова были въ отчаяннѣи, и чтобы избавиться отъ очевидной гибели, взявъ каждый нѣсколько изъ своего скарба и съѣстныхъ припасовъ, сколько могъ везти на саняхъ, отправились къ берегу, но не избѣгли преслѣдующаго ихъ несчастія. Ледъ изломало, и они принуждены были санки свои перетаскивать съ одной льдины на другую, а сами перебираться съ помощію шестовъ и веревокъ. Между тѣмъ видѣли, какъ кочи ихъ, одну послѣ другой, разбивало льдомъ. На послѣдокъ, изнуренные цынгою, стужею, голодомъ и трудомъ, вышли на берегъ близъ устья рѣки Индигирки, и при разныхъ бѣдственныхъ случаяхъ продолжали путь вверхъ по этой рѣкѣ до Уядинскаго зимовья, гдѣ нашли себѣ успокоеніе отъ болѣзней и трудовъ, и провели всю зиму.

Два года послѣ плаванія Булдакова, т. е., въ 1652 году, на мѣсто его, начальникомъ острога на Колымѣ посланъ пятидесятникъ Иванъ Ребровъ. Ему въ особенности предписано съ подробностію освѣдомиться о большомъ островѣ, который, по донесенію Михайла Стадухина, находится на Ледовитомъ Морѣ. Г-нъ Миллеръ не отыскалъ въ Якутскомъ архивѣ никакихъ доказательствъ о существованіи этого острова, и говоритъ, что рассказы Стадухина были совершенно забыты, доколѣ наконецъ въ 1710 году, Февраля 20-го, Якутская канцелярія собрала нѣсколько изустныхъ показаній отъ казаковъ, которые простирали плаваніе Ледовитымъ и Камчатскимъ Моря-

ми. Слѣдующія извѣстія непосредственно относятся до предназначенныхъ намъ изысканій.

Между 1661 и 1678 годовъ, служивый Никифоръ Мальгинъ, съ торговымъ человѣкомъ Андреемъ Воропаевымъ, на кочѣ ходили съ Лены въ Колыму. До Святаго Носа слѣдовали они большею частию подлѣ берега, потомъ, по причинѣ примкнувшагося къ берегу льду, держали мористѣе. На этомъ пути, бывшій съ ними кочевщикъ Родіонъ Михайловъ указалъ имъ лежащій по сю сторону Колымы вдаль островъ, который они всѣ видѣли, а по прибытіи ихъ въ Колыму, купецъ Яковъ Вятка сказывалъ Мальгину, что однажды въ плаваніи изъ Лены въ Колыму на девяти кочахъ, три отнесены къ этому острову, и посыланные на берегъ видѣли слѣды неизвѣстныхъ звѣрей, но людей не видали.

Торговый человѣкъ Тарасъ Стадухинъ также говорилъ Мальгину, что за нѣсколько до того лѣтъ, онъ, съ 90 человѣками, на кочѣ ходилъ съ Колымы моремъ къ Чукотскому носу, котораго водою обойти не могли, а перешли на другую онаго сторону нѣшкомъ, гдѣ построивъ кочъ, шли подлѣ берега, до устья рѣки Пенжины.

Нѣкто Михайло Насѣдкинъ показалъ, что въ 1702 году, путешествуя по Камчаткѣ, видѣлъ съ южной оконечности ея землю; послѣ того на пути между Колымою и Индигиркою усмотрѣлъ въ морѣ еще землю, о которой кочевщикъ Даніилъ Монастырскій сказывалъ ему, будто она соединяется съ берегомъ противъ Камчатки лежащимъ, и простирается далѣе противъ устья Лены.

Въ 1710 году получено въ Якутскѣ письменное показаніе Усть-Янскаго казака Якова Пермякова, что на пути изъ Лены въ Колыму, онъ видѣлъ противъ Святаго Носа островъ, и что противъ устья рѣки

Колымы находится островъ , и на немъ есть горы, усматриваемыя съ матераго берега.

Островъ, который видѣли Мальгинъ и Вятка, можетъ быть, одинъ изъ острововъ, лежащихъ противъ рѣки Яны, или Крестовскій островъ, изъ числа Медвѣжьихъ. Михайлъ Насѣдкинъ говоритъ о первомъ Курильскомъ и первомъ Медвѣжьемъ островѣ; словамъ Монастырскаго вѣрить нельзя. Показаніе Якова Пермькова, безъ сомнѣнія, касается до перваго Ляховскаго и Крестовскаго Острововъ.

Носившіеся такимъ образомъ слухи, частію и достовѣрныя извѣстія, о находящихся на Ледовитомъ морѣ островахъ, побудили Якутскаго воеводу Трауернихта произвестъ о семъ изысканіе съ возможною подробностью, особенно, когда въ 1711 году Сибирскій губернаторъ Килъзъ Гагаринъ писалъ ему: «Сказывали мнѣ казаки и дворяне Якутскіе, что ваша милость изволить нарядить казаковъ, также и охотниковъ отпустить на *новую землю*, что островъ противъ устья р. Колымы, и удержалися де, мой государь, за тѣмъ, что безъ указу не смѣли, и ваша милость отнюдь того медлити не изволь.»

Трауернихтъ отправилъ два отряда, одинъ къ устью рѣки Яны, другой въ Колыму; имъ предписали ободрѣть Ледовитое Море, лѣтомъ или зимою, и не возвращаться, доколь не разрѣшатъ вопроса объ островахъ, или новой землѣ.

Первый отрядъ, изъ 11 казаковъ, порученъ казачу Меркурію Вагину. Онъ отправился изъ Якутска 1711 года осенью; выѣхалъ изъ Усть-Янска на нартахъ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1712 года, и держась берега до Святаго Носа, пустился прямо на сѣверъ. Они пріѣхали къ одному острову, на которомъ не было ни какого лѣса; вокругъ него ѣзды 9 или 12 дней. Съ этого острова видѣли другой островъ, или землю, но за

позднимъ временемъ, и по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ, отправились назадъ къ матерой землѣ, съ тѣмъ, чтобы лѣтомъ запасться рыбою, и слѣдующею зимою опитъ выступить въ путь. Они вышли на берегъ между Святымъ Носомъ и рѣкой Хромой, при урочищѣ, гдѣ Якутскій казакъ Катаевъ въ прежнія времена поставилъ крестъ, и потому оно прозвано *Катаевъ Крестъ*. Оттуда направили путь на Хрому для рыбнаго промысла, но не имѣя съѣстныхъ припасовъ, принуждены были ѣсть собакъ, на которыхъ ѣхали, наконецъ и мышей, и потому должны были возвратиться къ морскому берегу, гдѣ прожили все лѣто, питаясь рыбою, дикими гусями, утками и ихъ яицами. Бывшіе съ Вагинымъ казаки, наскуча пребываніемъ въ сихъ мѣстахъ, и опасаясь, что на пути къ усмотрѣнному острову будутъ подвержены еще большимъ нуждамъ и голоду, убили Вагина, его сына, одного казака и одного промышленника. По возвращеніи въ Усть-Янскъ, убійцы скрыли преступленіе подъ разными вымыслами, и объ островъ не упомянули ни слова. Положеніе перваго Ляховскаго острова объясняетъ обрѣтеніе Вагина; величина его конечно не соотвѣтствуетъ показаніямъ, но преувеличенія важности обрѣтенія весьма часты въ повѣствованіяхъ древнихъ путешественниковъ.

Второй отрядъ, воеводою Трауернихомъ отправленный, состоялъ изъ 22 человекъ, на одномъ шитикѣ, * подъ управленіемъ казака Василья Стадухина. Изъ донесенія его, отъ 28-го Іюля 1712 года, видно,

* Шитики того времени были длиною въ 5 сажень, шириною въ 2 сажени, съ палубою, плоскодонные, конопачены мхомъ; вмѣсто веревокъ и канатовъ, на шитикахъ употребляли ремни лосинные, паруса ровдужные, якоря деревянные, съ навязанными камнями. Нынѣ шитиками называютъ безпалубныя большія рыбацкія лодки; о якоряхъ прибрежные жители понятія не имѣютъ, а паруса ровдужные употребляютъ весьма рѣдко.

что онъ усмотрѣлъ на восточной сторонѣ Колымы протянувшійся въ море мысъ, окруженный непроходимыми льдами, но не замѣтилъ никакого острова, и что жестокою погодою съ моря отнесло его назадъ, при чемъ едва онъ не погибъ. Стадухинъ, вѣроятно, говоритъ о Шелагскомъ Мысѣ, который предшественники его называли Святымъ Носомъ.

Въ 1714 году были еще два подобныя отправленія, казаковъ Алексѣя Маркова и Григорья Кузякова. Первому велѣно идти въ море съ устья Яны, второму съ Колымы; ежели увидать, что шитики неудобны, дозволено построить другія суда. Каждому дано было по одному матросу, изъ присланныхъ Княземъ Гагаринымъ въ Якутскъ, для предположенной морской экспедиціи изъ Охотска.

Марковъ, по приѣздѣ въ Усть-Янское зимовье, послалъ, 2-го Февраля 1715 года, въ Якутскъ донести, что на Святомъ Морѣ лѣтомъ и зимою всегда стоитъ ледъ, и потому въ назначенный путь невозможно отправиться иначе, какъ нартами на собакахъ, и отправился 15-го Марта, взявъ съ собою 9 человекъ. 3-го Апрѣля возвратился онъ опять въ Усть-Янское зимовье, и привезъ извѣстіе, что ѣхалъ по морю прямо на сѣверъ семеро сутокъ, съ самою большею, на собакахъ возможною скоростію, но ни земли, ни острова не видалъ, достигъ такого мѣста, гдѣ льдины стояли какъ высокіе холмы, всходилъ на оныя, и въ дали не усмотрѣлъ ни какого берега. По недостатку корма для собакъ, многія съ голоду издохли, и ими кормили остальныхъ. Въ 17 дней непрерывной ѣзды, Марковъ не могъ болѣе проѣхать 680 верстъ, или 340 верстъ въ одну сторону; слѣдовательно, правя на сѣверъ, онъ долженъ бы увидѣть какой либо островъ, изъ лежащихъ противъ устья

рѣки Яны и Святаго Носа, а потому въ справедливости показаній Маркова должно сомнѣваться.

О путешествіи Кузькова не отыскано ни какихъ свѣдѣній, кромѣ слышаннаго г. Миллеромъ отъ Якутскихъ жителей, будто бы Кузьковъ также отправился въ море на собакахъ, и предпріятіе его было столько же безуспѣшно, какъ Маркова.

Такія неудачи остановили на нѣкоторое время предпринимчивыхъ казаковъ въ дальнѣйшихъ покушеніяхъ, но въ 1723 году, сынъ боярскій Ѳедотъ Амосовъ опять обратилъ вниманіе на какой-то островъ, простирающійся отъ устья Яны до устья Индигирки, и далѣе. Онъ вызвался покорить жителей острова, и для исполненія такого предпріятія отправленъ съ отрядомъ. вмѣсто того, чтобы поиски начать съ Яны, или Индигирки, поѣхалъ онъ на Колыму. При самомъ выходѣ изъ устья сѣй рѣки, Іюля 13-го * 1724 года, встрѣтилось такое множество несущагося льду, что не рѣшился онъ продолжать пути далѣе.

Между тѣмъ промышленникъ Иванъ Вилегинъ подтвердилъ слухъ о помянутомъ островѣ, разсказывая, что въ Ноябрь 1720 года, онъ ѣздилъ, вмѣстѣ съ промышленникомъ Григорьемъ Санкинымъ, съ устья рѣки Чукочьей по льду, на тотъ островъ, или землю, но за непрерывными вѣтрами и туманомъ они не могли ѣхать вдаль, почему и не знаютъ, твердая ли то была земля или островъ, и естьли на ономъ жители и растеть ли лѣсъ **? Видѣли старыя юрты и мѣста прежде бывшихъ юртъ, но не могли узнать какому народу онѣ принадлежать. Землю эту, при ясной

* Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано Апрѣля 18-го, а у Миллера Іюля 13-го; сіе послѣднее согласнѣе съ показаніемъ Амосова, что въ море несло ледъ.

** Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано, что Вилегинъ нашелъ тутъ лѣсъ, но у Миллера этого нѣтъ.

погодѣ, можно усмотрѣть съ рѣки Чукочьей, и казалось, что она простирается мимо Индигирки и Святого носа до меридіана рѣки Яны съ одной стороны, а съ другой мимо устья Колымы, и далѣе до жилищъ Шелаговъ, поколѣніе Чукчей. Вилегинъ это заключалъ по разсказамъ какого-то Копая, изъ племени Шелаговъ, и полагалъ, что достигнуть до сей земли водою, ни съ устья рѣки Колымы, ни съ Чукочьей, или Индигирки, невозможно, по причинѣ множества льду, но противъ жилищъ Шелаговъ море бываетъ чище, и потому должно искать земли съ этой стороны.

Амосовъ, утвердясъ на этомъ мнѣніи, пошелъ моремъ подлѣ берега къ жилищу Копая, котораго достигъ 7-го Августа 1723 года, но по множеству льдовъ не только не могъ продолжать пути, а даже съ трудомъ возвратился.

Въ слѣдующую зиму, Амосовъ рѣшился для открытія острова ѣхать на нартахъ, и прислалъ о своемъ путешествіи въ Якутскую воеводскую канцелярію слѣдующее донесеніе: «Отправясь въ намѣренный путь изъ Нижне-Колымскаго зимовья, Ноября 3-го 1724 года, нашелъ я на морѣ островъ, или землю, и оттуда 23-го того же мѣсяца возвратился обратно на Колыму. На той землѣ видѣлъ старыя землныя юрты, а какіе въ нихъ жили люди и куда сошли, неизвѣстно. Наконецъ съѣстныхъ припасовъ и корму для собакъ не достало; для сей причины невозможно было ничего болѣе и пробѣдывать. Путь по льду былъ весьма труденъ, потому, что море замерзло негладко. Вездѣ стояли высокія льдины, и ледъ отъ выступающей морской соли былъ шероховатъ *.»

* Описанія сихъ путешествій, и нѣкоторыхъ изъ слѣдующихъ, заимствованы мною изъ Сибирскаго Вѣстника на 1821 годъ, и поправлены, гдѣ были несогласія, съ сочиненіемъ г. Миллера.

Въ бытность свою въ Якутскѣ, Миллеръ лично спрашивалъ Амосова объ этомъ путешествіи. По словамъ его, жилище Копая на 200 верстъ къ востоку отъ устья Колымы, близъ небольшого острова, возлѣ самаго берега лежащаго. Отъ матерой земли между рѣками Чукочьсю и Алазеею, ѣзды до открытаго Амосовымъ острова одинъ день, и вокругъ онаго столько же; на семъ островѣ горы не малой высоты, которыя видимы и съ матерой земли; изъ животныхъ попадались олени; служащій для нихъ пищею мохъ растетъ по всему острову.

Обрѣтеніе Вилегина и Амосова одно и тоже. Оба они были на первомъ Медвѣжьемъ Островѣ, на которомъ прежде ихъ бывали промышленники, и по слухамъ давно уже имѣли объ немъ свѣдѣніе. Вилегинъ, не зная, что находился на маленькомъ островѣ, и услыша вѣроятно объ усмотрѣнной противъ Лны землѣ (1-й Ляховскій островъ), вообразилъ, что эти двѣ земли соединяются и составляютъ берегъ одной обширной земли. Но можемъ-ли мы полагаться на показаніе Копая? Его жилище было, безъ сомнѣнія, подлѣ острова Сабадел (около двухсотъ верстъ отъ Колымы, какъ Амосовъ Миллеру сказывалъ), а противъ этого мѣста къ сѣверу на $2\frac{1}{4}^{\circ}$ по широтѣ (около 230 верстъ), мы, въ 1821 году, ни малѣйшихъ признаковъ земли не нашли, да и Чукчи, живущіе около Шелагскаго Мыса, съ которыми въ 1822 году мы имѣли сношенія, не знали ни о какой землѣ въ сихъ странахъ, и не скрывали отъ насъ, что со скалы Яканъ (около 200 верстъ къ востоку отъ Шелагскаго Мыса, и въ 300 верстахъ отъ жилища Копая) иногда видны въ морѣ горы. Можетъ, быть Копая и Вилегину это было извѣстно, но удивительно, что они, говоря объ одномъ только островѣ противъ Колымскаго

устья, и 6 большой землѣ, за нимъ лежащей, не знали о прочихъ 4-хъ островахъ, составляющихъ одну купу съ островомъ, который усмотрѣнъ Вилегинимъ. Не должно-ли заключить, что эти-то четыре острова и приняты за большую землю?

Карты наши въ то время были сообразны поверхностному обозрѣнію сѣверныхъ береговъ Сибири, которые отъ Карскаго Моря до восточной оконечности Азіи, въ продолженіе половины столѣтія, открыты казаками и промышленниками, неутомимыми въ трудахъ, но не имѣвшими никакихъ познаній. Всѣ путешественники, бывшіе до того времени при упомянутыхъ берегахъ, также не имѣли способовъ и нужныхъ свѣдѣній для изображенія берега съ нѣкоторою вѣрностью, и потому карты наши составлены были, такъ сказать, на угадъ, на основаніи сбивчивыхъ, темныхъ разсказовъ.

Казанскій полковникъ Шестаковъ, пріѣхавшій въ 1726 году изъ сѣверовосточной Сибири въ С. Петербургъ, сочинилъ карту, которую напечатали, а потомъ скопировали въ Парижѣ географы Далиль и Бюашъ. На этой картѣ островъ Копай назначенъ на разстояніи двухъ-дневной ѣзды отъ матераго берега, и по параллели занимаетъ такое же пространство, какое находится между противолежащими сему острову рѣками Колымою и Алазеею; на картѣ написано, что островъ Копай обитаемъ непокорными Шеллагами. За онымъ къ сѣверу проведенъ берегъ большой земли, и въ надписи сказано, что отстоитъ онъ отъ острова Копая на неполный двухъ-дневный переѣздъ (слѣдовательно, островъ отъ матераго берега Сибири далѣе, нежели отъ большой земли). Противъ сѣверовосточной оконечности Азіи на востокъ означенъ большой островъ, съ слѣдующею

надписью: «Островъ противъ Анадырскаго Носа; на немъ многолюдно, и всякаго звѣря довольно; данн не платятъ; живутъ своею областью.» Сѣверный берегъ Чукотской земли проведенъ довольно ровною чертою, и губа Чаунъ и Шелагскій Мысъ не примѣтны.

Другая карта, попавшаяся исторіографу Миллеру, сочинена Якутскимъ дворяниномъ Иваномъ Львовымъ. На этой картѣ изображены два носа. Крайній къ сѣверовостоку, обыкновенно называемый Чукотскимъ Носомъ, или Восточнымъ Мысомъ, названъ Шелагскимъ, и неограниченъ. Другой, лежащій прямо на югъ отъ перваго, названъ Анадырскимъ носомъ, и между этими двумя мысами, въ обширной губѣ положенъ островъ, обитасмый Чукчами, а противъ Анадырскаго Носа назначены два острова, одинъ другаго къ берегу ближе, съ слѣдующею надписью: «До перваго острова отъ берега ѣзды водою полдня. На немъ обитаютъ люди, коихъ Чукчи называютъ Ахьюхалать. Они говорятъ особымъ языкомъ, платье носятъ изъ утиныхъ кожъ, питаются моржами и китами. За недостаткомъ у нихъ на островѣ лѣсу, варятъ ѣству рыбьимъ жиромъ. Другой островъ отъ перваго находится въ разстояніи двухъ дней ѣзды водою. Жители онаго называются по Чукотски Пеекели. Они щеки принимаютъ, и вставляютъ въ нихъ зубы; живутъ въ крѣпкихъ мѣстахъ; платье носятъ изъ утиныхъ же кожъ.» За этими островами изображена большая земля, съ надписью: «Жители Чукчами именуются Кичинъ Элять. Сіи говорятъ особливимъ языкомъ, платье носятъ соболье, живутъ въ землянкахъ, а бой у нихъ лучной. Звѣри въ ихъ землѣ водятся всякіе, коихъ кожи употребляютъ на платье. Лѣсъ тамъ растетъ ельнякъ, соснякъ, лиственникъ и березнякъ.»

Миллеръ упоминаетъ еще о картѣ, въ Якутскѣ же сочиненной. На этой картѣ Шелагскій Носъ также неограниченъ, и противъ него проведена неограниченная земля, гдѣ надписано: «Обитаемая народомъ Кыкыкме, который подобенъ Юкагирамъ.» Надъ Шелагскимъ Носомъ надписано: «Жители говорить языкомъ особливымъ. На бою весьма жестоки, и покорить ихъ не можно. Хотя изъ нихъ кто и въ полонъ попадетъ, тотъ самъ себя убиваетъ.»

Не только на этихъ картахъ, составленныхъ въ Якутскѣ самоучками географами, но и на сочиненной Берингомъ, въ 1728 году, по возвращеніи его изъ перваго плаванія къ восточнымъ берегамъ Чукотской земли, не отличаютъ Шелагскаго носа отъ восточной оконечности Азіи и Чукотскаго Носа, а чтобы согласить карты съ плаваніемъ Дежнева, присовокупили къ послѣднему мысу, на нѣкоторыхъ картахъ, названіе Святаго Носа, а на другихъ, полагаясь на вышеупомянутую карту Львова, составляли Шелагскій его Мысъ на сѣверъ неограниченнымъ, и тѣмъ изъясляли сомнѣніе о плаваніи Дежнева, но должно замѣтить, что оно не было извѣстно сочинителямъ тѣхъ картъ, ибо Миллеръ первый напелъ свѣдѣніе объ немъ въ Якутскомъ архивѣ 1736 года. Въ названной на одной картѣ «Большой землѣ», за островами противъ Анадырскаго носа, мы узнаемъ сѣверозападный берегъ Америки, и «Большая Земля» противъ Шелагскаго Носа также назначена по неосновательнымъ свѣдѣніямъ о дальнѣйшемъ протяженіи того-же берега на сѣверъ. Предположеніе это объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Въ 1711 году Якутскій казакъ Поповъ, который изъ Анадырскаго острога ѣздилъ на Чукотскій Носъ, между прочимъ сказывалъ: «Напротивъ носа, по обѣ-

нимъ его сторонамъ, какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Анадырскомъ Морѣ, видѣнъ островъ, называемый Чукчами Большою Землею, на коей живутъ народы съ продѣтыми въ щеки большими зубами» и проч. Потомъ говорится о берегѣ, простирающемся южнее и сѣвернѣе Чукотскаго Носа (конечно, о берегахъ Америки), и слова ясно доказываютъ, что тогда называли Колымскимъ Моремъ часть Океана, къ сѣверу отъ Чукотскаго Полуострова, а находящуюся по южной сторонѣ онаго Анадырскимъ Моремъ. Восточную часть Чукотскаго Полуострова, слѣдовательно, и ту часть берега, гдѣ тогда назначали Шелагскій Мысъ, Поповъ называетъ Чукотскимъ Носомъ. И такъ, по моему мнѣнію, изъ этого весьма ясно видно, отъ чего на картахъ, сочиненныхъ по сбивчивымъ рассказамъ безграмотныхъ людей, назначена противъ Шелагскаго Носа Большая Земля.

Выше упомянуто, что извѣстный географъ Делиль перенесъ и на свою карту невѣрности Шестакова карты. На изданной Делилемъ, въ 1728 году, картѣ изображены островъ противъ Колымскаго устья въ широтѣ 73°, а за нимъ, въ широтѣ 75°, Большая земля, будто-бы открытая Россіянами въ 1723 году, по указанію Шелагскаго Князя Копаю; но въ означенномъ году ѣздилъ Амосовъ къ Копаю, и не сдѣлано никакихъ новыхъ открытій.

По обстоятельному разсмотрѣніи бывшихъ въ то время извѣстій о Большой Землѣ въ Сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ, не найдено ни одного, которое достойно и малаго вѣроятія. При нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ нашихъ объ этихъ странахъ было возможно нѣсколько пояснить неосновательность географин сѣверовосточной Азіи, и находить незначашіе остро-

ва, или чистое море тамъ, гдѣ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія полагали обширныя земли.

Слѣдующія путешествія совершены нашими мореплавателями единственно для исправленія картъ сѣверныхъ береговъ Сибири.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны предпринято опознаніе береговъ Сибири отъ Бѣлаго Моря до Берингова Пролива, и изслѣдованіе возможности Ледовитымъ Моремъ пройти изъ Архангельска въ Камчатку. Адмиралтействъ - Коллегія, для лучшаго исполненія сего предпріятія, положила отправить мореплавателей въ Ледовитое Море въ одно время изъ трехъ разныхъ мѣстъ: 1, отъ города Архангельска два судна, на востокъ до устья Оби; 2, изъ рѣки Оби на востокъ до устья Енисея одно судно; 3, изъ рѣки Лены два судна, одно на западъ къ устью Енисея, другое на востокъ, мимо устья Колымы до Берингова Пролива.

Для перваго отряда Коллегія сдѣлала всѣ нужныя распоряженія, предоставивъ главному командиру Архангельскаго порта выборъ и снабженіе судовъ. По совѣту мореходцевъ того края построили два коча: Экспедиціонъ и Обь, длиною въ $52\frac{1}{2}$ футовъ, шириною въ 14 футовъ, глубиною 8 футовъ. Экипажъ каждого судна состоялъ изъ 20 человѣкъ; командирами опредѣлены лейтенанты Муравьевъ и Павловъ.

Они отправились отъ города Архангельска 4-го Іюля 1734 года, достигли Мутнаго Залива (въ Карскомъ Морѣ), и возвратились зимовать къ устью рѣки Печоры. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1735 года вышли опять въ море, прошли не далѣе, какъ въ прежнее плаваніе, и зимовали по прежнему въ рѣкѣ Печорѣ.

Адмиралтействъ-Коллегія, уваживъ представленіе лейтенанта Муравьева, что онъ не могъ имѣть же-

даемыхъ успѣховъ отъ того , что ходилъ на кочахъ, приказала построить у города Архангельска два палубные бота, длиною въ 60 и 50 футовъ, и отправить оныя подъ командою лейтенантовъ Скуратова и Сухотина ; на мѣсто лейтенанта Муравьева поступилъ лейтенантъ Малыгинъ , который былъ тогда на рѣкѣ Печорѣ. Мая 27-го 1736 года, на кочѣ Экспедиціонъ, онъ пошелъ внизъ рѣки; 29-го противъ устья льдомъ кочъ разбило , и сдва могли спасти людей и часть груза. Исправя немедленно другой бывшій съ нимъ кочъ Обь , Малыгинъ отправился въ путь 17 - го Іюля. Превозмогая чрезвычайныя затрудненія отъ льдовъ, задержанный долгое время подъ островомъ Долгимъ , гдѣ 7-го Августа присоединились къ нему вышеупомнутые боты, подъ начальствомъ лейтенантовъ Скуратова и Сухотина, г-нъ Малыгинъ пересѣлъ на первый ботъ , а на второй опредѣлилъ Скуратова; Сухотина на кочѣ Оби отправилъ въ Архангельскъ, и съ двумя ботами дошелъ до рѣки Кары , гдѣ остался зимовать. Сухотинъ возвратился въ Архангельскъ благополучно.

Въ семь же году , въ Іюль и Августъ мѣсяцахъ, геодезистъ Селифонтовъ описалъ на оленяхъ западный берегъ Обской Губы, и пересѣхавъ на карбасѣ къ Острову Бѣлому, осмотрѣлъ часть его южнаго берега. Въ Ноябрь присоединился онъ къ лейтенанту Малыгину. Въ слѣдующемъ году, Марта 16-го, Селифонтовъ отправленъ вторично на оленяхъ съ Самоѣдами къ Ледовитому Морю, для описи матераго берега и Острова Бѣлаго. Дѣйствія его неизвѣстны.

Въ началѣ Іюня, 1737 года, вскрылась рѣка Кара, но какъ море очищается отъ льду не прежде половины Іюля, то гг. Малыгинъ и Скуратовъ, съ общаго совѣта, положили пробыть на мѣстѣ до 1-го Іюля. Въ половинѣ Іюня показалась между слугите-

лями цынготная болѣзнь, которую однакожь успѣли истребить противоцынготными травами, растущими по окрестнымъ тундрамъ *.

3-го Іюля, наши мореплаватели достигли устья рѣки Кары; въ морѣ видно было еще весьма много льду. Направили плаваніе по возможности къ сѣверу; наконецъ 23-го Іюля усмотрѣли островъ Бѣлый, и 24-го легли на якорь въ проливѣ, отдѣляющемъ островъ отъ материкаго берега. Широту опредѣлили 73°8'. Приливъ шелъ отъ W только 4 часа, а отливъ 8 часовъ отъ 0; первый приносилъ съ собою соленую воду, послѣдній прѣсную. Теченіе отлива было многимъ сильнѣе теченія прилива, которое иногда было едва ощутительно. Прикладный часъ 3 ч., возвышеніе воды 1½ ф. Проливъ устья мелями, между коими бывають сильныя спорныя теченія. Противныя вѣтры задержали лейтенанта Малыгина въ этомъ проливѣ 25 дней. Обогнувъ (по Миллеру) мысъ, называемый Самоѣдами Ямалъ, 18-го Августа боты вошли наконецъ въ Обскую Губу, 11-го Сентября въ рѣку Обь, 5-го Октября въ рѣку Сочву, гдѣ и зимовали; служителей помѣстили въ Березовѣ по квартирамъ. Лейтенантъ Малыгинъ возвратился берегомъ въ С. Петербургъ; Скуратовъ и подштурманъ Головишъ, на прежнихъ ботахъ, 11-го Августа 1739 года, пришли въ рѣку Двину, испытавъ на пути множество опасностей отъ льдовъ.

Другіе два отряда, которымъ надлежало осмотрѣть берега отъ рѣки Оби къ востоку, поступили въ распоряженіе командора Беринга. Онъ приказалъ построить въ Тобольскѣ дубель-шлюпку, названную Тоболь, назначилъ командиромъ лейтенанта Овцына, и снабдилъ его наставленіями, данными Адмиралтействъ - Коллегією. Дубель - шлюпка была

* Четырехкратное путешествіе кашатавъ-лейтенанта Литке, стр. 87.

длиною 70, шириною 15, глубиною 8 футовъ, двухъ мачтовая, съ 8 двухъ-фунтовыми фалконетами, вооружена какъ шнява; экипажъ состоялъ изъ 53 чело­вѣкъ; сверхъ того іеромонахъ, штурманъ и гео­дезистъ *.

15-го Мая 1734 года, по совершенномъ изготов­леніи дубель-шлюпки Тоболъ, лейтенантъ Овцынъ отправился изъ Тобольска внизъ по Иртышу, и съ нимъ нѣсколько дощениковъ, нагруженныхъ прові­антомъ и морскою провизіею. Тобольскій губер­наторъ Плещеевъ, флота капитанъ Чириковъ, и профессеры Академіи Наукъ, находившіеся при Кам­чатской экспедиціи, провожали лейтенанта Овцына нѣсколько верстъ; 9-тъ дней онъ шелъ внизъ по Иртышу, миновалъ многія Русскія деревни и Остяц­кія юрты; 24-го Мая остановился на короткое вре­мя при устьѣ сей рѣки, у большой слободы, назы­ваемой Сатаховской Ямъ, и перемѣнивъ проводника, продолжалъ путь далѣе внизъ по рѣкѣ Оби.

2-го Іюля пришелъ онъ къ городу Березову, принялъ на суда проводниковъ и служителей, назначенныхъ въ дополненіе къ имѣющей у него командѣ. Чрезъ три дня отправился далѣе, и 12-го въ полдень достигъ къ Обдорскому острожку, последнему Россійскому селенію при рѣкѣ Оби.

15-го, Овцынъ пришелъ къ устью рѣки Оби, гдѣ она впадаетъ въ Обскую Губу тремя рукавами, и по восточному, въ которомъ глубина больше, вышелъ въ губу 19-го Іюля. Въ сіе время, отъ сильнаго, крѣпкаго вѣтра, дощеники такъ повредились, что

* Помѣщаемое здѣсь описаніе путешествій лейтенантовъ Малыки­на, Овцына, Провищева, Лаптева, и штурмановъ Челюскина и Ми­нина, заимствовано мною частию изъ Записокъ бывшаго государствен­наго адмиралтейскаго департамента, на 1820 годъ; довольно значи­тельны ошибки и пропуски, въ семъ извлеченіи мною замѣченные, исправлены и пополнены изъ подлинныхъ журналовъ.

плаванія на нихъ продолжать было невозможно; одинъ разломали, изъ лѣса построили на берегу магазинъ, и выгрузили въ него провіантъ и прочіе припасы. При этомъ мѣстѣ семь озеръ, почему и назвали оное Семіозернымъ. Широта по наблюденіямъ найдена $66^{\circ} 36'$.

Оставя караулъ при магазинахъ, 21-го Овцынъ продолжалъ путь далѣе, подлѣ праваго берега Обской Губы. 26-го послалъ на лодкахъ унтеръ-офицера и семь человекъ служителей, впередъ къ Ледовитому Морю, для поставленія при устьѣ Обской губы знаковъ, и для встрѣчи ожидаемыхъ отъ города Архангельска судовъ; по препятствію отъ противныхъ вѣтровъ и мелей, между конями надлежало искать фарватера, Овцынъ шелъ впередъ по Обской Губѣ къ сѣверу весьма медленно. 6-го Августа пришелъ онъ въ широту $70^{\circ} 4'$, и опасаясь пускаться далѣе, по причинѣ приближавшейся осени и наставшихъ морозовъ, рѣшился итти зимовать къ Обдорскому острожку, и прибылъ къ оному 4 Сентября.

Во время плаванія по Обской Губѣ, лейтенантъ Овцынъ на берегахъ ея находилъ безлѣсныхъ тундрныхъ мѣста, землю, замерзшую въ самое лѣто глубже полу-аршина; имѣлъ частыя свиданія съ кочующими Самоѣдами; видѣлъ по тундрѣ много оленей и медвѣдей, и одинъ разъ примѣтилъ въ губѣ плавающихъ бѣлугъ.

Дубель-шлюпку разружили, и выгрузили всѣ припасы въ магазины; люди перебрались въ острогъ; 13 Октября рѣка Объ покрылась льдомъ.

Въ Ноябрь пріѣхали въ Обдорскъ съ западной стороны оленные Самоѣды, для взноса въ казну ясака, и сказывали, что прошедшаго лѣта видѣли на берегу Ледовитаго Моря, близъ рѣки Кары, Русскихъ людей, посланныхъ изъ Пустоозерска на оленяхъ,

для постановленія маяковъ. Овцынъ съ тѣми Самоѣдами отправилъ въ Пустоозерскъ двухъ казаковъ, къ лейтенанту Муравьеву, для извѣщенія его о плаваніи своемъ по Обской Губѣ, и о маякахъ, поставленныхъ на устьѣ оной.

1735 года Мая 29-го, лейтенантъ Овцынъ пошелъ внизъ по Оби, но отъ льду принужденъ былъ безпрестанно останавливаться у береговъ. 6-го Іюня пришелъ онъ къ семіозернымъ магазинамъ, и взялъ оставленную прошедшаго года провизію. 11-го продолжалъ путь далѣе; вскорѣ вновь задержанъ льдомъ, неподвижнымъ по всей Обской Губѣ; 20-го ледъ взломало, и фарватеръ началъ очищаться, но до 8 Іюля Овцынъ шелъ на дубель-шлюпкѣ вслѣдъ за льдомъ весьма медленно; въ это время оказалась у многихъ изъ бывшихъ съ нимъ цыгта, которая вскорѣ усилилась, до того, что въ половинѣ мѣсяца изъ 53 человекъ оставалось здоровыхъ только 17 человекъ. Овцынъ былъ также тяжело боленъ, и съ совѣта своихъ подчиненныхъ принужденъ 18-го Іюля пойти въ обратный путь. Предполагая зимовать въ Тобольскѣ, какъ для лучшаго излеченія больныхъ и исправленія поврежденной дубель-шлюпки, такъ и для запаса на будущее время провизіи, онъ, при помощи присланныхъ къ нему изъ Обдорска и Березова служителей, сколько возможно поспѣшавъ плаваніемъ, но пришелъ къ Тобольску не прежде 6-го Октября; въ сіе время по Иртышу уже несло ледъ, и рѣка вскорѣ стала.

Черезъ два мѣсяца по прибытіи въ Тобольскъ, Овцынъ, получа отъ болѣзни облегченіе, отправился въ С. Петербургъ для личнаго донесенія Адмиралтействъ Коллегіи о своемъ плаваніи, и о предстоявшихъ препятствіяхъ къ исполненію возложеннаго на него дѣла. Онъ представлялъ, что ежели ему

повелѣно будетъ на будущее лѣто итти въ Ледовитое Море, то по причинѣ опаснаго плаванія между льдами, нужно дать еще другое судно, для взаимнаго вспомошествованія, въ случаѣ поврежденія одного изъ нихъ, и что онъ почитаетъ полезнымъ послать весною, по зимнему пути, на оленяхъ, или на собакахъ, геодезиста, описывать берега Ледовитаго Моря до устья рѣки Енисея. Адмиралтействъ Коллегія, находя это представленіе основательнымъ, предписала Овцыну построить въ Tobольскъ къ будущему лѣту палубный ботъ, для совокупнаго плаванія съ дубель-шлюпкою, назначила на онъ командиромъ флотскаго мастера Кошелева, и положила отправить геодезиста для описи береговъ Ледовитаго Моря. Овцынъ поспѣшилъ возвратиться въ Tobольскъ, взявъ съ собою мастера Кошелева, которому поручено было строеніе новаго судна; они прибыли на мѣсто 24-го Февраля, приступили къ заготовленію лѣсовъ, и Марта 11-го заложили палубный ботъ, длиною въ 60, шириною въ 17, глубиною $7\frac{1}{2}$ футовъ. Какъ ни поспѣшали строеніемъ, но не успѣли приготовить бота къ плаванію на слѣдующее лѣто.

Въ 1736 году, Мая 23-го, лейтенантъ Овцынъ, на дубель-шлюпкѣ, и съ дощениками, нагруженными провіантомъ, отправился изъ Tobольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби. 14-го Іюня пришелъ въ Березовъ, гдѣ простоялъ до 23-го, для перегруженія провіанта, и для разныхъ исправленій на дубель-шлюпкѣ. 4-го Іюля миновалъ Обдорскъ, 7-го достигъ къ устью рѣки Оби, оставилъ дощеники у Семіозерныхъ магазиновъ, и на дубель-шлюпкѣ слѣдовалъ далѣе къ сѣверу по Обской Губѣ. 28-го прошелъ то мѣсто, откуда возвратился въ 1734 году; 5-го Августа достигъ въ широту $72^{\circ} 34'$, гдѣ остановленъ

льдомъ, который впереди покрывалъ всю Обскую губу, и стоялъ еще твердо съ прошедшей зимы. Лейтенантъ Овцынъ ходилъ взадъ и впередъ около этого мѣста, въ ожиданіи, что ледъ будетъ взломанъ и унесенъ въ море; видя, что онъ стоитъ неподвижно, рѣшился, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, для зимованія возвратиться въ Обдорскъ, куда и прибылъ 26-го Сентября. Въ началѣ Октября рѣка Объ покрылась льдомъ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ пріѣхали къ Обдорску Оленные Самоѣды, для вѣноса въ казну ясака; съ ними отправленъ геодезін ученикъ, описывать берегъ Ледовитаго Моря.

1737 года, Мая 5-го, флотскій мастеръ Кошелевъ и штурманъ Мининъ, на вновь построенномъ ботѣ, названномъ Почталіонъ-Объ, пошли отъ Тобольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби; 5-го прибыли къ Обдорску, и вступили подъ начальство лейтенанта Овцына. Въ это время дубель-шлюпка была готова къ походу. Овцынъ опредѣлилъ на оную командиромъ мастера Кошелева, а самъ перешелъ на ботъ.

29-го Іюня оба судна отправились отъ Обдорска внизъ по рѣкѣ Оби. 9-го Іюля пришли къ Семіозернымъ магазинамъ, взяли на суда оставленный въ нихъ прошедшаго лѣта провіантъ, и другіе припасы. 14-го пошли далѣе къ сѣверу по Обской Губѣ, но за противными вѣтрами и туманами весьма медленно. 6-го Августа находились въ широтѣ 72° 46', у праваго берега Обской Губы, близъ устья залива, называемаго Гыдыямъ, вдавагося внутрь берега къ юговостоку, на 160 верстѣ; въ вершинѣ его впадаетъ рѣчка того же названія.

7-го Августа, лейтенантъ Овцынъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, положилъ, по позднему осеннему времени, не осматривать лѣваго берега Обской Губы, а поспѣшить къ рѣкѣ Енисею. На другой

день мореплаватели вышли въ Ледовитое Море; близъ устья Обской Губы, въ широтѣ $72^{\circ} 40'$, увидѣли, что направленіе прилива на SW, по $3\frac{1}{2}$ мили, отлива на NO съ равною скоростію. При попутномъ вѣтрѣ, продолжая путь къ сѣверу до широты $73^{\circ} 56'$, встрѣтили густой, высокими буграми стоявшій ледъ, на которомъ сидѣли чайки во множествѣ; глубина въ этомъ мѣстѣ была 11 саженъ; теченіе моря къ западу по $\frac{3}{4}$ мили въ часъ. Здѣсь видѣли кита. Поворотили отъ льдовъ къ берегу на SOtS и впереди льдовъ уже не было. На другой день усмотрѣли на ONO землю; глубина была 7, 6 и 5 саженъ; грунтъ сѣрый и крѣпкій песокъ. 10-го приблизились къ невысокому и ровному берегу, у котораго стали на якорь, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ мили, на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ саженъ, имѣя сѣверный мысъ на NNO, южную оконечность берега на StO. Для обозрѣнія сего берега посланъ на ялботѣ штурманъ Мининъ, который къ вечеру возвратясь, донесъ, что берегъ ровный, невысокій, положеніе отъ SW къ NO; по заплескамъ лежитъ много выброшеннаго моремъ лѣса; далѣе внутри берега шесть озеръ, соединенныхъ одно съ другимъ рѣчкою, впадающею въ море; по озерамъ и рѣчкѣ множество дикихъ гусей, утокъ и чаекъ. Земля вездѣ тундренная, и нѣтъ ни какого растенія; вдали видѣли дикихъ оленей и одного бѣлаго медвѣдя. Широта якорнаго мѣста найдена $73^{\circ} 10'$; склоненіе компаса $\frac{1}{2}$ румба восточное; теченіе моря примѣчено съ 7-го часа утра до полудня $3\frac{1}{4}$ мили къ сѣверу.

Слѣдующіе шесть дней, мореплаватели наши, при противныхъ вѣтрахъ, днемъ лавировали, а въ ночное время стояли на якорѣ. 16-го находились въ широтѣ сѣверной $73^{\circ} 18'$; тогда сѣверо-восточный мысъ,

называемый Мате-Соль *, былъ отъ нихъ на SO в $3\frac{1}{2}$ миляхъ. На семъ мысѣ лейтенантъ Овцынъ приказалъ поставить изъ выкиднаго лѣса знакъ, съ надписью, что онъ въ 1737 году, 16-го Августа, прошелъ съ двумя судами изъ Обской Губы къ востоку. Въ этомъ мѣстѣ вода горька и солона, цвѣта свѣтлозеленаго; приливъ и отливъ N и S по $3\frac{1}{4}$ мили. Идучи далѣе къ O, на глубинѣ 10, 7, 5 сажень, замѣтили 17-го числа множество лѣсу, несоматаго отъ S къ N. Глубины оказывались весьма неровныя, и обширныя мели простирались отъ берега въ море. За мысомъ Мате-Соль къ StO вдался большой заливъ на 100 верстъ, шириною до 35. Далѣе этого залива морской берегъ до устья рѣки Енисея простирается къ SO на 160 верстъ.

30-го Августа мореплаватели наши подошли къ устью рѣки Енисея, и чрезвычайно были обрадованы прибытіемъ на лодкѣ геодезіи ученика Прянишникова, который близъ устья Енисея ожидалъ суда, чтобы показать имъ входъ въ рѣку.

1-го Сентября оба судна благополучно вошли въ устье рѣки Енисея, и остановились у магазиновъ, которые, по приказанію начальства, нарочно были построены для припасовъ, нужныхъ нашимъ путешественникамъ. Широта сего мѣста найдена $71^{\circ}31'$; склоненіе компаса $\frac{3}{4}$ румба восточное.

Получивъ изъ магазиновъ провіантъ, и взявъ проводника, знающаго фарватеръ рѣки, лейтенантъ Овцынъ пошелъ 2-го Сентября Енисеемъ; въ про-

* Въ Хронологической исторіи г. Берха, часть I-я стр. 124, ошибочно сказано, что сіе четвертое плаваніе Овцына было въ 1738 году, и что онъ тогда, обошедъ мысъ Ямалъ, вошелъ въ рѣку Енисей; у Миллера также ошибка въ годъ, но мысъ называется онъ Мате-соль. Мысъ Ямалъ, какъ мы выше видали, находится на западной сторонѣ Обской губы. Мате-соль на Самойдскомъ языкѣ значить Ту-пой мысъ.

долженіе мѣсяца поднимался онъ вверхъ подъ парусами, поспѣвая сколько возможно къ городу Туруханску, но 2-го Октября остановленъ льдомъ, и зимовалъ въ Ангутскомъ заливѣ, не доходя 30 верстъ до Туруханска. Мастеръ Кошелевъ на дубель-шлюпкѣ остался на нѣсколько верстъ, не могъ идти далѣе, принужденъ былъ спуститься внизъ по Енисею, и при устьѣ рѣки Денешкиной остался для зимованія, въ 100 верстахъ отъ Туруханска.

1738-го года, лейтенантъ Овцынъ, по доносу подчиненныхъ, отданъ подъ судъ. Мастеръ Кошелевъ потребованъ въ С. Петербургъ, для отчета по дѣламъ. Штурману Минину предписано слѣдующаго лѣта идти въ Ледовитое Море, и стараться обойти Таймурскій Мысъ.

По наступленіи весны, оба судна были освидѣтельствованы, и оказалось, что дубель-шлюпка къ плаванію не надежна. Штурманъ Мининъ приготовилъ ботъ, на которомъ Іюня 4-го отправился внизъ по рѣкѣ Енисею, и 3-го Августа пришелъ къ ея устью. По выходѣ въ море продолжалъ плаваніе подлѣ берега; 8-го Августа миновалъ утесистаго каменнаго берега мысъ, называемый Ефремовъ камень, въ широтѣ $72^{\circ} 36'$; 9-го, въ широтѣ $72^{\circ} 53'$, на глубинѣ 15 сажень, встрѣтилъ густой ледъ, который принудилъ его возвратиться къ зимовью Волгину; широта онаго найдена $72^{\circ} 20'$. Простоявъ три дня, Мининъ пошелъ опять къ сѣверу вдоль утесистаго каменистаго берега. 16-го, въ широтѣ $73^{\circ} 8'$, сталъ на якорь за утесистымъ же каменистымъ островомъ, отъ матераго берега въ 4 миляхъ; далѣе за великими льдами продолжать плаванія было невозможно. 22-го послалъ на ялботъ штурмана Стерлегова подлѣ берега, для осмотра, не найдется ли гдѣ возможности пройти; черезъ три дня посланный возвра-

тился, и донесъ, что онъ шелъ подлѣ самаго берега между льдомъ съ великою трудностію; въ 40 верстахъ отъ судна увидѣлъ, что берегъ заворотился къ востоку и дальній мысъ, впереди, былъ тогда на $ONO \frac{1}{4} O$, въ 16 миляхъ. Итти къ нему штурманъ Стерлеговъ не могъ, по недостатку взятой имъ провизіи, и принужденъ былъ возвратиться къ судну. Вдоль сѣвернаго берега того острова, за которымъ ботъ былъ на якорѣ, глубина 19 и 20 сажень.

Штурманъ Мининъ, простоявъ за островомъ до 30-го Августа, по причинѣ наступившихъ морозовъ, отправился въ обратный путь; 13-го Сентября вошелъ въ рѣку Енисей, и зимовалъ, не доходя до города Туруханска, у зимовья Исакова Терехино. .

1739-го года, Іюня 3-го рѣка вскрылась. Штурманъ Мининъ весною занялся описью тѣхъ частей Енисея, которыя въ прошедшіе годы не были еще осмотрѣны; въ фарватерѣ нашелъ онъ отъ 2 до 8 сажень глубины. 18-го Іюня на ботѣ ходилъ Мининъ вверхъ Енисея къ Туруханску, чтобы запастись провизіею, долженъ былъ ожидать оной до 31-го Іюля, и потому отправился въ предназначенный ему путь весьма поздно, дошелъ только до устья рѣки Енисея и возвратился.

Въ 1740 году, изъ Туруханска на собакахъ посланъ штурманъ Стерлеговъ къ устью Енисея, для описи морскаго берега до рѣки Таймуры. Онъ поѣхалъ отъ Волгинскаго зимовья, при устьѣ Енисея, и 22-го Марта былъ у сѣверовосточныхъ острововъ, въ широтѣ по наблюденію $73^{\circ} 5'$; 23-го началъ опись; въ тотъ же день, въ широтѣ по наблюденію $75^{\circ} 9'$, нашелъ склоненіе компаса 10° восточное; ему казалось, что въ 3 и 4 верстахъ отъ берега носился ледъ, и какъ онъ говорить: «надъ водою

стоитъ паръ, яко дымъ». Продолжая опись вдоль берега на сѣверъ, Стерлеговъ почти каждый день опредѣлялъ широту по наблюденіямъ. Берегъ материка и близъ него лежащіе острова скалисты, до широты $75^{\circ} 13'$,—въ которой находился Стерлеговъ. Апрѣля 12-го. 14-го, на высокомъ каменномъ мысѣ, въ широтѣ $75^{\circ} 26'$, поставили маякъ-компасъ; «склоненіе праваго сѣвера (такъ говоритъ Стерлеговъ) весьма много стало показывать, и не равное, и уповаемо, что въ здѣшнихъ сѣверныхъ мѣстахъ магнитная сила служить не стала.» По причинѣ боли въ глазахъ, отъ блестящей бѣлизны снѣга, какъ у проводниковъ, такъ и у Стерлегова, онъ принужденъ' пойти въ обратный путь, и остановился при устьѣ рѣки Пясины, въ зимовьѣ двухъ промышленниковъ, чтобы дать отдохнуть собакамъ, изъ коихъ больше половины такъ истощали, что не могли далѣе везти нартъ. 29-го Мая достигли устья рѣки Енисея.

Штурманъ Мининъ, 7-го Іюня, на ботѣ отправился внизъ по рѣкѣ Енисею; 4-го Августа вышелъ въ Ледовитое Море, и слѣдовалъ вдоль берега къ сѣверу. Прошедъ острова сѣверовосточные, терпѣлъ жестокий штормъ отъ SW и NW, потерялъ яликъ, который висѣлъ на боканцахъ; 14-го Августа, для укрытія отъ волненій, зашелъ за рифъ, гдѣ и отстоялся на якорѣ. Продолжая плаваніе, 16-го находился близъ устья рѣки Пясины, въ которое по причинѣ мелей, войти не могъ. 17-го, осмотрѣвъ заливъ въ устьѣ этой рѣки, дабы въ случаѣ нужды найти надежное убѣжище. Заливъ закрытъ отъ NW вѣтровъ, глубина $4\frac{1}{2}$ сажени, грунтъ хорошъ. 20-го, въ широтѣ по наблюденіямъ $74^{\circ} 43'$, усмотрѣли за двумя островами закрытый заливъ. При благополучномъ вѣтрѣ продолжая плаваніе на N, находили глубину 8, 10 сажень, и вдругъ лотомъ не достали

два *. Августа 21-го въ широтѣ $75^{\circ} 15'$, Мининъ встрѣтилъ непроходимый ледъ, и потому въ журналѣ его сказано: «отъ незнанія впереди положенія берега, къ прибѣжищу отъ всѣхъ случаевъ, къ сохраненію судна принужденъ былъ поворотить назадъ.» Время уже настояло холодное, и Делилевъ термометръ опускался на 209° (Реомюр. 3°). 28-го Августа вошли въ устье р. Енисея, вверхъ которой продолжали плаваніе до широты $69^{\circ} 40'$, гдѣ 16-го Сентября, при устьѣ рѣки Дудины остановились зимовать.

Въ 1741 году, штурманъ Мининъ описывалъ рѣку Енисей до города Енисейска, гдѣ оставя ботъ Почталіонъ-Объ, съ командою отправился въ С. Петербургъ.

На дубель-шлюпку Якутскъ, подобную Оби, построенную въ Якутскѣ, назначенъ командиромъ лейтенантъ Прончищевъ, которому предписано идти Ледовитымъ Моремъ отъ устья Лены на западъ къ Енисею, на встрѣчу боту Оби, подъ командою лейтенанта Овцына. Въ то же время приготовлено было въ Якутскѣ другое судно, Иркутскъ, подъ начальствомъ лейтенанта Ласиніуса, которому велѣно идти на востокъ по Ледовитому Морю, близъ береговъ, и стараться пройти Беринговымъ проливомъ въ восточный Океанъ, а потомъ продолжать путь къ Камчаткѣ, или къ рѣкѣ Анадыру.

Іюня 30-го 1735 года, оба судна отправились внизъ по теченію рѣки Лены, сопровождаемыя дощаниками, на коихъ погруженъ былъ запасный провіантъ, съ другими разными потребностями. Плаваніе по Ленѣ совершили безъ всякаго затрудненія; глубина по рѣкѣ найдена отъ 4 до 9 сажень; берега были покрыты лиственничнымъ и березовымъ

* Въ журналѣ не упомянуто, сколько сажень льда выпустили.

лѣсомъ; мореплаватели миновали много острововъ, на которыхъ, такъ, какъ и на берегахъ рѣки, видѣли промышленниковъ, ловившихъ рыбу; по вѣсѣмъ этимъ обстоятельствамъ путешествіе было довольно пріятное.

2-го Августа пришли къ устью Лены, впадающей въ Ледовитое Море пятью рукавами, образуя чрезъ то четыре острова; 8-го, восточнымъ рукавомъ, называемымъ Быховскій Протокъ, вышли въ Ледовитое Море; тогда, перегрузивъ на суда провіантъ и припасы, отправили дощаники обратно въ Якутскъ.

9-го Августа, оба мореплаватели разстались, пожелавъ другъ другу достигнуть благополучно назначенной имъ цѣли. Ласиніусъ пошелъ на востокъ. Прончищевъ, за противнымъ вѣтромъ не прежде 14-го, направилъ путь къ сѣверу, обходя острова Кырылаъ, Тумиты и Креста, которые лежатъ въ устьѣ рѣки Лены, и ея рукавами отдѣляемы отъ матерой земли.

16-го Августа Прончищевъ увидѣлъ къ сѣверу множество льду, и потому не удаляясь отъ вышеупомянутыхъ острововъ, но держась подлѣ нихъ, шелъ къ сѣверу и сѣверозападу, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$, 2 и $2\frac{1}{2}$ сажень; 24-го пришелъ къ западному устью рукава Лены, поворотилъ на югъ, внутрь губы, къ устью рѣки Оленекъ, къ которому приближась, 26-го числа сталъ на якорь, и послалъ промѣривать фарватеръ, ведущій въ рѣку; 30-го вошелъ въ устье, и остановясь у берега, противъ пустыхъ лѣтнихъ промышленническихъ юртъ, расположился зимовать.

20-го Сентября, крѣпкимъ сѣвернымъ вѣтромъ нанесло съ моря въ рѣку множество льда, который бѣвшимъ тогда морозомъ скрѣпило, и рѣка стала.

5-го Октября отдѣлали для жилья землянки, и команда съ судна перебралась въ нихъ. Широта этого мѣста по наблюденіямъ найдена $72^{\circ} 54'$. 10-го Ноября солнце скрылось за горизонтъ *.

Съ наступленіемъ весны 1736 года лейтенантъ Прончищевъ началъ готовить судно къ походу, но рѣка Оленекъ вскрылась до устья не ранѣе 21-го Іюня, и тогда въ морѣ стоялъ еще твердый ледъ.

3-го Августа отнесло льды отъ устья Оленека, и Прончищевъ направилъ путь къ сѣверозападу.

5-го, пришедъ въ устье рѣки Анабары, посылаѣ геодезиста Чекина вверхъ по рѣкѣ, промѣривать глубину; чрезъ 6 дней Чекинъ возвратился.

12-го Прончищевъ отправился далѣе къ сѣверу вдоль берега, но отойдя только 32 мили, встрѣтилъ льды, между коими, при противномъ вѣтрѣ, лавировалъ; 13-го пробрался къ устью губы Хотанги, которая при входѣ шириною до 30 миль; на срединѣ два острова, одинъ низменный и отъ него къ за-

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента, выведена изъ показаннаго времени сокрытія солнца за горизонтъ широта мѣста $70^{\circ} 57'$, и по разности сей широты съ опредѣленною Прончищевымъ заключили, что сія послѣдняя опредѣлена не вѣрно. Основываясь на ошибочномъ предположеніи, и на широтѣ устья Колымы, найденной капитаномъ Биллингсомъ, $69^{\circ} 29'$, на $1^{\circ} 46'$ менше означенной на прежнихъ картахъ Ледовитаго Моря, выведено заключеніе, «что берегъ Ледовитаго моря на прежнихъ картахъ, т. е. картахъ, сочиненныхъ морскими офицерами, бывшими съ Прончищевымъ, положенъ на полтора градуса сѣвернѣе настоящаго. Для опроверженія всего этого нужно тожко замѣтить:

1. Широта устья Оленека на картѣ Прончищева $72^{\circ} 54'$.

— — — — — лейт. Анжу. $72^{\circ} 57'$.

2. Широта (счисляемая) маяка при устьѣ рѣки Ко-

лымы, Лаптевымъ $70^{\circ} 05'$.

лейт. Врангелемъ $69^{\circ} 35'$.

3. Въ большихъ сѣверныхъ широтахъ, зимою и при таяніи снѣговъ весною, горизонтальная рефракція бываетъ столь велика и не равномерна, что нарушаетъ вѣрность обыкновеннаго математическаго вычисленія широты, по времени сокрытія свѣтила за горизонтомъ.

паду другой утесистый каменный; глубина въ устьѣ отъ 9 до 12 сажень. Прончищевъ, усмотря на берегу шалашъ, послалъ провѣдать, нѣтъ ли жителей; посланные вскорѣ возвратясь, объявили, что усмотрѣнный шалашъ зимовье промышленниковъ; людей не видали; нашли только собакъ и свѣжій хлѣбъ, изъ чего заключили, что хозяинъ вышелъ на промыселъ.

По наблюденію высоты солнца, Августа 14-го, находились въ широтѣ $74^{\circ} 48'$; склоненіе компаса было $1\frac{1}{2}$ румба восточное; устье губы Хотанги отстояло на SW $2^{\circ} 44'$, въ 30 миляхъ.

17-го увидѣли губу, покрытую сплошнымъ льдомъ, мимо коего пробирались далѣе съ великимъ трудомъ, на глубинѣ отъ 2 до 14 сажень. Между льдомъ видѣли много острововъ, но за туманомъ величины ихъ опредѣлить не могли. По счисленію, мореплаватели наши полагали, что они въ 120 миляхъ отъ устья губы Хотанги, въ широтѣ $76^{\circ} 20'$.

18-го, держась подлѣ стоячаго льда, по препятствіямъ отъ льда плавающего, шли впередъ весьма медленно. Высокія горы, покрытыя снѣгомъ, видны были за низменнымъ берегомъ, въ отдаленіи на югозападъ. Море было наполнено буграми плавающего льда, и въ губѣ стоялъ неподвижный гладкій ледъ.

19-го, прошли мимо большой губы, которая простиралась на югозападъ до 20 миль; впереди увидѣли два острова, и между ними проливъ, шириною около мили.

Прошедъ сіи острова, Прончищевъ держалъ къ сѣверу, дабы обойти сплошные, не ломанные льды, пролегающіе изъ губы въ море; суда были подвержены непрестанной опасности быть раздавленными отъ льда. Въ полдень мореплаватели наши полагали,

что находятся противъ устья рѣки Таймуры, берега коей возвышенны. Глубина моря поперегъ губы Таймурскаго устья была отъ 10 до 35 сажень *. Пробиваясь далѣе къ западу, видѣли между островами много плавающихъ бѣлугъ и летающихъ чаетъ. Это еще болѣе удостовѣряло, что были точно при устьѣ рѣки Таймуры **, но войти въ него не имѣли возможности, по причинѣ стоящаго сплошнаго льда, который, кажется, всегда неподвиженъ; у береговъ не видно было ни какихъ заплесковъ, но отъ него простирались въ море лдяныя закраины, по коимъ во множествѣ ходили бѣлые медвѣди. 20-го Августа, около полуночи, судно льдами сжало со всѣхъ сторонъ, такъ, что не было возможности итти далѣе, и потому въ широтѣ сѣверной 77° 29', Прончищевъ рѣшился, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, возвратиться, и итти зимовать въ рѣку Хотангу, или другое удобное мѣсто. Въ сіе время настала совершенная тишина, сдѣлался морозъ, и море покрылось льдомъ. Оставалось одно средство пробираться пазадъ греблею между льдовъ.

25-го задулъ крѣпкій сѣверный вѣтеръ, и судно со льдами понесло къ югу. Мореплаватели наши отчаявались въ своемъ спасеніи, но на другой день, къ счастью ихъ, сильными порывами вѣтра разнесло весь ледъ, и открылся свободный путь; тогда воспользовались благополучнымъ вѣтромъ, пришли къ устью рѣки Хотанги, но войти въ него не имѣли

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента сказано, что 18-го Августа, съ 5 сажень вдругъ оказалось 113 сажень глубины, а не много далѣе лотомъ дна не достали. Въ подлинномъ журнала Прончищева объ этомъ ничего не упомянуто.

** Прончищевъ ошибался, полагая себя противъ устья Таймуры, впадающей въ губу по западной сторонѣ сѣверовосточнаго мыса, котораго онъ не обошелъ, въ чемъ легко можно удостовѣриться, сравнивъ журналъ его съ описью Л. Х. Лаптева и штурмана Челоскина.

возможности, по множеству льду, и отъ того направили путь къ рѣкѣ Оленекъ; 28-го достигли ея устья; за противными вѣтрами и льдами носимы были шесть дней взадъ и впередъ. Весь экипажъ отъ стужи и трудовъ былъ въ великомъ изнеможеніи, и едва управлялъ парусами, которые отъ мокроты и стужи оледенѣли. Прончищевъ, больной, не могъ выходить изъ каюты; болѣзнь его еще болѣе усилилась отъ отчаяннаго положенія его судна, и онъ, къ крайней горести всѣхъ его подчиненныхъ, умеръ 30-го Августа. Послѣ него вступилъ въ начальствованіе судномъ штурманъ Челюскинъ.

3-го Сентября, мореплавателямъ нашимъ удалось войти въ устье Оленека. На другой день, они съ надлежащею почестью отдали послѣдній долгъ бывшему своему начальнику. Несчастная супруга Прончищева, бывшая съ нимъ въ этомъ путешествіи, лилась нѣжно любимаго ею мужа, не перенесла такой потери; снѣдаемая печалію, она вскорѣ за нимъ послѣдовала, и похоронена съ нимъ вмѣстѣ.

18-го Сентября, Оленекъ покрылся льдомъ. Штурманъ Челюскинъ зимовалъ при сей рѣкѣ; слѣдующаго 1737 года, въ исходѣ Іюля, вышелъ онъ на дубельшлюпкѣ въ Ледовитое Море, и предполагая, что послѣ тщетныхъ покушеній прошедшаго лѣта, и при очевидной невозможности миновать сѣверный Таймурскій мысъ, предпринимать вторичное плаваніе на западъ къ устью Енисея напрасно, рѣшился итти назадъ къ устью Лены, и по оной вверхъ возвратиться въ Якутскъ. По прибытіи въ этотъ городъ не нашелъ онъ тамъ командора Беринга, который тогда былъ въ Охотскѣ, послалъ къ нему рапортъ о своемъ возвращеніи, и отправился въ С. Петербургъ, для личнаго объясненія высшему начальству о плаваніи лейтенанта Прончищева. Адмиралтействъ Коллегія,

по рассмотрѣніи карты Ледовитаго Моря, представленной штурманомъ Челюскинымъ, не утвердися на его объясненіяхъ о невозможности пройти къ рѣкѣ Енисею, положила, для большаго удостовѣренія, испытать еще разъ, не удастся ли слѣдующимъ лѣтомъ, на дубель-шлюпкѣ, по Ледовитому Морю обойти сѣверный Таймурскій Мысъ; когда же при всѣхъ усиліяхъ сего сдѣлать невозможно, тогда осмотрѣть и описать мысъ берегомъ. Штурманъ Челюскинъ отправленъ обратно въ Якутскъ; между тѣмъ командиромъ на дубель-шлюпку опредѣленъ вмѣсто лейтенанта Прончишева, лейтенантъ Харитонъ Лаптевъ.

1739 г. лейтенантъ Лаптевъ, исправя дубель-шлюпку, и запасшись на два года провіантомъ, 9-го Іюня пошелъ отъ Якутска внизъ по рѣкѣ Лепѣ; 20-го Іюля, вышедъ въ Ледовитое Море черезъ Крестовскій рукавъ, на устьѣ сего рукава построилъ изъ выкиднаго лѣса маякъ, вышиною въ 7 сажень, отпустилъ обратно въ Якутскъ дощаники, кромѣ одного, который отправилъ къ устью Оленека, велѣлъ тамъ выгрузить провіантъ, и на дубель-шлюпкѣ пошелъ къ западу вдоль берега. Вскорѣ встрѣтилъ льды; продолжая путь между оными миновалъ рѣку Оленекъ; потомъ губу, покрытую стоячимъ льдомъ, по которому бѣгали во множествѣ песцы и одинъ бѣлый медвѣдь; губу сію назвалъ онъ Нордвигъ; наконецъ, 6-го Августа пришелъ къ устью губы Хотанги. Въ этомъ мѣстѣ лейтенантъ Лаптевъ намѣренъ былъ выгрузить съ дубель-шлюпки часть провіанта, но окруженная со всѣхъ сторонъ льдомъ, который принесло возставшимъ сѣвернымъ вѣтромъ, дубель-шлюпка была совершенно сжата, и ежеминутно надлежало ожидать ея крушенія. Въ такомъ опасномъ положеніи мореплаватели находились до 16-го Августа;

тогда перемѣнившись вѣтръ отнесъ льды въ море, и они продолжали путь къ сѣверу. На льдинахъ видѣли множество лежащихъ моржей.

20-го, прошли мимо мыса святаго Ѡаддея. Льды вновь прижимали дубель-плюпку къ берегу, и наконецъ стоячіе льды совсѣмъ заградили имъ путь.

21-го, остановясь на якорѣ подлѣ самаго мыса св. Ѡаддея, въ широтѣ $76^{\circ} 47'$ по счисленію, лейтенантъ Лаптевъ послалъ геодезиста Чекина по льду, узнать, далеко-ли на западъ простирается матерой берегъ. Въ то же время два человѣка посланы къ югу берегомъ, отыскать устье рѣки Таймуры, и шестеро на мысъ, для устройства на ономъ маяка; они нашли на самомъ мысѣ мамонтовый рогъ. «Мысъ св. Ѡаддея состоитъ изъ каменнаго утеса, и простирается въ губу къ S и къ W; мѣстами мелкій камень, бѣлый какъ алебастръ, влзкая глина, и изрѣдка мохъ, негодный для корма оленей.» Къ NW видѣли землю, и на ней высокія горы, мѣстами покрытыя снѣгомъ, и простирающіяся отъ N къ S около 30-ти верстъ. Лейтенантъ Лаптевъ полагалъ, что земля эта была та самая, отъ которой, въ 1736 году, лейтенантъ Прончищевъ пошелъ въ обратный путь, а островъ, отстоявшій отъ нихъ на NW близъ 10-ти миль, признанъ за послѣдній къ сѣверу, въ прошедшую кампанію описанный, и названъ островомъ св. Лаврентія.

Геодезистъ Чекинъ возвратился не разсмотрѣвъ, по причинѣ тумана, положенія берега; штурманъ Челюскинъ, посыланый на берегъ для обозрѣнія моря, по возвращеніи донесъ, что далѣе къ сѣверу губа и море покрыты гладкимъ, сплошнымъ льдомъ, и что не видно никакого прохода. Тогда лейтенантъ Лаптевъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, рѣ-

шился, по причинѣ приближающейся осени, и уже наступившихъ морозовъ, возвратиться.

На обратномъ пути, мореплаватели были подвержены непрестаннымъ опасностямъ отъ льдовъ, между коими пробирались съ великимъ трудомъ. Наконецъ, 27-го Августа, благополучно вошли въ Хотангу, гдѣ и остались зимовать, при устьѣ рѣчки Блудной. Въ этомъ мѣстѣ нашли осѣдлыхъ Тунгусовъ, называемыхъ Сидячими, потому, что не кочуютъ, а живутъ на одномъ мѣстѣ; они не имѣютъ оленей, а вмѣсто ихъ, для зимней ѣзды, держатъ собакъ, и запрягаютъ въ нарты, точно такъ, какъ Охотскіе сидячіе Тунгусы.

Экипажъ съ дубель-шлюпки переехалъ на берегъ въ избушки, которыя устроили изъ выкиднаго лѣса, но какъ по близости было его недостаточно и для построения жилищъ, а къ согреванію въ зимнее время надлежало имѣть весьма большое количество дровъ, то всѣ служители должны были ходить за лѣсомъ ежедневно по нѣскольку верстъ. Сіе безпрестанное движеніе много предохранило ихъ отъ цынготной болѣзни.

Лейтенантъ Лантевъ, стараясь въ точности исполнить порученное ему изслѣдованіе о положеніи Таймурскаго мыса, отправилъ, 1740 года, 23-го Марта, геодезиста Чекина, на собакахъ къ рѣкѣ Таймуръ, для описи морскаго берега, отъ устья оной къ сѣверу лежащаго, до рѣки Писины. Тунгусы взялись вести Чекина на своихъ семи нартахъ, запряженныхъ собаками. Двое оленныхъ Тунгусовъ, съ 18-ю оленями, согласились сопутствовать, но 9-го Апрѣля возвратились, и объявили, что у нихъ всѣ оленьи отъ недостатка корма пали.

17-го Мая, геодезистъ Чекинъ, возвратясь, донесъ, что онъ доѣхавъ до рѣки Таймуры, продолжалъ

•

путь вниз оной до морского берега, и потомъ вдоль онаго къ западу до 100 верстъ. Тогда увидѣлъ, что направленіе берега прямо на югъ. Отъ сего мѣста далѣе подлѣ моря слѣдовать онъ не могъ, по недостатку корма для собакъ, и долженъ былъ возвратиться, дабы поспѣшить къ зимовью.

Лейтенантъ Лаптевъ, зная изъ опыта, что сѣверный Таймурскій Мысъ обойти моремъ невозможно, по причинѣ простирающагося отъ онаго сплошнаго, неподвижнаго льду, не разсудилъ предпринимать вторичнаго плаванія, и рѣшился итти къ устью Лены. Два раза выходилъ онъ въ море, но льды принуждали его возвращаться въ Хотангскую Губу; 30-го Іюля вышелъ въ третій разъ, и съ великимъ трудомъ сталъ пробираться между льдами къ востоку.

13-го Августа, дубель-шлюпку сжало льдами, выломило форштвень, и пробило подводную ея часть, отъ чего оказалась великая течь. Три дня безпрестанно отливали воду, но какъ она не убывала, то сбросили пушки и прочія тяжести въ море, и начали выгружать провизію на ледъ, чтобы облегчить судно и спасти отъ потопленія.

Въ семь бѣдственномъ положеніи, мореплаватели наши, находясь далеко отъ береговъ, носимые между льдовъ вѣтрами и теченіемъ, совершенно предались отчаянію и ожидали томительной смерти.

19-го, наставшій сильный морозъ покрылъ тонкимъ льдомъ полныя мѣста между льдинами; тогда нѣкоторые смѣлые изъ служителей дубель-шлюпки пошли пѣшкомъ по льду къ берегу, полагая, что оный находится къ югу въ 20-ти верстахъ; во многихъ мѣстахъ встрѣчали полыньи, чрезъ которыя принуждены были переплывать на малыхъ льдинахъ, съ великою опасностію, и наконецъ благополучно достигли берега. Три дня послѣ того про-

должавшійся морозъ покрылъ все море твердымъ льдомъ; лейтенантъ Лаптевъ, забравъ сколько возможно провизіи, перешелъ со всѣмъ экипажемъ на берегъ. Сначала обрадовались, достигнувъ твердой земли, но скоро увидѣли, что положеніе было не лучше прежняго, ибо не могли продолжать пути къ своему Хотангскому зимовью, по причинѣ рѣчекъ, которыя тогда еще не стали, но покрыты были густымъ несущимся льдомъ; должно было оставаться на пустомъ берегу, гдѣ не находили даже и дровъ, для согрѣванія себя и варенія пищи. Вырыли въ землѣ ямы, въ которыхъ укрывались отъ стужи и вѣтровъ; между тѣмъ посылали попеременно людей къ дубель-шлюпкѣ, переносить на берегъ сухари и прочую провизію, но 30-го, возставшимъ крѣпкимъ вѣтромъ, весь ледъ взломанъ и унесенъ въ море, вмѣстѣ съ дубель-шлюпкой, и мореплаватели наши лишились большей части провизіи, оставшейся на льдинахъ. Послѣ сего провели три недѣли въ пустомъ мѣстѣ, претерпѣвая стужу и голодъ, отъ чего многіе умерли, но при всемъ томъ оставшіеся сохранили бодрость, и съ твердостью, безъ роптанія, перенесли свое несчастіе.

21-го Сентября, преграждавшія путь рѣки покрылись крѣпкимъ льдомъ, и лейтенантъ Лаптевъ съ командою началъ пробираться къ прежнему своему зимовью. Путь былъ весьма трудный и продолжительный; малую часть провизіи, истощенныя собаки везли на нартахъ; прочее несли служители на себѣ, прокладывая дорогу по неровнымъ и неизвѣстнымъ мѣстамъ; наконецъ, изнуренные 25-ти дневнымъ странствованіемъ, прибыли къ прежнему зимовью на рѣкѣ Хотангѣ, лишась дорогого 12-ти человѣкъ, умершихъ отъ стужи, голода и болѣзней.

Лейтенантъ Лаптевъ расположился провести зиму въ Хотангскомъ зимовьѣ, и весною, какъ скоро возможно будетъ, пробираться со всею командою къ устью рѣки Енисея, гдѣ находился приуготовленный въ магазинахъ провіантъ. Въ данномъ ему наставленіи предписано было осмотрѣть и описать сѣверный мысъ, между рѣками Хотангою и Таймурою, и ежели сего не можно будетъ исполнить моремъ, то произвести берегомъ, а потому, въ началѣ Апрѣля 1744-го года, онъ послалъ на собакахъ штурмана Челюскина къ рѣкѣ Пясинѣ, и велѣлъ ему, выкормив собакъ и запасшись кормомъ у сидчихъ Тунгусовъ, живущихъ въ сихъ мѣстахъ, вѣхать на сѣверо-востокъ вдоль морскаго берега, къ устью рѣки Таймуры.

Лейтенантъ Лаптевъ, приготовляясь отправиться на встрѣчу штурману Челюскину, и съ восточной стороны, кругомъ мыса Таймурскаго, описать берегъ, неосмотрѣнный лѣтомъ, послалъ Апрѣля 8-го, на 19-ти нартахъ, провіанта и другихъ сѣстныхъ припасовъ къ устью рѣки Таймуры, и на озеро Таймурское, а 10-го отправилъ на 60-ти оленьихъ санкахъ команду свою къ устью Енисея.

22-го, геодезистъ Чекинъ поѣхалъ, на 3-хъ нартахъ, для описи морскаго берега до Таймуры, а 24-го лейтенантъ Лаптевъ, чрезъ тундру, къ Таймурскому озеру, куда прибылъ 30-го, миновавъ нѣсколько озеръ и рѣчекъ, по курсу NW, на разстояніи около 192 верстъ. Отъ этого мѣста до вершины рѣки Таймуры, истекающей изъ сего озера, полагалъ онъ 22 версты, по румбу WNW. Сѣверные берега озера и рѣки (ширина ея отъ 2 до 2½ верстъ) состоятъ изъ высокихъ горъ, образованныхъ изъ камня желтоватаго цвѣта. Въ горахъ надъ берегомъ замѣтили пещеру, въ 5-ть сажень длины, и въ 3 по-

перегъ, кося стѣны состоятъ изъ чернаго аспида, а дно «камень бѣлый, какъ алебастръ.» Слѣдуя по всемъ извилинамъ рѣки, Мая 6-го, Лаптевъ достигъ ея устья, гдѣ дожидались уже посланные впередъ нарты съ провизіями; по наблюденію широта этого мѣста найдена $75^{\circ} 36'$; склоненіе компаса 2 румба восточное. Мая 10-го отправились чрезъ тундру на востокъ, дабы выгнать къ морскому берегу, и оный описать, но мучительная глазная боль принудила Лаптева возвратиться къ зимовью на устье Таймурское, куда и прибылъ онъ 17-го. Оставя запасы для геодезиста Чекина, которому надлежало непременно быть къ зимовью, Лаптевъ отправился 20-го числа къ западу, на встрѣчу штурману Челюскину, производившему опись берега отъ рѣки Пясины къ востоку; въ полдень того же дня опредѣлилъ широту $75^{\circ} 33'$; 21-го прѣвхалъ къ скалиному мысу, гдѣ опредѣлилъ широту $75^{\circ} 49'$, и склоненіе компаса 2 румба восточное, продолжалъ описывать берегъ, слѣдуя вдоль онаго по льду, который, по видимому, льдомъ былъ неподвиженъ; берегъ мѣстами крутой, мѣстами отлогой; въ полдень 24-го, по наблюденію, широта мѣста $76^{\circ} 38'$.

Провхавъ 3 версты SW, и удостовѣрься, что направление берега идетъ къ югу, лейтенантъ Лаптевъ поставилъ маякъ на примѣтномъ мысѣ, отъ котораго въ 17-ти верстахъ прѣвхалъ къ маяку, построенному геодезистомъ Чекинымъ, въ 1740 году. 26-го широта по наблюденію опредѣлена $76^{\circ} 23'$; въ этомъ мѣстѣ напши довольно много плавнику; на восточномъ берегу онаго не видно. 29-го, по наблюденію, широта найдена $75^{\circ} 37'$, а Іюня 1-го $75^{\circ} 21'$; берегъ возвышенный и на ономъ отлогія горы. 2-го Іюня лейтенантъ Лаптевъ встрѣтился съ штурманомъ Челюскинымъ, и съ нимъ про-

должалъ путь вдоль берега, до устья рѣки Пясины, гдѣ находится Тунгусское жильѣ. Прибывъ къ оному Юня 10-го, опредѣлили широту мѣста $73^{\circ} 38'$ (на подлинной картѣ штурмана Минина, устье сей рѣки въ широтѣ $73^{\circ} 38'$), а склоненіе компаса $21^{\circ} 00'$ восточное. Лаптевъ на пути видѣлъ маякъ, поставленный Мининымъ, и въ лабазахъ оставлялъ съѣстные припасы для геодезиста Чекина.

На другой день по прибытіи къ жилью, лейтенантъ Лаптевъ отправилъ штурмана Челюскина берегомъ къ Енисею, а самъ за худостію собакъ остался весновать.

Штурманъ Челюскинъ, прибывъ 29-го Юля на устье рѣки Енисея, продолжалъ путь вверхъ рѣки; 4-го Августа соединился съ лейтенантомъ Лаптевымъ, который отъ устья рѣки Пясины пріѣхалъ на оленяхъ, прямымъ путемъ, черезъ тундру. Августа 11-го сошлись со всею командою, которая ожидала начальника при устьѣ рѣки Дудина, впадающей въ Енисей въ широтѣ $69^{\circ} 40'$. Къ неудовольствію Лаптева, весьма неожиданно встрѣтилъ его и геодезистъ Чекинъ, который, по недостатку въ разныхъ припасахъ, принужденъ былъ возвратиться къ Хотангъ, откуда прямымъ путемъ пріѣхалъ къ рѣкѣ Дудина. 29-го Августа всѣ прибыли въ городъ Мангазей, гдѣ остались зимовать.

Лейтенантъ Лаптевъ, желая довершить опись берега, простирающагося къ западу отъ мыса Св. Фаддея, отправилъ Декабря 4-го штурмана Челюскина, на 5-ти нартахъ, и 8-го Феврала, 1742-го года, выѣхалъ изъ Мангазея, на 5-ти же нартахъ, для произведенія этой описи.

Лейтенантъ Лаптевъ возвратился въ Мангазей Юля 16-го, не пріобщивъ къ прежней описи ничего новаго; штурманъ Челюскинъ пріѣхалъ къ мысу

Св. Фаддея Мал 1-го, и занимался описью берега, удостовѣрился, что мысъ Св. Фаддея не есть самая сѣверная оконечность Азіи; однако жъ, хотя и объѣхалъ онъ часть берега, котораго до того времени не была описана, но какъ не произведено наблюденій для опредѣленія широты, и опись была весьма поверхностная, то о положеніи этого берега знаемъ токмо, что оный омываемъ океаномъ, не соединялся ни съ какою неизвѣстною, къ сѣверу лежащею землею; изъ журнала Челюскина не видно даже счислимой широты самой сѣверной оконечности этого берега. Мая 15-го, находясь на описанномъ прежде берегу, Челюскинъ пріѣхалъ чрезъ тундру къ ближнимъ Якутамъ, и 20-го Іюля соединился съ лейтенантомъ Лаптевымъ въ Мангазеѣ.

Лейтенантъ Лаптевъ, со всѣми состоявшими подъ его начальствомъ, отправился изъ Мангазея вверхъ по рѣкѣ, производилъ опись оной до города Енисейска, куда прибылъ 27-го Августа, и потомъ поѣхалъ въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія Адмиралтействъ Коллегіи о своемъ путешествіи.

1735 года Августа 9-го, лейтенантъ Ласиніусъ, разставшись при устьѣ рѣки Лены, съ лейтенантомъ Прончищевымъ, шелъ къ востоку; 13-го числа встрѣтилъ льды, между которыми съ великимъ трудомъ подвигался впередъ; 18-го Августа, видя невозможность продолжать путь далѣе, за множествомъ льду, принужденъ былъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, зайти въ рѣку Хариулахъ, отъ восточнаго устья Лены, называемаго Быковскимъ протокомъ, въ 120 верстахъ, гдѣ и расположился зимовать.

Въ этомъ мѣстѣ нашли много выкиднаго лѣса, и построили съ разными отдѣленіями избу, въ которой помѣстилась вся команда. Въ продолженіе зимы, отъ тѣсноты покоевъ и малаго движенія, всѣ под-

верглись цынготной болѣзни, и она къ веснѣ такъ усилилась, что большая часть изъ служителей, и лейтенантъ Ласиніусъ умерли; осталось живыхъ, изъ 52 человекъ, только священникъ, подштурманъ и 7 матросовъ. Командоръ Берингъ, извѣстясь о смерти лейтенанта Ласиніуса и его спутниковъ, послалъ изъ Якутска къ рѣкѣ Харіулахъ штурмана Щербина и 14 человекъ служителей; они пріѣхали къ мѣсту зимовки 4-го Іюня 1736 года, нашли всѣхъ оставшихся людей зараженными цынгою, и къ службѣ неспособными, почему Щербинъ отправилъ ихъ въ Якутскъ. Между тѣмъ командоръ Берингъ, вмѣсто лейтенанта Ласиніуса, опредѣлилъ командиромъ на ботъ Иркутскъ лейтенанта Дмитрія Лаптева, который со всѣми, подъ его начальство назначенными, изъ Якутска на дощаникахъ, нагруженныхъ потребнымъ количествомъ провіанта, отправился внизъ рѣкою Леною. Когда вышелъ онъ въ Ледовитое Море, непроходимые льды не позволили ему продолжать пути далѣе; онъ оставилъ у Быковского устья дощаники, и на легкихъ лодкахъ подлѣ берега пробирался между льдами къ рѣкѣ Харіулахъ, гдѣ находился ботъ. 18-го Іюня начали приготавливать оный для предназначеннаго плаванія.

30-го, лейтенантъ Лаптевъ вышелъ въ Ледовитое море, и для забранія съ оставленныхъ имъ дощаниковъ провіанта, направилъ путь къ устью Лены. По морю носило множество льду, между которымъ съ великимъ трудомъ пробрался онъ къ Быковскому устью; перегрузилъ съ дощаниковъ на ботъ провизію, и 11-го Августа отправился по Ледовитому морю на востокъ вдоль берега; два дня шелъ между льдовъ; на третій день ботъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ льдами, которые сдвинувшись, зажали его такъ, что невозможно было управлять. Въ

семь положеніи боть носило по морю до 15 Августа; тогда льды нѣсколько раздвинулись. Мореплаватели наши, видя невозможность продолжать путь далѣе, рѣшились, съ общаго совѣта, возвратиться къ устью Лены. Августа 22-го вошли въ устье Быковского протока, по которому съ великимъ трудомъ продолжали плаваніе, и отыскивая фарватеръ, становились часто на мель. 27-го усмотрѣли по полярной звѣздѣ склоненіе компаса $3^{\circ} 00'$ восточное, «и въ тотъ же день вступили въ рѣку, близъ такъ называемаго Столба,» гдѣ глубина была 20, 15, 10 сажень, а далѣе вверхъ рѣки по фарватеру 5, 3, 2 сажени. 6 Сентября вошли въ рѣку Хуматорки, гдѣ остались зимовать. Вскорѣ послѣ того понесло по рѣкѣ густой ледъ, и 8-го числа Лена онымъ покрылась. Во время зимы у многихъ изъ служителей оказалась цынга, отъ которой избавлялись движеніемъ, и декогомъ изъ коры и шишекъ кедроваго кустарника.

Лейтенантъ Лаптевъ послалъ къ командору Берингу, находившемуся въ Якутскѣ, донесеніе о своемъ плаваніи, и о невозможности пройти по Ледовитому морю около мысовъ Борго и Святаго, простирающихся между рѣками Леною и Индигиркою далѣе прочихъ къ сѣверу; стоявшіе около этихъ мысовъ сплошныя льды препятствовали идти далѣе. Якуты увѣряли, что льды никогда неотнositъ отъ береговъ. Лаптевъ доносилъ, что всѣ покушенія, которыя впредь предприняты будутъ, почитаесть онъ тщетными, и потому просилъ позволенія возвратиться съ дубель-шлюпкою въ Якутскъ; командоръ Берингъ позволилъ ему это исполнить.

1737 года, Мая 29-го, пошелъ лейтенантъ Лаптевъ вверхъ по Ленѣ, на глубинѣ 4, $3\frac{1}{2}$ и 3-хъ сажень. По возможности производилъ онъ опись рѣки, и 2-го Іюня прибылъ въ Якутскъ. По приказанію Бе-

ринга, Лаптевъ отправился въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія о своемъ плаваніи высшему начальству, представилъ Адмиралтействъ Коллегіи карту своего путешествія, и объяснилъ затрудненія и препятствія, которыя не позволяли ему пройти по Ледовитому морю къ устью рѣки Колымы. Коллегія донесла о томъ Правительствующему Сенату. Карты и журналъ лейтенанта Лаптева были разсматриваемы въ Сенатѣ, и положено еще разъ сдѣлать покушеніе отъ рѣки Лены по Ледовитому морю къ востоку, и когда невозможно будетъ пройти моремъ, тогда произвести опись морскаго берега сухимъ путемъ, на собакахъ, или на оленяхъ. Въ слѣдствіе этого Лаптевъ отправленъ обратно въ Якутскъ.

1739 года, весною, посланъ сухимъ путемъ изъ Якутска матросъ Лошкинъ, описывать берегъ отъ устья Лены до Святаго Носа. Между тѣмъ, ботъ Иркутскъ былъ исправленъ и снабженъ провизіею, и 7-го Іюня Лаптевъ отправился на немъ изъ Якутска внизъ по Лень; 21-го Іюля, Быковскимъ рукавомъ, вышелъ онъ изъ устья рѣки въ Ледовитое Море. Тогда возвратился на ботъ матросъ, посланный берегомъ, для описи мысовъ Борго и Святаго.

23-го Іюля ботъ стоялъ за Быковскимъ мысомъ, укрываясь отъ носившихся въ морѣ льдовъ; широту мыса Лаптевъ опредѣлилъ по численію $71^{\circ} 42'$. Въ это время штурманъ Щербинъ ѣздилъ описывать берегъ къ мысу Борго, и нашелъ простирающуюся отъ мыса, отъ 2-й до 7 мили, между N и NNO, отмель, примѣтную по стоящему на оной льду.

24-го ботъ вышелъ въ море, пробираясь между мелей, которыми фарватеръ до острова Быковского весьма стѣсненъ; производя опись губы Борго, лейте-

нантъ Лаптевъ , 8 - го Августа, подошелъ къ мысу Борго, на глубину 12 сажень; широта мыса найдена Лаптевымъ $71^{\circ} 55'$. Того же дня обошли отмель, и 11 - го Августа находились уже противъ устья Яны, гдѣ положили якорь. Въ этомъ положеніи, наставшимъ жестокимъ сѣвернымъ вѣтромъ понесло много льду прямо на ботъ , но, къ счастью, огромнѣйшія льдины остановились на мѣли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бота , удерживая собою мелкій ледъ. Не многія льдины однако жъ прорывались, проплывали мимо бота, и доставили командѣ случай убить нѣсколько бѣлыхъ медвѣдей, на нихъ лежавшихъ.

Лодка, посыланная для промѣра фарватера, нашла въ устьѣ рѣки Яны 6, 7 футовъ глубины, а нѣсколько выше по теченію глубина увеличилась отъ 3 до 10 сажень.

13-го, съ попутнымъ вѣтромъ, лейтенантъ Лаптевъ снялся съ якоря, и продолжалъ плаваніе къ Святому Носу. Лотъ показывалъ отъ 2 до 10 сажень.

14-го, западный вѣтеръ обратился въ штормъ, почему, опасаясь набѣжать на мель, положили якорь, а 15 - го, по укрощеніи вѣтра , вступили опять въ путь; того же дня прошли Святой Носъ , положенный на картѣ Лаптева въ широтѣ $72^{\circ} 50'$. Продолжая плаваніе къ О , имѣли глубины 15 , 17 , 13 сажень; по приближеніи къ берегу на $\frac{1}{4}$ Нѣмецкой мили глубина уменьшалась до 2 сажень. Проплывъ 26 миль и 7 отъ Св. Носа, увидѣли островъ *Меркуреевъ* на NO, а въ 16 Ит. миляхъ далѣе усмотрѣли и островъ Св. Діомида, на $NNW\frac{1}{4}W$, въ $3\frac{1}{8}$ Нѣмецкихъ миляхъ *.

* Кажется сіи два острова лежали въ весьма близкомъ между собою разстояніи, и, вѣроятно, почитались за одинъ островъ, ибо на картѣ Лаптева островъ Меркурія не назначенъ, а св. Діомида положенъ со-

16-го, по причинѣ густаго тумана, пролежалъ на якорѣ; 17-го западнымъ вѣтромъ воздухъ очистился, почему и пошли въ путь; 18-го, проплывъ около 105 миль отъ Св. Носа вдоль берега, увидѣли въ морѣ островъ, по румбу ОНО, но вдругъ нашедшая пасмурность не позволила обстоятельно рассмотреть этого открытія, почему Лаптевъ приказалъ положить якорь, и дожидаться ясной погоды. На другой день, когда воздухъ былъ чистъ, мореплаватели увѣрились въ обманъ: мнимый островъ превратился въ массу высокихъ ледяныхъ горъ, которымъ подобныя носились по морю во множествѣ, и во всѣхъ направленіяхъ. 19-го пошелъ большой снѣгъ, при юговосточномъ вѣтрѣ, противъ котораго лавировали, ложась въ темныя ночи, или при пасмурности, на якорь. 21-го, сильное теченіе отъ SO, по одному направленію съ вѣтромъ, весьма затрудняло лавировку; 22-го, пришедъ на прѣсную воду, остановились на якорѣ, и послали шлюпку провѣдать, противъ какой рѣки находятся. Между тѣмъ, прежде возвращенія шлюпки, 24-го насталъ штормъ, отъ SO, съ сильнымъ съ той же стороны теченіемъ, такъ, что съ трудомъ боть отстоялся на якорѣ; 26-го буря нѣсколько смягчилась. Замѣтя, что вода получила соленый вкусъ, подошли ближе къ берегу, дѣлая изъ пупекъ частые призывные сигналы пловцамъ, возвращавшейся съ берега шлюпкѣ. Отъ SO наносило на боть много льду, для избѣжанія коего безпрестанно должны были перемѣнять мѣсто, что конечно всегда было сопряжено съ трудами, тѣмъ болѣе тягостными, что стужа увеличивалась, и снѣгъ весьма часто падалъ. Лучшее убѣжище находили за огромнѣйшими льдинами, служившими отводами мелкимъ, гласно съ журналомъ. Мы ниже увидимъ, что эти острова нынѣ не существуютъ.

однакожь и это не спасло боть отъ поврежденія форштевеня, и самого борта, которое съ великимъ трудомъ исправили.

31-го, находясь опять на прѣсной водѣ, лейтенантъ Лантевъ послалъ штурмана на шлюпкѣ къ берегу, для отысканія удобнаго мѣста къ зимованію. Штурманъ съ великимъ трудомъ добрался до берега.

1-го Сентября море покрылось льдомъ, при восточномъ вѣтрѣ, который дулъ уже нѣсколько дней сряду. Въ этомъ положеніи дѣлали непрерывные, но тщетные сигналы посланнымъ на берегъ шлюпкамъ. Положеніе команды и бота едѣвалось еще затруднительнѣе, когда 4-го числа насталъ жестокий вѣтръ отъ WSW, дѣйствіемъ котораго вода стала прибывать, ледъ изломало, и боть понесло къ NO, съ 10 футовъ глубины на 5 сажень, по $2\frac{1}{2}$ версты въ часъ. Къ счастью, вѣтеръ перемѣнился черезъ сутки, и утвердись въ NW четверти, приблизилъ боть къ берегу. Наконецъ на 7-е число настало безвѣтріе, а 9-го судно на 12 футахъ совершенно замерзло, находясь въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ къ югу отъ образовавшагося изъ льдовъ высокаго вала.

Мореплаватели, не зная какъ далеко отъ берега судно ихъ замерзло, и противъ какого мѣста находилось, не осмѣливались итти къ берегу по нетвердому еще льду, и оставались въ бездѣйствіи до 20-го Сентября; тогда посланный на берегъ на шлюпкѣ, 31-го Августа, штурманъ возвратился на боть, пѣшкомъ по льду, и привелъ съ собою Якутовъ съ устья рѣки Индигирки; они объявили, что устье ближайшаго рукава этой рѣки отстоитъ отъ бота въ 50 верстахъ, и что недалеко отъ него есть Русское зимовье. Этимъ извѣстіемъ мореплаватели чрезвычайно были обрадованы; въ то же время нѣкоторые отправились пѣшкомъ на берегъ, а 24-го числа и вся остальная

команда перебралась съ бота въ Русское зимовье; Якуты перевезли на собакахъ часть провизіи.

Лейтенантъ Лаптевъ проводилъ здѣсь зиму не безъ пользы; онъ послалъ геодезиста Киндекова, на нартахъ, описывать берегъ до Колымскаго устья, а самъ ѣздилъ для описей на рѣку Хрому, которую нашелъ столь мелкою, что однимъ лодкамъ входить можно. Говоря вообще о морскомъ берегѣ къ востоку отъ Св. Носа, Лаптевъ замѣчаетъ, что обширныя отмели простираются отъ него въ море на такое разстояніе, что низменный берегъ въ рѣдкихъ мѣстахъ съ моря усматривается. При устьяхъ Индигирки, въ 30 верстахъ и болѣе отъ моря, лежитъ въ изобиліи наносный лѣсъ, между тѣмъ, какъ у самаго моря его нѣтъ.

По наступленіи весны 1740 года, Лаптевъ предпринялъ спасти ботъ. Для этого со всею своею командою разбивалъ онъ ледъ, съ чрезвычайнымъ трудомъ; въ Іюнь мѣсяцъ привелъ судно въ безопасное мѣсто, сталъ исправлять его починкою, и въ исходѣ Іюля приготовился къ походу.

Іюня 15-го опредѣлили по полуденной высотѣ солнца широту въ устьѣ рѣки Индигирки, $70^{\circ} 58'$; склоненіе компаса $7^{\circ} 00'$ восточное.

31-го Іюля Лаптевъ вышелъ въ Ледовитое Море, направля путь къ востоку вдоль берега. 2-го Августа миновалъ устье рѣки Алазеи, коего широту нашелъ по счисленію $70^{\circ} 58'$.

3-го Августа усмотрѣли островъ, нынѣ именуемый первымъ Медвѣжьимъ, къ которому подошли вплотъ, имѣя $3\frac{1}{2}$ сажени глубины. Лейтенантъ Лаптевъ назвалъ его именемъ *Святаго Антонія*, и нашелъ по счисленію широту средины $71^{\circ} 00'$. Спѣша воспользоваться безледностію моря, продолжалъ онъ плыть къ востоку, а 4-го числа, находясь противъ

устья *Средней Колымы*, остановился на якорѣ, пославъ шлюпку промѣривать фарватеръ рѣки. Давъ о себѣ знать въ ближнее селеніе, Лаптевъ пошелъ 8-го числа далѣе; вскорѣ показались льды, между которыми плылъ онъ къ востоку съ великимъ трудомъ; 9-го находились у малаго Баранова камня; 10, 11 и 12, при западномъ вѣтрѣ, шло теченіе на *OSO*, по два узла въ часъ, отъ чего огромныя льдины наносимы были на ботъ, не находившій надежнаго прикрытія у приглубаго и ровнаго берега.

14-го числа, будучи у большаго Баранова камня, остановлены льдянымъ полемъ, примкнувшись вплотъ къ берегу. Лейтенантъ Лаптевъ направилъ путь обратно въ Колыму. Сего числа имѣли сильное теченіе отъ *W*; 15-го, ботъ вошелъ благополучно въ Средне-Колымское устье, гдѣ имѣли глубины отъ 9 до 14 футовъ, а прошедъ *Каменное* (холмъ на Мерхояновомъ островѣ) глубину нашли отъ 2 до 7 сажень. 24-го, находились противъ Нижне-Колымскаго острога, гдѣ тогда было 10 жилыхъ домовъ; здѣсь Лаптевъ расположилъ свою команду для зимовки.

28-го, Лаптевъ по обсервациіи нашелъ широту острога $68^{\circ} 31'$, а 31-го числа наблюденіе показало $68^{\circ} 34'$ широты; склоненіе компаса $8^{\circ} 30'$ восточное.

Дабы получить понятіе о точности наблюдений лейтенанта Лаптева, сравнимъ широты главныхъ пунктовъ, выведенныя этимъ мореплавателемъ, съ наблюденіями новѣйшихъ обсерваторовъ :

	<i>Лаптева.</i> Въ 1823 г.	
Мысъ Борго	$71^{\circ} 55'$	$71^{\circ} 56'$
— — Святой Носъ	$72^{\circ} 50'$	$72^{\circ} 54'$
Нижне-Колымскій острогъ . .	$68^{\circ} 33\frac{1}{2}'$	$68^{\circ} 32'$

Въ продолженіе зимы лейтенантъ Лаптевъ построилъ двѣ лодки, на которыхъ съ большею
Т. IV. — Од. III.

удобностию полагалъ предпринять плаваніе въ будущемъ лѣтѣ.

1741 года, по вскрытіи рѣки Колымы, 8-го Іюля вышелъ онъ на ботъ въ Ледовитое Море, и плылъ на востокъ; лодкамъ велѣлъ идти впередъ, и промѣривать глубину; посланный на нихъ штурманъ долженъ былъ давать знать сигналами, гдѣ найдетъ удобный проходъ между льдами, для безопаснаго плаванія. Такимъ образомъ лейтенантъ Лаптевъ, при противныхъ болѣею частію вѣтрахъ, подвигался медленно впередъ; 5-го Августа навалила на ботъ льдина, возвышавшая около 15 сажень надъ водою, и угрожавшая боту гибелью, но однакожь счастливо избѣгли опасности. Того же числа, находясь въ 30 миляхъ Итал. отъ Лаптевскаго маяка на Колымѣ, у высокаго каменнаго утеса, встрѣтили непроходимые льды, остановившіе дальнѣйшее плаваніе, почему 7-го предприняли обратный путь въ Нижне-Колымскъ, куда 10-го прибыли благополучно, вошедъ въ рѣку восточнымъ ея устьемъ.

И такъ мы видимъ, что лейтенантъ Лаптевъ, какъ прошлаго года, такъ и теперь, не могъ обойти большаго Баранова камня, бывшаго крайнимъ пунктомъ къ востоку, до котораго доведена опись берега, осмотрѣннаго этимъ усерднымъ офицеромъ отъ р. Лены на 37° разности долготы.

Лейтенантъ Лаптевъ, желая исполнить порученную ему опись р. Анадыра, и увѣрившись въ невозможности достигнуть сей рѣки моремъ, рѣшился на трудный и опасный походъ, со всею командою, чрезъ горы и страну, обитаемую враждебными намъ Чукчами.

1741 года, Октября 27-го, выступилъ онъ изъ Нижне-Колымска, сопровождаемый 45 нартами. Находясь на границѣ Чукотскихъ кочевьевъ, близъ

Лобазнаго, на Большомъ Анюѣ, Ноября 4-го, Лаптевъ отданнымъ по командѣ приказомъ установилъ воинскій порядокъ, который надлежало соблюдать со строгостью на походѣ черезъ непріятельскую землю.

Слѣдуя вверхъ рѣки Большаго Анюя, потомъ переваливъ чрезъ хребетъ горъ на рѣку *Яблонь*, впадающую въ р. Анадырь, путешественники, Ноября 17-го, достигли благополучно Анадырскаго острога, не видя на всемъ пути ни одного инородца. Въ острогѣ провели они остальную часть зимы, и встрѣтили здѣсь 1742 годъ, «призывая Бога Всемогущаго на помощь.»

Въ журналѣ Лаптева, подъ Февралемъ мѣсяцемъ, сказано: «Отъ 26-го до 28-го числа, по ночамъ видима была чрезвычайная звѣзда, или комета, которая являлась около полуночи; хвостъ отъ нея долгой, острой, лежащій къ югу, а иногда къ концу хвоста раздѣляется на двое острыми же концами; свѣтлостію на подобіе звѣздъ, а къ зарѣ хвостомъ поворачивается къ W, и отемнѣваетъ, и остается одна звѣзда.»

Марта 13-го, Лаптевъ, по полуденной высотѣ солнца опредѣлилъ широту Анадырскаго острога $64^{\circ} 34'$; склоненіе компаса $20^{\circ} 00$ восточное.

Іюня 9-го пошелъ онъ, на двухъ новопостроенныхъ лодкахъ внизъ Анадыра, но, по причинѣ разлитія рѣки, не могъ дѣлать ей описи, которую началъ Іюля 11-го, находясь близъ устья оной. Къ осени, возвратившись въ острогъ, Лаптевъ, Октября 19-го поѣхалъ въ Нижне-Колымскъ, оттуда въ Якутскъ; въ этотъ городъ прибылъ онъ Марта 8-го, 1743 года, послѣ семилѣтняго отсутствія. Отъ капитана Чирикова получилъ онъ здѣсь предписаніе отправиться немедленно въ С. Петербургъ, для донесенія о своемъ путешествіи высшему начальству.

*

Описаніе этихъ путешествій представляетъ читателю рядъ опасностей , трудовъ и всудачъ , противъ коихъ плователи наши должны были вооружаться твердостью духа, неутомимымъ рвеніемъ въ исполненіи своихъ обязанностей, и мужественнымъ терпѣніемъ, сими отличительными свойствами мореходцевъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Не ослѣпляясь пристрастіемъ, мы невольно должны признаться , что подвиги лейтенантовъ Прончищева, Ласинюса, Харитона, и особенно Дмитрія Лаптевыхъ, заслуживаютъ удивленіе потомства. Журналы сихъ дѣятельныхъ офицеровъ, конечно, во многомъ недостаточны; мало, или почти вовсе не знакомятъ они насъ съ обитателями Сибири, не касаются предметовъ физическихъ и естественной исторіи, и самое производство описи оставляетъ желать еще многого. Но это не умаляетъ достоинства офицеровъ въ глазахъ справедливаго потомства, видящаго въ недостаткахъ одно несовершенство средствъ того времени.

Относительно гидрографическихъ операций замѣтимъ вкратцѣ: отъ Бѣлаго моря къ востоку описанъ матерой берегъ Сибири съ моря на судахъ, плававшихъ вдоль береговъ, не всегда въ такомъ отъ нихъ разстояніи, чтобы опись могла быть точною, тѣмъ менѣе, что мореплователи, стараясь пользоваться вѣтрами , погодою, и другими благопріятными обстоятельствами для плаванія къ востоку, не могли терять времени въ подробной описи береговъ, бухтъ, гаваней, опредѣленіи примѣтныхъ мысовъ, и въ промѣрахъ глубинъ , вездѣ, гдѣ для безопасности мореплаванія это было бы нужно. Однакожь эта опись и не вовсе лишена астрономическихъ наблюденій широтъ и промѣровъ глубинъ , какъ въ близкихъ разстояніяхъ отъ береговъ , такъ и въ фарватерахъ главнѣйшихъ рѣкъ Сибири, и карты Овцына, Мини-

на, Челюскина, Прончищева, и обоихъ Лаптевыхъ, представляютъ не мало гидрографическихъ подробностей въ изображеніи береговъ, и прилежащихъ къ нимъ острововъ, отъ Обской губы до устья рѣки Таймуры, и отъ р. Оленека до Баранова камня.

Но какъ эта опись, большею частію, основана на численіи, подверженномъ неизбежнымъ погрѣшностямъ отъ теченій и непрерывныхъ поворотовъ въ льдахъ, и поелику наблюденія для широтъ не всегда были надежны, а для долготъ и вовсе ихъ не дѣлано, то она можетъ лишь служить пріуготовительнымъ началомъ другой вѣрнѣйшей описи.

Отъ устья Таймуры до мыса Св. Фаддея берегъ не могъ быть обойденъ на судахъ, и весьма поверхностно осмотрѣнъ зимою по льду, на собакахъ, штурманомъ Челюскинымъ, такъ, что положеніе сѣверовосточнаго, иначе Таймурскаго, т. е. самаго сѣвернаго мыса Азіи, остается неопредѣленнымъ.

Затрудненія и опасности, въ сихъ путешествіяхъ испытанныя, и невознаградившіяся желанными успѣхами, послѣ 20 лѣтняго бездѣйствія, казалось, еще усугубили духъ предпріимчивости.

Въ 1760 году, Якутскій купецъ Шалауровъ построилъ при рѣкѣ Ленѣ, на собственное иждивеніе, галіотъ (по Коксу, шитикъ), на которомъ намѣревался совершить плаваніе вокругъ сѣверовосточной Азіи въ великій Океанъ, или въ Камчатку. Г. Берхъ (въ Хронологической Исторіи, часть I, стр. 144), говорить, что Шалауровъ побуждался къ этому предпріятію находкою мамонтовыхъ роговъ на островѣ, открытомъ до его отправленія Якутомъ Етерикамомъ, и исключительнымъ правомъ, даннымъ купцу Ляхову промышлять ихъ — мнѣніе, которое частію подтверждается и въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1822 годъ, съ прибавленіемъ, что Шалаурова путешествіе

имѣло цѣлью и открытіе земли, полагавшейся противъ устья Колымы. Однакожъ Шалауровъ не пытался простираť своего плаванія отъ устья Колымы далеко на сѣверъ; также изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній не видно, чтобы онъ искалъ мамонтовыхъ клыковъ; напротивъ, Шалауровъ старался единственно обойти Шелагскій Мысъ, и плыть далѣе на востокъ, стремясь за славою разрѣшенія вопроса о сѣверовосточномъ проходѣ изъ Атлантическаго въ великій Океанъ—этой славѣ принесъ онъ въ жертву и имѣніе свое и самую жизнь *.

Сокращенное извѣстіе о плаваніи несчастнаго Шалаурова взято мною изъ извѣстнаго сочиненія Кокса и Саурова описанія путешествій Биллингса. Иные достовѣрнѣйшіе и полнѣйшіе источники мнѣ неизвѣстны **.

Въ 1760 году Шалауровъ съ Баховымъ поплыли на галіотѣ внизъ по Ленѣ. По причинѣ ледовитости моря прошли они недалѣе рѣки Яны, при которой и зимовали.

Въ Іюлѣ 1761 года вышли они изъ рѣки Яны въ море. Для избѣжанія льдовъ, Шалауровъ держался близъ береговъ, и обошедъ 6-го Сентября Святой Носъ, открылъ на сѣверѣ въ маломъ разстояніи гористую землю. Онъ продолжалъ плаваніе къ востоку, но встрѣчая препятствія отъ вѣтра и льдовъ, прошелъ не прежде 15-го числа черезъ проливъ, нахо-

* Въ 1755 году состоялся Сенатскій указъ, о дозволеніи купцамъ Бахову и Шалаурову предпринять путешествіе, для отысканія по сѣверному морю пути въ Камчатку. Въ самомъ текстѣ указа сказано, чтобы, Устюжскимъ купцамъ Ивану Бахову и Никитѣ Шалаурову для своего промысла, ко изысканію отъ устья Лены рѣки, по сѣверному морю, до Колымы и Чукотскаго Носу, отпускъ имъ учинить.

** Въ Гидрографическомъ Департаментѣ Морскаго Министерства хранится карта Шалаурова, съ приписками, которыми я также въ семъ обзорѣ воспользовался.

дѣи́йся между Сибирскимъ берегомъ и островомъ Діоміда. 16-го числа, получивъ попутный SW вѣтеръ, поплыли безпрепятственно по чистому отъ льдовъ морю, и въ 24 часа прошли устье Индигирки; 18-го миновали Алазею. Вскорѣ за симъ, галіотъ, находясь между Медвѣжьими Островами и матерымъ берегомъ; былъ совершенно окруженъ льдами, отъ коихъ освободясь, Шалауровъ, по позднему времени, вошелъ въ рѣку Колыму на зимовку. Команда тотчасъ построила на берегу избу, окруживъ ее снѣжнымъ валомъ, и батареею изъ бывшихъ на суднѣ пушекъ. Дикіе олени табунами приходили къ этому мѣсту, и были убиваемы изъ завала. Передъ наступленіемъ зимы, пошла вверхъ по рѣкѣ рыба, нельмы, муксуны и омули, которые, доставляя мореплавателямъ въ изобиліи свѣжую пищу, предохраняли ихъ отъ цынги; однакожъ въ началѣ слѣдующаго года умеръ отъ этой болѣзни Иванъ Баховъ, оставя Шалаурова безъ помощника.

Въ 1762 году, устье Колымы очистилось отъ льдовъ не ранѣе 21 Іюля. Тогда Шалауровъ вышелъ изъ рѣки въ море, и до 28-го плылъ на NO и NO $\frac{1}{4}$ O. Вышедъ на берегъ, сыскалъ онъ склоненіе компаса 11° 15' восточн. Противный вѣтръ и послѣдовавшее за тѣмъ безвѣтріе понудили его положить якорь, и держали галіотъ на мѣстѣ до 10-го Августа; тогда, съ подувшимъ попутнымъ вѣтромъ, вступилъ онъ подъ паруса, и старался держать не сѣвернѣе NO $\frac{1}{4}$ O; но галіотъ былъ увлекаемъ огромными массами льду, несшагося сильнымъ теченіемъ, которое, казалось, направлено было къ западу, по одной верстѣ въ часъ. 18-го, при пасмурной погодѣ, плаватели, противъ ожиданія, увидѣли себя близъ берега возлѣ «Яру сѣраго песку», названнаго Пещаный мысъ. Впереди плавало не малое число лѣдяныхъ острововъ, которые 19-го

числа галіотъ окружили и совершенно затерли (*). Въ такомъ положеніи, и всегдашнемъ туманѣ, оставался Шалауровъ до 23-го числа; тогда удалось ему высвободиться изъ окружавшихъ его льдинъ, и держась NO, войти въ довольно чистое отъ льдовъ пространство моря, но противные вѣтры склоняли его къ SO и къ O, среди большихъ массъ пловучаго льду; прошедъ чрезъ нихъ, онъ опять направилъ плаваніе къ NO, дабы обойти Шелагскій Мысъ, но, не дошедъ до него, встрѣтилъ противные вѣтры, помудившіе его, по позднему времени, искать мѣста для зимовки. Въ такомъ намѣреніи поплылъ Шалауровъ на SO, къ отверзтой губѣ, находящейся по западной сторонѣ Шелагскаго Мыса, и никѣмъ прежде его не описанной. Онъ вошелъ въ нее 25-го числа, проливомъ между материкомъ и островами Араутанъ, а 26-го попалъ на мель, у низменной оконечности, противъ устья рѣки Пахли. Съ великимъ трудомъ стащивъ свое судно на большую воду, поѣхалъ Шалауровъ на берегъ, искать удобнаго мѣста для зимованія. Онъ нашелъ двѣ рѣчки, но какъ тутъ не было ни растущаго, ни наноснаго лѣса, то ища другаго мѣста, плыли они по южной сторонѣ губы, въ виду и въ близкомъ разстояніи отъ берега, до острова Сабадея. **

5-го Сентября, находясь противъ узкаго пролива, между островомъ Сабадеемъ и материкомъ, увидѣли Чукотскіе шалаши, коихъ жители убѣжали, когда Шалауровъ къ нимъ приблизился.

* На Шалаурова картѣ написано: «за покрытіемъ туманомъ берега, и за неизвѣстнымъ моретеченіемъ, яко къ станъ мятыхъ льдины загустились, а сзади наплыло много льдовъ и судно притѣснило, а стояли до 23-го числа, иначе за незнакомѣмъ въ такой близости поперечнаго берега, а ежелибъ видали, тобъ миновали Шелагскій мысъ, и препятствіемъ спаслись.»

** На картѣ Шалаурова островъ названъ *Заседей*.

8-го числа, въ полдень, онъ находился у SO окочности острова Сабадея; 10-го, будучи въ 10 миляхъ къ NW отъ Пещанаго Мыса, за безвѣтріемъ, «положили дрехтъ на льдину, и плыли по теченію 5 верстъ» къ WSW; около этого времени увидѣли къ NON, въ дальнемъ разстояніи, гору *.

12-го числа Шалауровъ вошелъ въ Колыму, и занялъ прежнее мѣсто для зимовки. У Кокса упомянуто, что Шалауровъ замѣтилъ двѣ примѣчательныя скалы, близъ того мѣста, гдѣ берегъ заворачивается къ NO, къ проливу между островомъ Сабадеемъ и материкомъ; что одна скала названа *Заячьимъ камнемъ*, и подобна согнутому рогу, другая *Бараний камень*, въ видѣ груши, то есть, вверхъ шире низа, и возвышается выше горизонта воды на 29 ярдовъ. Этихъ названій на картѣ Шалаурова нѣтъ, да и трудно опредѣлить, какія скалы или горы Шалауровъ разумѣлъ. Гора, извѣстная нынѣ подъ названіемъ Баранова камня, ни малѣйшаго сходства съ грушею не имѣетъ, а по всему берегу Ледовитаго Моря до Шелагскаго мыса, я не замѣтилъ ни одной согнутой на подобіе рога горы, или скалы.

На картѣ Шалаурова, берегъ Ледовитаго Моря, отъ рѣки Яны до Шелагскаго Мыса, изображенъ съ геодезическою вѣрностію, дѣлающею не малую честь сочинителю. Губа Чаунъ прежде его ни кѣмъ не осмотрѣна, да и потомъ морской описи съ промѣромъ тутъ не было. Широты около $1\frac{1}{3}^{\circ}$ избыточно невѣрны, и, вѣроятно, обсервованныхъ не было. Это не касается берега между Колымою и Леною, который, кажется, снятъ съ описи Дмитрія Лаптева, о

* У Кокса сказано, что Шалауровъ, 3-го Сентября, обошелъ островъ Сабадей, и тогда теченіе было по 5 верстъ въ часъ; но я основывался на оригинальной картѣ Шалаурова, приписки въ косяхъ совершенно объясняютъ его плаваніе.

коей говорено было выше. Острова Араутанъ назначены на Шалаурова картѣ въ губѣ Чаунѣ, точно на своихъ мѣстахъ, и не видать на ней третьяго островка, нарисованнаго у Кокса близъ Шелагскаго Мыса, гдѣ въ самомъ дѣлѣ онъ вовсе не существуетъ. Относительно усмотрѣнной Шалауровымъ горы по румбу NON, я долженъ замѣтить, что въ 1822 году находились мы на этой линіи, въ 75 Итал. миляхъ отъ пункта, съ котораго Шалауровъ думалъ видѣть землю, но хотя погода и горизонтъ довольно были ясны, однакожъ мы ничего похожаго на землю не замѣтили, почему я полагаю, что ледяная гора ввела Шалаурова въ заблужденіе.

Склоненіе компаса у Баранова Камня показано Шалауровымъ $11^{\circ} 15'$ восточн., Биллингсомъ, въ 1787 году, $17^{\circ} 12'$ восточн., а мною, въ 1822 году, $12^{\circ} 35'$ восточн. Теченіе моря, испытанное имъ, подтверждаетъ то, что и другими мореплавателями замѣчено въ этомъ морѣ, гдѣ лѣтомъ воды стремятся отъ восточнаго на западъ.

Путь Шалаурова въ 1761 году показываетъ, что островъ Діоміда, къ востоку отъ Святаго Носа, еще существовалъ въ то время, и точно на томъ мѣстѣ, гдѣ и Дмитрій Лаптевъ, въ 1739 году, его видѣлъ. Но при описяхъ, учиненныхъ г. Геденштремомъ, въ 1810, и лейтенантомъ Анжу въ 1823 году, островъ этотъ не найденъ, и прежняго существованія онаго не осталось даже и въ преданіяхъ промышленниковъ, которые весьма часто въ сихъ мѣстахъ развѣзжаютъ. Лаптевъ и Шалауровъ изображаютъ берегъ отъ Святаго Носа къ рѣкѣ Хромѣ съ изгибами, и не такою прямою чертою, какъ по послѣдней описи онъ оказался, а островъ Діоміда положенъ на обѣихъ картахъ отъ Св. Носа въ 45 миляхъ на NO, 78° по правому компасу, и въ 18 Итал. миляхъ отъ ближай-

шаго берега. Сравнивая эти карты съ картою лейтенанта Лянжу, мы съ перваго взгляда удостовѣряемся, что островъ Діомиды не присоединился къ берегу, * а, вѣроятно, смытъ, или сдвинуть отъ сильнаго напора льдовъ; таже причина могла сравнить и низменный берегъ къ востоку отъ Святаго Носа.

Усмотрѣнная Шалауровымъ гористая земля къ сѣверу отъ Святаго Носа, есть, безъ сомнѣнія, первый Ляховскій гористый островъ.

Неудача, испытанная Шалауровымъ, не лишила его надежды на лучшій успѣхъ въ слѣдующемъ году; онъ рѣшился испытать еще разъ обойти Шелагскій Мысъ, но команда взбунтовалась, разбѣжалась, и привела его въ необходимость возвратиться на Лену. Оттуда ѣздила Шалауровъ въ Москву, и получивъ вспоможеніе отъ правительства, предпринялъ вторичное путешествіе къ Шелагскому мысу въ 1764 году, но болѣе уже не возвращался.

Различные были слухи и мнѣнія о жребіи, постигшемъ сего предприимчиваго мореплавателя. Въ 1823 году найдено нами мѣсто, куда Шалауровъ спасся съ погибшаго во льдахъ судна; мѣсто это находится на матеромъ берегу, въ 70 Итал. миляхъ отъ Шелагскаго мыса. Тамъ, въ необитаемой пустынѣ, кончилъ Шалауровъ жизнь, передавъ потомству имя свое, въ воспоминаніе рѣдкаго примѣра предприимчивости и самоотверженія.

Острова, лежащіе противъ рѣкъ Яны и Колымы, не могли оставаться долго въ сомнительной неизвѣстности. Найденное Якутскимъ купцомъ Ляховымъ, около 1750 года, богатство въ нѣдрахъ земли тундреннаго полуострова, между рѣками Хотангой и Анабарой, ** мамонтовые рога, подстрекали къ но-

* Смотри. Хроп. Истор. г. Берха, часть I, стр. 141.

** Смот. Хроп. Истор. Берха, часть II, стр. 144.

вымъ обрѣтеніямъ. У приморскихъ жителей существовали давнія преданія объ островѣ Святаго Носа; Шалауровъ видѣлъ горы на немъ, и теперь настало время повѣрить эти извѣстія, и распространить промышленность.

Въ 1759, или 1760 году, * Устьянскій Якутъ Этерикамъ рѣшился на сіе предпріятіе, увѣнчавшееся открытіемъ противъ Святаго Носа острова, сохранившаго и поднесъ названіе Этерикамъ, или первый Ляховскій островъ. Это послѣднее названіе дано ему по повелѣнію Императрицы Екатерины II, въ честь купца Ляхова, ѣздившаго туда, и открывшаго новые острова.

Ляховъ, которому, вѣроятно, открытіе Этерикама было уже извѣстно, находясь въ Мартѣ мѣсяцѣ 1770 года у Святаго Носа, увидѣлъ многочисленное стадо оленей, шедшихъ къ югу, слѣды коихъ простирались отъ сѣвера чрезъ море. Рѣшившись извѣдать, откуда шли эти звѣри, Ляховъ пустился рано утромъ, въ началѣ Апрѣля, на нартахъ по слѣду, и проѣхавъ около 70 верстъ отъ мыса прямо на сѣверъ, прибылъ къ острову, гдѣ остался почевать. Слѣдующаго дня, не оставляя оленьихъ слѣдовъ, достигъ онъ, на 20 верстъ, другаго острова. Слѣдъ, простираясь еще далѣе на сѣверъ, скоро завлекъ Ляхова въ тороса, по конмъ ему невозможно было пробираться далѣе, почему возвратился онъ назадъ, и съ трудомъ выѣхалъ на материкъ.

По полученіи извѣстія объ этой повѣздкѣ, правительство предоставило Ляхову исключительное право промыслять мамонтовую кость и песцовъ, какъ на сихъ островахъ, такъ и на тѣхъ, которые онъ впередъ откроетъ.

* Смотри. Путешествіе Геденштрема, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1823 годъ.

1773 года, Ляховъ, сопутствуемый Якутскимъ купцомъ Протодяконовымъ, поплылъ въ лодкѣ, съ 5-ю гребцами, на первый островъ; въ проливѣ морская вода казалась имъ весьма солена, и теченіе было отъ востока. Со втораго острова увидѣлъ Ляховъ, при ясной погодѣ, еще землю на сѣверѣ, и скоро пріѣхалъ на нее, назвавъ ее третьимъ островомъ. Берегъ покрытъ былъ наноснымъ лѣсомъ. Земля гористая, и казалась обширною. Путешественники нашли клыки мамонтовые, и видѣли слѣды звѣрей. Возвратясь на первый островъ, Ляховъ выстроилъ изъ наноснаго лѣса зимовье, гдѣ и провелъ зиму. Здѣсь должно замѣтить еще, что одинъ изъ его товарищей оставилъ на третьемъ островѣ котелъ мѣдный, обстоятельство, доставившее оному названіе Котельнаго острова.

Протодяконовъ рассказывалъ Сауеру, въ бытность Биллингса въ Якутскѣ, что земля на первомъ островѣ состоитъ изъ песку со льдомъ. Мамонтовыхъ костей находили на немъ такое множество, что казалось, будто островъ весь состоялъ изъ нихъ. Между мамонтовыми костями видѣли головы и рога, похожіе на буйволовые. На третьемъ островѣ нашли нѣсколько рѣчекъ; въ устьяхъ лежало множество наноснаго лѣса, и въ рѣчки врывались съ моря рыбы, между коими и краснотельная нерка, которая водится въ Охотскѣ и Камчаткѣ, но ни въ Колымѣ ни въ Индигиркѣ не бываетъ. Въ морѣ видѣли китовъ и бѣлугъ, а на землѣ бѣлыхъ медвѣдей, волковъ и оленей. Незвѣстность пространства сего острова возобновила старую молву о продолженіи Американскаго берега.

По возвращеніи Ляхова на Яну, распространился слухъ о вновь открытой большой землѣ, для изслѣдованія которой отправленъ изъ Якутска землеѣръ *Хвойновъ*, съ порученіемъ сопутствовать Ляхову на ту землю, и сдѣлать ей вѣрную опись.

Въ концѣ Марта 1775 года, Хвойновъ прибылъ въ Устьянскъ, и по льду переѣхалъ къ Святому Носу. 16 Мая прибылъ онъ къ первому острову, имѣющему по его счету 150 верстъ въ длину, поперегъ 80, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, и 20-ть въ самомъ узкомъ. По срединѣ, онъ нашелъ озеро значительной величины, но весьма мелкое, хотя берега онаго были круты. Дѣлая опись, Хвойновъ объѣхалъ кругомъ всего острова, и насчиталъ 367 верстъ во всей окружности. Дурныя погоды и недостатокъ въ кормѣ собакъ удержали землемѣра безъ всякаго дѣла въ Ляховскомъ зимовьѣ на этомъ островѣ до 6-го Іюня; тогда выступилъ онъ въ обратный путь, и благополучно пріѣхалъ въ Устьянскъ.

Въ 1776 году надлежало Хвойнову довершить опись Ляховскихъ острововъ, но дурныя погоды и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ остановили его. Въ 1777 году имѣлъ онъ тотъ же неуспѣхъ, отъ тѣхъ же причинъ. Однакожъ, онъ собралъ отъ промышленныхъ людей столько пзвѣстій, что на картѣ начертилъ и второй островъ со словъ другихъ, а первый по собственной описи, которая въ главныхъ размѣреніяхъ острова не вѣрна, а въ частныхъ подробностяхъ довольно хороша. Замѣчательно, что отъ юго-восточнаго мыса, въ 10 верстахъ на востокъ, усмотрѣлъ Хвойновъ отпрядышъ во льдахъ, который на его картѣ, ниже на новѣйшей картѣ лейтенанта Анжу не означенъ, и, можетъ быть, дѣйствительно, болѣе не существуетъ. *

О Медвѣжьихъ Островахъ существовали въ то время одни темныя, на преданіяхъ основанныя извѣстія. Надлежало ихъ привести въ ясность, и испытать на дѣлѣ степень вѣроятія молвы о продолженіи

* Извлечено изъ журнала Хвойнова, помѣщеннаго въ Pallas neue nordische Beyträge, 7 ч., стр. 134-142.

Америки мимо Колымы, въ небольшомъ отъ Сибирскаго берега разстояніи.

Дѣло это поручено было геодезіи сержанту Андрееву, * посланному, въ 1762 году, отъ Сибирскаго губернатора Чичерина на Колыму.

Марта 4-го дня, 1763 года, отправился Андреевъ изъ Нижне-Колымскаго острога, на собакахъ, къ рѣкѣ Крестовой, и оттуда на рѣку Индигирку съ казакомъ Шкулевымъ, который долженъ былъ указывать путь. Возвратясь къ Крестовой, и откормивши собакъ, Апрѣля 22-го, при благополучной погодѣ, отправились они по льду, на собакахъ, въ море, и переѣхавъ 90 верстъ, прибыли къ первому видимому острову, который протянулся по морскому берегу отъ востока къ западу на 50 верстъ; ширина острова около 40, окружность до 100 верстъ.

Андреевъ, описывая подобнымъ образомъ и проchie острова этой группы, находилъ на каждомъ признаки бывшей обитаемости, развалившіяся землянки, или вкопанныя въ землю юрты. Особенно примѣчательна юрта, найденная имъ на скалѣ у Портоваго

* У Палласа, въ Neue nord. Beyträge т. III, ч. II, стр. 231, сообщается журналъ геодезистовъ Андреева, Леонтьева и Лысова, вздвиншихъ по Ледовитому морю въ 1765 году. Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1823 годъ тотъ же журналъ помѣщенъ подъ заглавіемъ: Журналъ Анадырской команды сержанта Андреева, и проч., выведенный въ 1765 году. По Хропол. Ист. г. Берха, стр. 148, част. II, сказано, что полковникъ Пленншверъ, будучи посланъ осмотрѣть Анадырскій острогъ, и получивъ отъ Чукчей свидѣніе, что къ сѣверу отъ р. Колымы есть большая земля, именуемая Имоглингъ, отправилъ сержанта Андреева, чтобы удостовѣриться въ справедливости сего сказанія. Г. Берхъ приводитъ объ этомъ путешествіи Андреева вкратцѣ тоже, что въ прежде упомянутыхъ журналахъ сказано. Далѣе говоритъ, что послѣ Андреева (путешествовавшего въ 1765 году), въ 1767, 1768, 1769 годахъ, вздвигли по Ледовитому морю три геодезиста Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ. По рукописному же журналу этихъ трехъ геодезистовъ видно, что они вздвигли по Ледовитому морю въ 1769, 1770 и 1771 годахъ, а что касается до земли Имоглингъ, то извѣстно, что первый островъ отъ Чукотскаго Носа въ Беринговомъ Пролитѣ назывался Имоглингъ.

острова, который, по Андрееву, превышаетъ величиною и первый островъ, имѣя 120 верстъ вокругъ и 60 въ длину. Вотъ слова его: «Съ сѣверной стороны (острова) имѣется у берега называемый отпрядышъ, разстояніемъ отъ берега 11 сажень печатныхъ, и на прибылѣ промежутками бываетъ вода, а нынѣ сухо, одна мелкая дресва, а оный камень отпрядышъ весьма мягокъ, дресвянъ, вышиною отъ земли въ 5 сажень печатныхъ; на немъ же имѣется самый тѣсный залавокъ (уступъ), вышины отъ земли три сажени печатныхъ, на которомъ сдѣлана крѣпость, на подставныхъ десяти лѣсинахъ матерыхъ (крупныхъ), лиственничныхъ, а становлены лѣсины вверхъ кореньями, къ землѣ уже вершинами; такъ прилавлена, какъ птица на деревѣ гнѣздо вѣсть, а сдѣлана подобно, какъ быть надобно лабазу. Первый полъ настланъ изъ наноснаго лиственничнаго матераго жъ лѣсу; по верхъ полу настланъ песокъ съ мелкою дресвою, толщиною на четверть, а по тому полу обставлено вокругъ на подобіе юрты дощечками и пластинами шести-четвертными, столъ высоко, человѣку въ поясъ; вокругъ юрты осыпано тою же дресвою съ дерномъ, а на верхъ накладываютъ мелкій, наносный, лиственничной, еловый и осиновый лѣсъ, на коемъ была насыпана жъ дресва съ пескомъ, токмо обвалилась. Для связей рублены проухи, и связаны уши ремнями; оные проухи рублены, и доски тесаны, топоромъ не желѣзнымъ, а каменнымъ, или какимъ костянымъ, подобно какъ зубами грызено. Поперекъ ее четыре сажени, въ длину 4 сажени, а когда она цѣла была, вдоль и поперекъ по 6 сажень; внизъ къ берегу изъ юрты спускъ на землю; другой спускъ въ камень на сѣверную сторону, токмо много же развалилось. А признается дѣлана она крѣпость съ превеликимъ трудомъ, по высотѣ и по тѣснотѣ того залавка,

только строена не Русскими людьми, а другими, какими о томъ знать не можно.»

Объѣхавъ и четвертый островъ, онъ наконецъ прибылъ на пятый, по Андрееву, разстояніемъ отъ четвертаго 100 верстъ, въ длину 70, вокругъ 140, а поперегъ 50 верстъ, «и много поотшибся противъ устья рѣки Чауна, или можно сказать къ Чукотскому носу.» Описавъ найденныя имъ двѣ развалившіяся юрты, и «два камня стоящіе, съ прѣзда отъ западной стороны, въ полугорѣ, называемые *кехуры*, съ издали видимы на подобіе человѣковъ», онъ продолжаетъ: «да на семь же островъ всходили на верхъ горы и «смотрѣли во всѣ стороны. Въ полуденную сторону «видѣнъ *сломанитъ* камень, который, по разсужденію нашему, тотъ Ковымской камень, а въ лѣво въ «восточной сторонѣ, едва чуть видѣтъ, синь синѣтъ, «или назвать какая чернь, что такое, земля или «полое время, о томъ въ подлинникъ обстоятельно «донести не имѣю.» Отъ этого острова возвратись къ Крестовой рѣкѣ, ночевали на третьемъ островѣ. Мая 1-го, готовясь ѣхать, встали по утру рано и «увидѣли два медвѣдя побѣжали въ море, за которыми отпустили собакъ, и расшибли ихъ порознь, «а раздѣля на двое команду, догнали медвѣдей и «убили.»

Выѣхавъ благополучно на Крестовую рѣку, Андреевъ, въ заключеніе журнала своего говоритъ: «хотя по сказкѣ, данной отъ казака Ѳедора Татаринова съ товарищи, и показано отъ рѣчки Крестовой съ перваго, а отъ перваго до втораго, даже и до пятаго острововъ, въ длину, поперегъ и вокругъ разстояніемъ версты, но только онаго весьма было много; а что касается по моей описи, то развѣ единая въ маломъ числѣ верстъ ошибка быть можетъ.»

Вопреки этому скромному увѣренію, Андреевъ въ Т. IV. — Отд. III.

описи погрѣшилъ на 440 верстъ избыточно, протягивая пять острововъ отъ рѣчки Крестовой къ востоку на 550 верстъ. Также взаимное положеніе и размѣренія острововъ весьма ошибочны.

Укрѣпленная на скалѣ юрта, и скала, тѣмъ болѣе примѣчательны, что въ 1820 году оныя бывшаго тамъ экспедиціею не найдены, почему думать должно лѣдомъ стерты и сокрыты нынѣ подъ водою. Разрушенныя жилища, коихъ остатки найдены и нами на нѣкоторыхъ изъ этихъ острововъ, конечно, замѣчательны, но не болѣе какъ свидѣтельства прежней (и, вѣроятно, на короткое время) обитаемости острововъ, опустѣвшихъ подобно приморскимъ берегамъ къ востоку отъ Шелагскаго Мыса, по коимъ видѣли мы также не малое число развалившихся землянокъ. Г. Берхъ находитъ причины этого опустѣнія въ перемѣнѣ климата. *

Что касается до усмотрѣнной Андреевымъ съ пятаго острова синевы, замѣчу, что ставъ лицомъ къ Колымскому камню на полдень, синева замѣчена въ лѣвой рукѣ «къ восточной сторонѣ», то есть, въ той сторонѣ моря, которая изслѣдована нами въ 1821 и 1822 годахъ на 250 верстъ: доказательство, что синева не могла быть неизвѣстная земля, которая долженствовала бы намъ непременно открыться.

Вѣроятно, въ слѣдующемъ году сержантъ Андреевъ былъ опять на этомъ островѣ, ибо въ дополнительномъ наставленіи, данномъ Биллингсу ** сказано:

* См. Хрон. Ист. часть I, стр. 148, гдѣ сказано: «оставленныя жилища сіи подають намъ идею о тѣхъ великихъ измѣненіяхъ, коимъ шаръ земной подвергался въ теченіе своего вѣковаго круговращенія.» Должно замѣтить, что эти жилища суть не развалины Греческой архитектуры, а юрты, землянки, какія строятся въ самыхъ холодныхъ странахъ подъ 76° широты.

** См. Путешествіе капитана Биллинкса, изд. г. вице-адмираломъ Сарычевымъ, стр. 190.

«Въ 1764 году сержантъ Андреевъ, съ послѣдняго изъ Медвѣжьихъ острововъ, усмотрѣлъ въ великой отдаленности полагаемый имъ величайшимъ островъ, куда и отправились льдомъ на собакахъ, но не доѣзжая того верстъ за 20, наѣхали на свѣжіе слѣды превосходнаго числа, на оленяхъ, въ саняхъ, неизвѣстныхъ народовъ, и будучи малолѣдны, возвратились на Колыму. Больше о сей землѣ, или великомъ островѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній».

Какое довѣріе заслуживаетъ Андреевъ, показываетъ намъ его опись Медвѣжьихъ Острововъ, и выше мною изложенная невозможность видѣть землю съ пятаго острова въ восточномъ направленіи. Если же Андреевъ ѣхалъ въ ту сторону, въ которой онъ усмотрѣлъ синеву, то есть, на востокъ, и дѣйствительно видѣлъ высокую землю и оленьи слѣды, то это открытіе должно быть отнесено къ матерому берегу Азіи, къ которому непримѣтнымъ образомъ могъ онъ склониться, ѣдучи на востокъ. Иначе показаніе Андреева должно бы назваться баснею, которая въ послѣдствіи еще болѣе распространена и раскрашена. Напримѣръ въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, на 1823 годъ, въ замѣчаніи къ журналу сержанта Андреева, мы находимъ: «другія извѣстія доказываютъ, что сія земля имѣетъ жителей, которые называютъ ее *Тикигень*, а сами извѣстны подъ именемъ *Хрохасевъ*, и состоятъ изъ двухъ племенъ; что нѣкоторые изъ нихъ бородатые и похожи на Россіянъ, другіе же Чукотской породы, и что бывшіе при экспедиціи Биллингса сотникъ Кобелевъ и толмачъ Доуркинъ, подтвердивъ описаніе Андреева, представили даже обрисъ видѣнной имъ земли, составленный нѣкоторымъ Американскимъ тоеномъ».

Здѣсь, вѣроятно, говорится о сѣверозападномъ берегу Америки, котораго главнѣйшіе мысы и бухты

*

могли быть извѣстны Американскому тоену, а названіе народа Хрохан, взято изъ рассказовъ Чукчей Сѣвернаго Мыса, какъ означено въ моемъ журналѣ.

Извѣстіе, доставленное Андреевымъ объ обширной на сѣверѣ землѣ, подало поводъ къ отправленію секретной экспедиціи изъ Тобольска на Колыму. Г-нъ Берхъ нашелъ въ Тобольскомъ архивѣ журналъ этой экспедиціи, которая иначе осталась бы поднесъ для насъ секретною. •

Въ 1767 году ѣздили геодезіи прапорщики Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ изъ Якутска въ Охотскъ, и оттуда въ Нижне-Колымскъ. Въ этотъ острогъ прибыли они въ 1768 году, и въ слѣдующемъ году предприняли путешествіе по Ледовитому морю.

1769 года, Марта 1-го, поѣхали они на собакахъ изъ Нижне-Колымска, а 17-го числа отправились отъ устья рѣки Крестовой на первый Медвѣжій Островъ, и объѣзжая все прочіе острова, дѣлали онымъ подробную геодезическую опись, столь вѣрную въ отношеніи къ взаимному ихъ положенію и отстоянію, что въ 1821 году мы не нашли значительныхъ погрѣшностей. Геодезисты видѣли тѣ же развалившіяся юрты, о которыхъ говорилъ Андреевъ.

23 Марта, находясь на самомъ восточномъ островѣ, въ бухтѣ по сѣверному онаго берегу, Леонтьевъ по обсерваціи нашелъ широту $71^{\circ} 58'$, почти на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1821 году мною найдена широта $70^{\circ} 37'$.

24-го числа отправились они въ море на $NO 18^{\circ}$, и проѣхавъ 37 верстъ по торосамъ и рассолу, остановились на почлегѣ, гдѣ крѣпкимъ отъ W вѣтромъ начало ломать ледъ, такъ, что едва успѣли перейти на другое безопаснѣйшее мѣсто.

25-го числа стояли за погодую и чурою.

26-го числа, проѣхавъ на NW 5° три версты, черезъ трудные торосы, нашли, что ледъ тонокъ, почему перѣшили слѣдовать далѣе, «ибо до большой Американской земли разстояніе неизвѣстно»*. При томъ не стало у нихъ пищи и корма собакамъ, подбившимъ себѣ ноги, такъ, что съ трудомъ бѣжали. Поворотясь назадъ, пріѣхали они тѣмъ же путемъ, Апрѣля 7-го, въ Нижне-Колымскъ, проѣхавъ по ихъ счету впередъ и обратно 839 верстъ 200 сажень.

1770 года, Февраля 28-го, пустились они вторично изъ Нижне-Колымска, а Марта 7-го, изъ устья Чукотской протока, направили путь къ Медвѣжьимъ Островамъ, на самый восточный изъ коихъ прибыли Марта 10-го; за погодою оставались на этомъ островѣ 5 дней.

16-го числа поѣхали на NO 5°, къ «большой Американской землѣ,» и на 28 верстъ остановились на ночь.

17	на NO	8°	проѣхали	25	верстъ	300	саж.)	
18	-- NO	5°	--	18	--	150	--	} торосами.
19	-- NO	5°	--	25	--	"	--	
20	-- NO	5°	--	22	--	"	--	
21	-- NO	5°	--	18	--	"	--	
22	-- NO	10°	--	18	--	"	--	} весьма частыми торосами.
23	-- NO	15°	--	{ 40	--	{ 400	--	
24	-- NO	15°	--		--		--	

25-го чинили нарты, совершенно изломавшіяся въ торосахъ.

26-го стояли за погодою.

27-го «по видимости, что впереди торосы еще чаще» поѣхали Лысовъ и Пушкаревъ, въ числѣ 10 человекъ, на отобранныхъ собакахъ, съ кормомъ и пищею на 3 дни, «для осмотра, не увидится ли гдѣ какалъ земля. На 5 верстъ доѣхали къ великимъ

* Слѣдовательно, Андреевъ не могъ сказать, что недоѣхалъ 20 верстъ до оной.

свѣжимъ торосамъ, въ 4 сажени вышиною; по онымъ проѣхали около 30 верстъ; осмотрѣли зрительною трубою горизонтъ, и видѣли одни частые тороса, чрезъ которые не предвидя возможности ѣхать далѣе, поворотили 28-го числа назадъ.

На пути къ острову переѣхали они 5 разсѣлинь лѣду, шириною по 1 аршину, и 1-го Апрѣля прибыли на 5-й островъ, гдѣ остались три дня для осушки платья и обуви; убили 4 медвѣдей.

5-го Апрѣля поѣхали на Колыму, и 9-го числа прибыли въ Нижне-Колымскій острогъ; сдѣлавъ впередъ и обратно 950 верстъ 150 сажень.

Полагая склоненіе компаса 15° восточное, привелъ курсы въ широту $72^{\circ} 00'$, гдѣ остановлены были они свѣжими торосами.

1771 года, Февралѣ 27-го числа, геодезисты въ третій разъ отправились изъ Нижне-Колымска, и отъ устья Средней Колымы направили путь къ послѣднему Медвѣжьему Острову, куда прибыли 9-го Марта. Будучи удержаны погодою, поѣхали отъ острова 15-го числа, держа на $NO\ 77^{\circ}$, къ Чаунской сторонѣ. Проѣхавъ въ три дня 78 верстъ, почти на истинный востокъ, и не замѣтя ничего примѣчательнаго, поворотили на $SO\ 10^{\circ}$, къ большому Баранову камню, куда пріѣхали на 50-й верстъ 18-го числа.

19-го дневали, и убили одного бѣлаго медвѣдя въ берлогѣ.

Отъ 20-го до 24-го числа, включительно, шли къ востоку вдоль береговъ; 25-го дневали; 26-го поѣхали далѣе до губы Шелагской; 28-го поворотили назадъ за неимѣніемъ корма, а 6-го Апрѣля прибыли въ Нижне-Колымскъ, сдѣлавъ впередъ и обратно 432 версты 450 сажень.

На картѣ, сочиненной геодезистомъ Леоптѣевымъ, изображенъ берегъ отъ Колымы къ губѣ Чаунъ съ

великимъ небреженіемъ, и какъ будто въ доказательство, что геодезисты, не токмо вовсе непомыслили объ описи, но даже не пользовались картою Шалаурова, на коей эта часть берега проведена съ довольною точностію. Таковая неосновательность геодезистовъ удивляетъ тѣмъ болѣе, что пройденныя ими разстоянія при описи Медвѣжьихъ острововъ, и даже суточные переходы въ эту послѣднюю поѣздку, показываются въ саженьяхъ, почему должно думать, что разстоянія измѣряемы были цѣпью; но въ торосахъ этотъ способъ вовсе неудобенъ, и, вѣроятно, употреблялся только на ровныхъ мѣстахъ*.

Нолбря 6-го отправились геодезисты изъ Нижне-Колымска, по ордеру отъ полковника Плениснера, въ Тобольскъ, откуда Сибирскій губернаторъ Чичеринъ, 1773 года въ Августъ, послалъ донесенія и карты съ прапорщикомъ Леонтьевымъ въ С. Петербургъ.

Эта экспедиція, продолжавшаяся пять лѣтъ, и сдѣлавшая три поѣздки въ Ледовитое море, хотя и не достигла предположенной ей правительствомъ цѣли, но не была и во все безуспѣшна. Медвѣжьихъ Острововъ съ великою вѣрностію, геодезически, описаны, и море изслѣдовано къ сѣверу и къ востоку отъ нихъ, сколько обстоятельства позволяли; показаніе сержанта Андреева о сѣверной землѣ, обитаемой оленными народами, приняло видъ басни, равно и преувеличенное извѣстіе о дальнемъ протяженіи Медвѣжьихъ Острововъ и ихъ размѣреніи, достаточно опровергнуто.

1778 года Августа 11/₂₃ появился Кукъ въ Беринговомъ Проливѣ, съ извѣстною цѣлью отыскать про-

* Старикъ Нижне-Колымска помнитъ эту цѣпь, и рассказываетъ, что при описи Медвѣжьихъ Острововъ тащили се люди.

ходъ въ Атлантическій Океанъ, мимо сѣверныхъ береговъ Америки, или Азіи. Лдяныя поля, примкнувшія къ Ледовитому Мысу, остановили Кука на востокъ, а противные вѣтры и позднее время года понудили знаменитаго мореплавателя возвратиться, достигнувъ на западъ мыса, названнаго имъ *Сѣверный*, который опредѣленъ въ широтѣ $68^{\circ} 56'$, долготѣ $179^{\circ} 11' W$ отъ Гринича; склоненіе компаса найдено здѣсь 26° восточное. Капитану Куку казалось, что отъ этого мыса берегъ принимаетъ почти западное направленіе, и что за нимъ находится озеро, или заливъ.

Учиненная въ 1823 году опись показывается, что догадки Кука въ этомъ случаѣ были невѣрны; опредѣленіе же широты м. Сѣвернаго довольно согласно съ моими наблюденіями, на самомъ почти мысѣ учиненными; по онымъ широта $68^{\circ} 55' 16''$, долгота $179^{\circ} 54' W$; склоненіе компаса $21^{\circ} 40'$ восточнос.

Азіятскій берегъ до м. Сѣвернаго не могъ быть осмотрѣнъ Кукомъ иначе, какъ весьма поверхностно. На обратномъ плаваніи усмотрѣнъ островъ, «имѣющій отъ 4 до 5 миль въ окружности, средней вышины, съ отвѣсными скалистыми берегами, въ разстояніи 3 миль отъ материка;» на картѣ положенъ этотъ островъ, названный *Burney's island*, въ широтѣ $67^{\circ} 45'$, долготѣ $185^{\circ} 5'$.

Поелику около этого мѣста не находится другаго острова, кромѣ *Колючина*, то, безъ сомнѣнія, *Burney's island* есть тотъ самый, до котораго въ 1823 году наша экспедиція доѣхала; описаніе наружнаго вида онаго совершенно оправдываетъ догадку, хотя въ опредѣленіи географическаго положенія находимъ значительное несогласіе, ибо, по обсерваціямъ, учиненнымъ

мною на южной оконечности острова, широта мѣста $67^{\circ} 26' 46''$, долгота по счисленію $184^{\circ} 28'$.

Далѣе къ востоку, въ широтѣ $67^{\circ} 3'$, долготѣ $188^{\circ} 11'$ усмотрѣлъ капитанъ Кукъ довольно значительной высоты мысъ, отвѣсно стоящій надъ моремъ. «Къ востоку отъ онаго берегъ идетъ высокій и приглубый, но къ западу оный низменъ, и направляется къ NNW и NWW, почти до самаго мыса Сѣвернаго. Глубины въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ берега вездѣ почти одинаковыя, какъ у Азіятскихъ, такъ и у противоположащихъ береговъ Америки. Самая большая глубина, плывя вдоль оныхъ, была 23 сажени, и ночью, или въ туманную погоду, лотъ можетъ служить не безполезнымъ вождемъ въ плаваніи вдоль обоихъ сихъ береговъ».

На счетъ этихъ замѣчаній капитана Кука можно замѣтить, что весь берегъ къ востоку отъ Шелагскаго мыса до мыса Сѣвернаго, и отъ сего послѣдняго до острова Колючина, нельзя назвать ни низменнымъ, ни высокимъ; оный перемѣняется, и именно, около мысовъ *Онъ-манъ* (къ западу отъ острова Колючина), *Киберъ* и *Козьмина* представляетъ довольно высокія, нѣсколько отлогія горы, и отвѣсныя скалы.

Въ плаваніи между берегами Азіи и Америки, къ сѣверу отъ Берингова Пролива, капитанъ Кукъ и астрономъ Бели неоднократно думали видѣть примѣты близости земли на сѣверѣ. Почти непримѣтное увеличеніе глубины моря, съ удаленіемъ отъ береговъ обоихъ материковъ, стада гусей и утокъ, ластавшихъ отъ сѣвера на югъ въ Августъ мѣсяцъ, въ такое время, когда эти птицы, дѣйствительно, въ полуденныя страны отлетаютъ, самое образованіе льду, все это, по мнѣнію Бурнея, согласно указывало на неизвѣстную землю къ сѣверу отъ пролива. Те-

ченія никакого не замѣчено, хотя льды примѣтно на югъ подавались.

Подвиги Англичанъ, старавшихся знакомить Европу съ отдаленнѣйшими странами нашей земли, обратили на этотъ предметъ вниманіе и Россіи. Кому неизвѣстны описанія экспедиціи, отправленной въ сѣверовосточную Азію и къ сѣверозападнымъ берегамъ Америки, для географическихъ изслѣдованій, подъ начальствомъ капитана Биллингса, съ 1785 года по 1794 годъ? На Русскомъ языкѣ описаны ея дѣйствія капитаномъ Сарычевымъ*, который былъ дѣятельнѣйшимъ въ ней сотрудникомъ, а на Англійскомъ секретаремъ экспедиціи Сауеромъ**.

Въ числѣ многихъ предметовъ, составлявшихъ цѣль этого предпріятія, было и испытаніе возможности мореходнаго сообщенія изъ Ледовитаго моря чрезъ Беринговъ проливъ, въ Восточный Океанъ. Для этого (на рѣкѣ Ясашнѣ, близъ Верхне-Колымскаго острога, построили два мореходныя судна, Палласъ*** и Ясашна****. На первомъ находился начальникъ экспедиціи капитанъ Биллингсъ; второе поручено въ командованіе капитану Сарычеву.

1787 года, Мая 25-го, поплыли оба судна внизъ по Ясашнѣ и Колымѣ, и 18-го Іюня находились противъ Нижне-Колымскаго острога, гдѣ наплы широту $68^{\circ} 17' 14''$, долготу $163^{\circ} 17' 30''$ восточную; склоненіе компаса $14^{\circ} 14'$ восточное.

19-го числа Палласъ поплылъ далѣе, а 21-го послѣдовала за нимъ и Ясашна; 22-го соединились оба въ восточномъ устьѣ Колымы, близъ Шалауровскихъ казармъ и Лаптева маяка. Капитанъ Сары-

* Die Deutsche Uebersetzung von Busse, Leipzig 1805.

** An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia.

*** 45 футовъ по килу.

**** 28 футовъ по килу.

чевъ замѣчаетъ : «кажется, вѣроятно, что прежде фарватеръ рѣки былъ возлѣ праваго берега, что доказываютъ построенныя на немъ Лаптевымъ для людей казармы, близъ коихъ вытасченъ былъ и боть его, но теперь, не только большое судно приблизиться къ сему берегу не можетъ, но и шлюпка подходить съ трудомъ, и то въ водопольѣ, а во время убыли воды отмель бываетъ версты на три»

23-го числа, югозападнымъ вѣтромъ развело волненіе, и въ Ясашнѣ показалась уже течь, которую однакожь скоро остановили.

24-го, начальникъ экспедиціи объявилъ себѣ чинъ капитана 2-го ранга, и того же дня оба судна снялись съ якоря, и чрезъ 6 миль вышли изъ устья Колымы въ Ледовитое море. «Глубина рѣки, по фарватеру, который здѣсь до 200 сажень шириною, была отъ 3 до 5 сажень; на днѣ жидкій иль. Берегъ продолжается каменнымъ утесомъ, вышиною до 8 сажень; подъ нимъ видно много наноснаго лѣсу».

Укрываясь отъ льдовъ, носившихся близъ береговъ, суда входили въ небольшіе заливы за мысами, и останавливались на якоряхъ, когда не находили возможности плыть далѣе. 28-го, находясь въ заливѣ между большимъ и малымъ Барановыми камнями, противъ ручья, Биллингсъ устроилъ свою обсерваторію на берегу, нашелъ широту того мѣста $69^{\circ} 27' 26''$, долготу по хронометру $167^{\circ} 50' 30''$. Капитанъ Сарычевъ въ своемъ сочиненіи показываетъ обсервованную широту того же мѣста $69^{\circ} 29'$, прибавляя, «изъ сего видно, что на всѣхъ прежде изданныхъ картахъ, берегъ Ледовитаго Моря положенъ далѣе къ сѣверу почти на два градуса». Склоненіе компаса было здѣсь $16^{\circ} 00'$ восточное.

1-го Іюля, оба судна снялись съ якоря, и старались пробираться на сѣверъ, гдѣ льды, казалось, уменьшались, но самый густой туманъ, препятствовавшій видѣть далѣе 2 сажень, понуждалъ ихъ ложиться часто на якорь. Самое большое отдаленіе отъ берега къ сѣверозападу простиралось не болѣе 20 миль; отсюда принуждены были повернуть обратно, «ибо высокіе и большіе льды, коимъ не видно было конца, покрывали впереди все море, и ударяющіяся объ нихъ волны производили ужасный шумъ». Палась 2-го числа положилъ якорь въ заливцѣ за мыскомъ, западнѣе того, у котораго вчера стояли; Ясашна скоро съ нимъ соединилась.

5-го и въ слѣдующія числа, пытаюсь проплыть далѣе на востокъ, и встрѣчая всегда препятствія отъ льдовъ, при частыхъ, густыхъ туманахъ, миновали 19-го Іюля большой Барановъ камень, но прощедъ на сѣверовостокъ около 11 миль, ледяныя громады, изъ коихъ многія на 16 саженьхъ глубины доставали дно, принудили ихъ укрыться по западной сторонѣ этого мыса, и положить якорь.

Здѣсь капитанъ Биллингсъ составилъ совѣтъ изъ офицеровъ, въ коемъ положено: за невозможностію пройти далѣе къ востоку, и за позднимъ осеннимъ временемъ, возвратиться на Колыму. «Лишь только кончился совѣтъ, то снялись, и на завозахъ пошли на западъ.» 26-го Іюля вошли въ устья Колымы, коей теченіе столь было тихо, что чрезъ пять дней доплы до Нижне-Колымска, «и тѣмъ кончили, сколь трудное, столь и опасное плаваніе по Ледовитому морю.»

По окончаніи плаванія Биллингсъ вторично собралъ совѣтъ, въ коемъ разсуждаемо было, «какъ бы удобнѣе и безопаснѣе обойти, водою или берегомъ, Мысы Шелагскій и Чукотскій.» Опытъ пока-

залъ, что водою сего исполнить было не можно; оставалось еще средство объѣхать мысы зимою на собакахъ; «но оно отвергнуто въ совѣтъ, такъ какъ неудобное, потому, что нельзя взять съ собою для собакъ корму болѣе, какъ на 200 верстъ пути.»

Наконецъ положено сдѣлать еще покушеніе съ восточной стороны, отъ Берингова Пролива, на судахъ, приготовлявшихся въ Охотскѣ.*

На пути въ Беринговъ Проливъ, въ 1791 году, капитанъ Биллингсъ, на суднѣ *Слава Россіи*, зашелъ въ губу Св. Лаврентія, гдѣ его навѣстили Чукчи. Они сказывали начальнику экспедиціи, что Ледовитое море почти всегда покрыто бываетъ множествомъ льду, и что нѣтъ возможности плавать по сему морю, не только на большихъ судахъ, но и на байдаркахъ. Повѣривъ этимъ рассказамъ, болѣе нежели собственному опыту**, капитанъ Биллингсъ отмѣнилъ намѣреніе обойти моремъ Шелагскій Носъ, и какъ будто изъ благодарности къ Чукчамъ, за избавленіе его отъ предстоявшихъ ему въ этомъ плаваніи опасностей, рѣшился на труднѣйшій, но менѣе славный подвигъ: пробхать чрезъ Чукотскую землю, и вѣрнѣе дикому и коварному ея народу, пренебрегал даже мѣрами осторожности, вопреки убѣдительнымъ представленіямъ своихъ подчиненныхъ, и особенно капитана Сарычева.

11-го Августа капитанъ Биллингсъ отправилъ геодезіи сержанта Гилева, моремъ на Чукотской байдарѣ, описывать берегъ кругомъ восточнаго Чукотскаго мыса, до острова Колочина, откуда стараться

* Смотр. Путешествіе капитана Биллингса чрезъ Чукотскую землю, составленное вице-адмираломъ Г. А. Сарычевымъ.

** Извѣстно, что капитанъ Биллингсъ находился съ Кукомъ въ третьемъ его воляжѣ, и что сей послѣдній достигъ мыса Савернаго, не встрѣтивъ большихъ препятствій отъ льду.

выѣхать ему на встрѣчу, при путешествіи Биллингса берегомъ.

Сержантъ Гилевъ, отправясь, ѣхалъ на байдарѣ подлѣ береговъ до Восточнаго мыса; перешелъ пѣшкомъ чрезъ перешеекъ онаго къ Ледовитому морю, откуда слѣдовалъ подлѣ береговъ къ NW, то на байдарахъ, то пѣшкомъ, смотря потому, какъ носящіеся по морю льды ему позволяли, или препятствовали; наконецъ, недоходя до острова Колучина 90 миль, сидячіе Чукчи отказались провожать далѣе, и отдали его, случившимся тутъ, оленнымъ Чукчамъ, которые, на своихъ оленяхъ, чрезъ горы, привезли его въ станъ къ Биллингсу, находившемуся тогда близъ вершины рѣки Югней, впадающей въ Колучинскую губу.

На пути сюда, на 1-й верстѣ отъ озера Югней, осмотрѣлъ штурманъ Батаковъ ключи теплыхъ водъ, которые описываетъ такимъ образомъ: «Они находятся на невысокой каменной горѣ, и составляютъ четыре, овальнаго вида, водоема, которые возвышены отъ поверхности горы на $1\frac{1}{2}$ фута тонкими закраинами, сверху загнутыми на внѣшнюю сторону, такъ ровно, что сіи водоемы походятъ совершенно на котлы, врытые въ землю. Они всѣ наполнены, съ краями на ровень, теплою, густоватою, блѣсоватаго цвѣта водою. По срединѣ ихъ видны бьющіе съ низу ключи, на подобіе кипящей воды, гдѣ до дна не могли достать палкою, а къ краямъ находится вязкій известковый илъ, отъ осадки котораго, какъ думать должно, произошли закраины котловъ. — Величина сихъ водоемовъ отъ 6 до 8 сажень въ окружности; другіе два находятся въ 50-ти сажень отъ первыхъ.» Штурманъ Батаковъ, по наружнымъ признакамъ, полагаетъ, что сія гора нѣкогда была огнедышащею сопкою.

Капитанъ Биллингсъ , съ сержантомъ Гилевымъ, ѣздилъ по Колючинской губѣ, до ея устья, которое по описанію «лежитъ въ 120 миляхъ отъ Берингова пролива, и вдалось внутрь Чукотской земли, къ югу, на 60 миль. Ширина ея не болѣе семи миль. Въ него впадаетъ много рѣчекъ, и двѣ рѣки: *Югней* и *Киллю*; первая течетъ изъ озера, вторая изъ горныхъ хребтовъ. Устье Колючинской губы имѣетъ ширины 4 мили; по срединѣ онаго лежитъ островъ *Песлоне*, величиною до 3 миль. Чукчи сказывали, что по западную ея сторону мелководно, а по восточную глубоко, такъ, что симъ проливомъ входятъ въ губу киты. Островъ Колючинъ лежитъ въ морѣ отъ устья губы къ N въ 10 миляхъ.» По картѣ капитана Биллингса, середина острова Колючина находится въ широтѣ $67^{\circ} 30'$, долготѣ $185^{\circ} 26' W$ отъ Гринича.

На всемъ пути капитана Биллингса , до перваго Русскаго селенія на р. Большомъ Анюѣ, при устьѣ р. Индигирки, куда онъ прибылъ 17-го Февраля 1792 года, Чукчи, державшіе путешественниковъ, такъ сказать, у себя въ неволѣ, нисколько не измѣнили обыкновеннаго своего тракта, и медленнаго на оленяхъ кочеванія, идя всегда долинами, и не приближаясь къ морскому берегу ближе 50-ти миль. Биллингсъ скучалъ продолжительностію, трудностями пути, и нахальствомъ Чукчей, отъ которыхъ долженъ былъ переносить обиды.

Штурманъ Батаковъ съ великимъ трудомъ замѣчалъ направленія пути, и измѣрялъ пройденныя разстоянія, означая въ журналъ своемъ имена рѣкъ, положеніе горъ, и все, что могъ распросами узнать отъ Чукчей, для положенія всего этого на картѣ.

Говоря о Чукотской странѣ вообще, капитанъ Биллингсъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ: «она всл

состоять въ горахъ и безплодныхъ долинахъ; на горахъ ни какой травы не примѣтно, выключая мха, который служить пищею оленямъ; вездѣ виднѣн голый камень. Въ нѣкоторыхъ долинахъ торчатъ палочки тальниковыя, очень нетолстыя; климатъ самый неспосный: до 20-го Іюля непримѣтно лѣто, а около 20-го Августа приближеніе зимы во всемъ уже является.»

«Чукотская земля возвышенна, и часто попадались намъ горы удивительной вышины. По горамъ и въ долинахъ, во многихъ мѣстахъ, снѣжныя кучи покрываютъ землю во весь годъ. По долинамъ, направленнымъ къ сѣверу, протекаетъ множество мелко-водныхъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ каменистое дно. Самые долнины, большею частію, болотисты, и наполнены множествомъ малыхъ озеръ. Ягоды родятся только голубика, брусника и водяника, называемая шикшею. При берегахъ сѣверовосточной, восточной, и отъ части южной сторонъ, ловятся сивучи, моржи и тюлени. Сѣверный олень, горный баранъ, бѣловатый волкъ, медвѣдь, лисицы и песцы составляютъ все царство четвероногихъ. Во время кратчайшаго лѣта видны орлы, соколы, куропатки и разныхъ родовъ водяныя птицы, а во время зимы, когда жители путешествуютъ, то вездѣ летаютъ за ними вороны.»

Объ обитателяхъ этой дикой страны, Биллингсъ, въ своихъ запискахъ, намъ ничего не сообщаетъ, кромѣ описанія нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, и намъ остается сожалѣть, что необычайные труды, путешественниками перенесенные, на проѣздѣ чрезъ всю Чукотскую землю, не познакомили насъ короче съ ея обитателями.

По смерти купца Ляхова, купецъ Сыроватскій вступилъ, по частной передачѣ указа Якутской вос-

водской канцеляріи, во владѣніе островами, открытыми первымъ. Желая распространить промыслы, передовщикъ (начальникъ артели) Сыроватскаго, мѣщанинъ Санниковъ открылъ отъ *второго* острова на западъ новый островъ, который, по высокимъ каменнымъ горамъ, и по малому объему своему, названъ *Столбовой*. Этотъ же Санниковъ, послѣ смерти Сыроватскаго, бывъ посыланъ сыномъ его, мѣщаниномъ Сыроватскимъ, открылъ въ 1805 году, на востокъ отъ *третьяго* Ляховскаго, или Котельнаго острова, другую землю, которая названа *Өаддеевскими* островомъ, потому, что первое на ономъ зимовье построилъ промышленникъ Өаддеевъ.

Въ 1806 году, промышленниками Сыроватскаго открыта отъ этой земли въ близкомъ разстояніи другая, названная въ послѣдствіи времени *Новой Сибирью*.

Въ это же время, купецъ Протодыяконовъ, неимѣвшій сначала успѣха въ обрѣтеніи отъ устья Лены какого либо новаго острова, рѣшился просить Государя Императора о всемилоствѣйшемъ дозволеніи, ему, съ товарищемъ его, мѣщаниномъ Бѣльковымъ, производить промыслы на Котельномъ Островѣ, и тѣмъ уничтожить исключительное право Сыроватскихъ.

Это обстоятельство подало поводъ государственному канцлеру Графу Николаю Петровичу Румянову, отправить г. Геденштрома на оные острова, съ порученіемъ, обозрѣть ихъ со всею подробностію.

Между тѣмъ, еще до отъѣзда г. Геденштрома, въ 1808-мъ году, найденъ мѣщаниномъ Бѣльковымъ островокъ, отдѣляющійся отъ западнаго берега Котельнаго Острова узкимъ проливомъ, и называемый понинъ *Бѣльковскими* Островомъ.

1808-го года, въ Августѣ, отправился г. Геденштр.

Т. IV. — Отд. III.

7

штромъ изъ Иркутска въ Якутскъ, вмѣстѣ съ землемѣромъ Кожевинымъ, откомандированнымъ ему въ помощь. Окончивъ всѣ нужныя къ предстоящему путешествію приуготовленія, г. Геденштромъ отправился изъ Якутска 18-го Ноября, и 5-го Февраля 1809 года прибылъ въ Усть-Янскъ. Здѣсь представились ему величайшія затрудненія въ исполненіи первоначальнаго плана, состоявшаго въ томъ, чтобы учредить на Котельномъ Островѣ главную складку запасовъ, и начать отъ него опись береговъ къ востоку. Хотя это намѣреніе и рушилось, но благоразуміемъ и дѣятельностію своею, г. Геденштромъ привелъ себя въ состояніе употребить наступившую весну съ пользою для географіи.

Средства его, конечно, были весьма ограниченны, но онъ старался вознаградить недостатки усердіемъ. Онъ имѣлъ октанъ, одну старую астролябію, «которая для вѣрнаго назначенія широты мѣста не годилась,» и довольно хорошій, «морской, или пелькомпасъ.» Для успѣшнѣйшаго дѣйствія, г. Геденштромъ поручилъ землемѣру Кожевину съ астролябіею описать первую отъ Котельнаго Острова, къ востоку лежащую землю, т. е. Өаддеевскій Островъ, и на обратномъ пути объѣхать первый, и запеленговать второй Ляховскій Острова. Мѣщанину Санникову, который находился при экспедиціи въ числѣ добровольно сопутствующихъ, поручено узнать пространство пролива, отдѣляющаго Котельный Островъ отъ Өаддеевскаго. Себѣ же предоставилъ онъ, раздѣлясь съ Кожевинымъ на Өаддеевскомъ Островѣ, описать открытую, по объявленію Сыроватскихъ, на 300 верстъ къ востоку отъ сего послѣдняго острова землю, называемую нынѣ *Новою Сибирью*.

Отправясь 7-го Марта изъ Усть-Янска, пріѣхали къ первому Ляховскому Острову (число въ журналѣ

г. Геденштрома не показано), гдѣ шесть дней сильныя вьюги держали на мѣстѣ. По прибытіи наконецъ на Ѳаддеевскій Островъ, землебръ Кожевинъ и Санниковъ съ г. Геденштромомъ раздѣлились; послѣдній направилъ путь на Новую Сибирь, взявъ вожатымъ Усть-Янскаго крестьянина Портягина.

Землебръ Кожевинъ описалъ западный, южный и восточный берега Ѳаддеевскаго Острова, объѣхалъ также первый, запеленговалъ второй Ляховскій Острова, и возвратился въ Усть-Янскъ благополучно.

Мѣщанинъ Санниковъ переѣхалъ во многихъ мѣстахъ проливъ между Котельнымъ и Ѳаддеевскимъ Островами, и нашелъ, что ширина его, примѣрно, отъ 7 до 30 верстъ.

Г. Геденштромъ описалъ южный берегъ Новой Сибири на 220 верстъ, нашелъ, что промышленники Сыроватскаго, вмѣсто 300 верстъ, какъ объявляли, проѣхали по новой землѣ только 65 верстъ, и возвратился благополучно въ Усть-Янскъ, тремя днями послѣ Кожевина.

Г. Геденштромъ, намѣревался въ будущемъ году провести лѣто на Новой Сибири, завезти туда оленей и лошадей, построить заблаговременно зимовье на этомъ острову, и увѣриться въ спосеобахъ продовольствія на ономъ, отправилъ мѣщанина Санникова, съ пятью промышленниками, на Новую Сибирь, на лѣтовку, такъ сказать, для испытанія, а самъ ѣздилъ въ Верхо-Янскъ, для разныхъ хозяйственныхъ распоряженій.

Возвратясь къ осени 1809 года въ Усть-Янскъ, чтобы не остаться празднымъ, дѣлалъ г. Геденштромъ опись приморскаго берега къ р. Индигиркѣ. Тутъ онъ узналъ о возвращеніи, въ началѣ Ноября, Санникова, съ артелью, отъ Новой Сибири. По объявленію ихъ, лѣто было столь холодное, что да-

*

же во многихъ мѣстахъ не сходилъ снѣгъ, и травы ни какой не было. Рыбы въ рѣкахъ не видно другой, кромѣ рогатки (рыбка въ 4 вершка длины); впрочемъ рыба и не могла входить съ моря, потому, что береговой ледъ въ это лѣто не разносило. Бывшій при артели плотникъ построилъ на Новой Сибири два зимовья и три ставца. Мѣщанинъ Санниковъ также вывезъ съ собою нѣкоторыя вещи, найденныя на Еаддеевскомъ Острову и Новой Сибири. На первомъ найдены Юкагирскія сани, и обдѣланная кость, съ выемкою, въ которую вкладывалось каменное остріе, для сбитія съ оленьихъ кожъ шерсти, а съ Новой Сибири обдѣланный кусокъ мамонтовой кости, наподобіе Чукотскихъ топоровъ. «Все сіе доказываетъ,» говоритъ г. Геденштромъ въ своемъ занимательномъ журналѣ, «что были на тѣхъ островахъ Юкагиры, съ давнихъ лѣтъ туда зашедшіе, ибо ежели предполагать, что вещи сіи принадлежать нынѣшнимъ Юкагирамъ матераго берега, то для чего имъ употреблять кость и камень, вмѣсто желѣза, котораго у нихъ довольно привознаго.»

Зиму провелъ г. Геденштромъ съ своими людьми въ такъ называемомъ Посадномъ зимовьѣ (на морскомъ берегу, около 100 верстъ къ востоку) отъ Св. Носа, и въ 180 верстахъ отъ ближайшаго селенія на Индигиркѣ), куда всѣ нужные запасы завезены были заблаговременно. «Время,» г. Геденштромъ говоритъ, «протекало у насъ скорѣе, нежели у инаго при всѣхъ городскихъ забавахъ. Но цынга, которая въ здѣшнихъ мѣстахъ обыкновенно случается зимою, постигла и насъ. Болѣе двухъ мѣсяцевъ продолжавшаяся здѣсь ночь, дѣлаетъ воздухъ чрезвычайно густымъ и нездоровымъ; безъ частыхъ вѣтровъ и выюгъ, которые посылаетъ тогда благотвор-

ная природа, для приведенія въ движеніе сего тяжелаго воздуха, мѣста сіи были бы дѣйствительно для чѣловѣка зимою необитаемы. Я предвидѣлъ нашу опасную болѣзнь, и принялъ для спутниковъ мѣхъ всѣ предосторожности, состоявшія въ свѣжей пищѣ, въ безпрестанномъ движеніи, и проч. За то и показалаь она только у меня и одного казака, потому, что мы менѣе всѣхъ прочихъ предохранялись движеніемъ. Но повторяемые пріемы селитры, отваръ кедроваго сланца, и принужденное сильное движеніе при самомъ появленіи болѣзни, избавили насъ скоро отъ оной.»

1810 года, Января 29-го, г. Геденштромъ поѣхалъ изъ Посаднаго стана въ Усть-Янскъ, гдѣ присутствіе его для различныхъ распоряженій было необходимо. Руководствуясь опытомъ Санникова, лѣтывавшаго въ прошедшемъ году на Новой Сибири, г. Геденштромъ отмѣнилъ лошадей, и распорядился, чтобы одни олени были переведены туда, но не прежде, какъ увѣрившись, что Новая Сибирь не есть островъ, а дѣйствительно обширная земля.

Преодоливъ многія препятствія и затрудненія, г. Геденштромъ, наконецъ, 2-го Марта, отправился изъ Русскаго устья (на Индигиркѣ) на 29 нартахъ въ море, держа путь къ поставленному имъ въ 1809 году кресту, близъ Песцоваго Мыса. 13-го числа пріѣхали къ Новой Сибири, въ 10-ти верстахъ западнѣе сего мѣста. «Столь малой ошибкой,» говоритъ онъ, «обязанъ я Деревяннымъ горамъ, которыя увидѣли мы еще за 120 верстъ до Новой Сибири.» Дорога была по частымъ торосамъ весьма трудна, тѣмъ болѣе, что Индигирскія собаки и проводники не имѣютъ довольнога навыка въ разбѣздахъ такого рода. Отправивъ съ креста 22 нарты обратно на Индигирку, продолжалъ Геденштромъ на 7 лучшихъ

нартахъ описывать берегъ къ востоку. У Песцоваго мыса опредѣлили по наблюденію склоненіе стрѣлки 15° восточн., а широту $74^{\circ} 45'$, которая отъ опредѣленія лейтенанта Анжу разнствуеъ только $5'$ недостаточно.

Мѣщанинъ Санниковъ отправленъ на одной нартѣ черезъ островъ, къ сѣверному берегу Новой Сибири.

16-го Марта, Геденштромъ находился уже у *Каменнаго* Мыса, съ котораго берегъ Новой Сибири склоняется къ западу. Съ высоты сего мыса видѣлась на NO синева, совершенно похожая на отдаленную землю.»

На утро пріѣхалъ и Санниковъ. Проѣхавъ землю 70 верстъ на сѣверъ, выѣхалъ онъ къ морскому берегу, откуда поворотилъ къ востоку и ночевалъ въ 5 верстахъ отъ Геденштрома. Онъ также принялъ синеву къ NO за отдаленную землю.

Увѣрившись въ небольшомъ протяженіи Новой Сибири на востокъ, Г. отмѣнилъ намѣреніе лѣтовать на оной, и отпустивъ Санникова въ Усть-Янскъ, пустился къ NO за новымъ открытіемъ.

«Дорога была изъ труднѣйшихъ, но всѣ труды были забыты, когда прежде видѣнная синева представилась черезъ зрительную трубку бѣлымъ яромъ, изрытымъ, какъ казалось, множествомъ ручьевъ. Вскорѣ яръ сей показался простирающимся полуциркулемъ, и почти соединяющимся съ Новою Сибирью. Но къ крайнему прискорбію всѣхъ, на другой день узнали мы, что обманулись. Мнимая земля преобразилась въ гряду высочайшихъ лѣдяныхъ громадъ, 15 и болѣе сажень вышины, отстоящихъ одна отъ другой въ 2 и 3 верстахъ.»

Чтобы запастись дровами на дальнѣйшій путь, возвратился Г. отсюда на Новую Сибирь, и нагрузилъ ими нарты на 14 сутокъ, отправился вторично, 24

Марта, на востокъ, но торось былъ столь густъ, что въ 4 дни проѣхали не болѣе 70 верстъ. «Здѣсь увидѣли мы, къ крайнему удивленію, въ 5 верстахъ воду и нолщійся по морю ледъ. Сія вода была, какъ л послѣ увѣрился, морская полынья, простирающаяся почти отъ Новой Сибири до Медвѣжьихъ Острововъ, что составить до 500 верстъ.»

Г. намѣревался ѣхать прямо къ Лаптевскому маяку на устьѣ Колымы, три раза приближался къ полыньѣ, и наконецъ, увѣрившись въ непроходимости этой препоны, поверотилъ на югъ, и выѣхалъ на Азітскій берегъ около устья рѣки Курджягиной, пробывъ 45 дня въ пути (считая отъ Индигирки), вмѣсто предполагаемыхъ 28 дней, отъ чего онъ весьма нуждался бы въ запасахъ, если бы 11 убитыхъ имъ бѣлыхъ медвѣдей не отвратили недостатка въ кормѣ собакамъ. 13 Апрѣля пріѣхалъ Г. къ Лаптевскому маяку.

Еще до отправленія своего на Новую Сибирь, Г. послалъ на Колыму нарочнаго, съ предписаніемъ, изготovitъ подъ экспедицію 5 отборныхъ нартъ, но какъ вмѣсто таковыхъ встрѣтили ихъ 4, весьма дурныя нарты, то Г. принужденнымъ нашелся ѣхать въ Нижне-Колымскъ, и немедленно принять нужныя мѣры. Вмѣстѣ съ сямъ Г., вновь присланнаго къ нему въ Усть-Янскъ землемера Пшеницына (на мѣсто заболѣвшаго Кожевина) отправилъ для лѣтровки на Котельный островъ.

Наконецъ 18-го Апрѣля, Г. отправился изъ Нижне-Колымска, на 5 нартахъ, имѣя корму на 20 дней. У Баранова камня продержала ихъ жестокая буря отъ востока 7 дней; потомъ пустился онъ въ море, держа на NO 20°. На разстояніи 150 верстъ стали попадаться земляныя глыбы на льдинахъ.

«Мая 1-го видѣли мы стадо гусей, летѣвшихъ на NNW, и бѣлаго филина; на N подымались облака;

глубина морская уменьшалась. Все сіе доказывало близость земли. Въ 245 верстахъ отъ Баранова камня переѣхали мы щель, въ 1 аршинъ ширины, но въ 5 верстахъ доѣхали до щели въ 15 сажень. Здѣсь замѣтилъ я быстрое морское теченіе на ОСО, и заключилъ, что щель сія сдѣлалась отъ бывшей съ востока бури. Въ 5-ти верстахъ сихъ, глубина морская отъ $11\frac{1}{2}$ саж. уменьшилась до 11-ти сажень.»

Сравнимъ сіи обстоятельства съ тѣми, которые испытаны мною, 10 лѣтъ послѣ Геденштрёма.

Курсъ NO 20°, по компасу, исправя склоненіемъ компаса (15° восточное), проходить по самымъ тѣмъ мѣстамъ, по коимъ въ 1821 и 1822 годахъ мы проѣзжали. 150 верстъ отъ Баранова камня, гдѣ Г. напелъ земляныя глыбы на льдинахъ, есть почти тотъ самый пунктъ, откуда въ 1821 году, слѣдуя къ юго-востоку, поворотили мы назадъ, а встрѣча щелей въ 245 верстахъ воспослѣдовала тамъ, гдѣ въ 1822 году нашли мы попеременно полыньи и чрезвычайныя тороса, въ коихъ вырыли вторую яму, для храненія припасовъ, дабы облегчить ѣзду въ торосахъ. Нами измѣренная глубина здѣсь $14\frac{1}{2}$ саж., грунтъ илъ, а на 30 миль сѣвернѣе нашли мы $14\frac{1}{2}$ саж., грунтъ дресва, или камень. Сіи глубины несогласны съ показаніемъ Г., и какъ онъ не выходилъ изъ предѣловъ нашей ѣзды, во время коей многократно измѣряема была глубина моря, возрастающая съ удаленіемъ на востокъ и умалюющаяся къ западной сторонѣ, не уменьшалась къ сѣверу, то я имѣю достаточныя причины полагать въ измѣреніяхъ Г. ошибки, тѣмъ болѣе вѣроятныя, что, какъ мнѣ извѣстно, настоящаго, на футы измѣреннаго лотъ-линя при немъ не находилось, а пройденныя разстоянія полагались по примѣрному соображенію бѣга собакъ, безъ повѣрки обсервованными широтами. Что полагаемыя

такимъ образомъ разстояніа весьма не надежны, и у Г. всегда были слишкомъ велики, въ томъ свидѣтельствуетъ его опись Новой Сибири, въ послѣдствіи повѣренная лейтенантомъ Анжу. Явленіе гусей и Филина въ значительномъ отдаленіи отъ материка, не должно также насъ удивлять, и отнюдь не можетъ служить доказательствомъ близости другой земли на сѣверѣ, ибо гуси, пролетая къ морскому берегу отъ юга, и не находя воды, обыкновенно пускаются вдаль къ полярнымъ, пока вскрытіе рѣкъ не позоветъ ихъ обратно, а Филинъ есть плотоядная птица, ищущая пищи въ объѣдахъ бѣлыхъ медвѣдей. Если бы въ *исходѣ лѣта* видѣли стада гусей, отъ сѣвера черезъ море къ югу летящихъ, то, конечно, можно бы думать съ нѣкоторою основательностію, что они оставили сѣверную землю, и возвращаются въ полуденныя страны.

Г., не видя возможности ѣхать далѣе на сѣверъ, желалъ выѣхать къ Шелагскому Мысу, но тонкій ледъ ему и въ этомъ покушеніи воспрепятствовалъ, такъ, что съ трудомъ нашелъ онъ свой старый слѣдъ, по которому пріѣхалъ 8-го Мая къ Баранову камню, гдѣ вторично сильная буря два дня его держала.

Проведя лѣто въ Нижне-Колымскѣ, Г. отправился 18-го Сентября на нартахъ къ Индигиркѣ, дѣлая всему берегу опись. На Индигиркѣ засталъ геодезиста Пшеницына, который оставался во все лѣто на Янѣ и Индигиркѣ, не найдши возможности перебраться для лѣтовки на Котельный островъ.

Въ половинѣ Октября отправился Г. въ Усть-Янскъ, прямымъ путемъ чрезъ тундру. «На семъ пути,» говоритъ онъ, «примѣчательно озеро *Хостахъ*, длиною 14, а шириною 6 верстъ. Оно въ каждую осень выбрасываетъ на берегъ великое множество, извѣтнаго по естественной исторіи, смолистаго

«дерева (bituminöses Holz), въ видѣ щепь. Берега за-
«валены имъ въ иныхъ мѣстахъ на аршинъ вышиною;
«между сими щепами попадаетъ мелкими кусочка-
«ми вещество, очень похожее на камедь. Оно горитъ,
«какъ лнтарь, но имѣетъ смолистый запахъ, и судя
«потому естъ, вѣроятно, не что иное, какъ затвердѣлая
«смола лиственницы. Ближнее разстояніе сего озера
«отъ моря 115 верстъ, отъ лѣсу 80 верстъ»

Г. сообщаетъ намъ и другое, не менѣ примѣча-
тельное явленіе природы: «на тундрѣ также на-
«ходятъ, далеко отъ лѣсу, въ ярахъ надъ озерами и
«рѣками, цѣлыя березы, съ корнемъ и корою. Онѣ
«истлѣли, но жители употребляютъ ихъ на топку,
«въ случаѣ недостатка въ дровахъ. Онѣ не даютъ пла-
«мени. Жители называютъ сія березы *адамовицныи*.»

Въ Усть-Янскѣ освѣдомился Г. о возвращеніи Санни-
кова отъ Котельнаго Острова; вотъ краткій отчетъ его:

«Мѣщанинъ Бѣлковъ (компаньонъ купца Прото-
«дьяконова), вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Санниковымъ,
«лѣтовали сего 1810 года на Котельномъ Островѣ,
«для промысла мамонтовой кости и песцовъ. Они
«избрали для лѣтованія западную сторону сего остро-
«ва, на которомъ предполагали имѣть изобилнѣй-
«шіе промыслы, потому, что до сего времени ни
«кто на сей сторонѣ не бывалъ.

«Мѣщанинъ Санниковъ, проходя по западному
«берегу Котельнаго Острова, въ 150 верстахъ отъ
«тѣхъ мѣстъ, до коихъ доходили прежніе про-
«мышленники, нашелъ:

1. «На берегу выкопанную могилу; тѣло было
«вырыто медвѣдемъ. Подлѣ могилы стояла долгая,
«узкая и высокая нарта, стрѣненіе коей отъ всѣхъ
«извѣстныхъ отлично, и доказывало, что тащили
«ее люди лямками. Въ одномъ концѣ могилы сдѣ-
«ланъ деревянный крестъ, обложенный свинцомъ, съ

«обыкновенною, церковною, Русскою надписью. Под-
«лѣ креста лежали желѣзный батасъ (родъ узкаго
«однолезвийнаго копья) и двѣ желѣзныя стрѣлы.»

2. «Въ недалеомъ отъ сего мѣста разстояніи
«было четырехугольное рубленое зимовье, въ коемъ
«найдено нѣсколько вещей изъ оленьяго рога, тесан-
«ныхъ топоромъ.»

3. «На рѣчкахъ, гдѣ линяють гуси, находилъ Сан-
«никовъ гусинныя кости, въ доказательство, что бы-
«ли здѣсь люди, а на морскомъ берегу видѣлъ кито-
«вые позвонки. Также замѣчено имъ, что дикіе оле-
«ни сего мѣста гораздо боязливѣе и осторожнѣе
«находящихся на матерой землѣ Сибири.»

4. «Берегъ въ томъ мѣстѣ, до коего Санниковъ
«доходилъ, оборачивается на востокъ, а на сѣверо-
«западъ, въ примѣрномъ разстояніи 70 верстъ, видны
«высокія каменные горы.»

Какъ Санникову и всѣмъ Усть-Янскимъ и Индигир-
скимъ промышленникамъ было извѣстно, что на за-
падномъ берегу острова никто прежде не бывалъ, то
видѣнные признаки бытія здѣсь Русскихъ людей
приписываетъ Г. крушенію какого либо коча море-
ходцевъ 17-го столѣтія.

Замѣчаніе Санникова, касательно высокихъ горъ
на NW отъ Котельнаго Острова, побудило Г. къ на-
мѣренію, весною слѣдующаго года, подробнѣе из-
слѣдовать это; окончательную опись Новой Сиби-
ри и Фаддеевскаго Острова поручить геодезисту Пше-
ницыну, а казачьему сотнику Татариннову, котораго
Г. обучилъ употребленію компаса, приказано попы-
таться объѣхать съ сѣверной стороны польною,
протянувшуюся отъ Новой Сибири къ Колымѣ.

Занимаясь распоряженіями къ приведенію вышеиз-
ложенныхъ намѣреній для будущаго года въ испол-
неніе, ѣздилъ Г. въ Верхо-Янскъ, гдѣ получилъ пове-

лвніе отъ Иркутскаго гражданскаго губернатора возвратиться немедленно въ Иркутскъ, для личнаго обо всемъ отчета, съ тѣмъ, чтобы ко времени отправления на острова, быть опять въ Усть-Янскѣ.

По прибытіи Геденштрома, 4-го Января 1811 года, въ Иркутскъ, объявлено ему, что гражданскій губернаторъ, видя отягощеніе, которое малочисленные жители береговъ Ледовитаго Моря несутъ отъ экспедиціи, представлялъ уже высшему начальству объ уничтоженіи оной. По разсмотрѣніи же всего дѣйствія Геденштрома, предположено было окончить опись Острововъ Котельнаго, Оадеевского и Новой Сибири, однакожь съ тѣмъ, чтобы все это выполнено было безъ Г., котораго губернаторъ оставилъ при себѣ.

Въ слѣдствіе сего даны нужныя предписанія геодезисту Пшеницыну, которому назначены въ помощь мѣщанинъ Санниковъ, сотникъ Татариновъ, и унтеръ-офицеръ Рѣшетниковъ, находившійся съ Г. во всѣхъ его разъѣздахъ.

Геодезистъ Пшеницынъ *, выѣхавъ въ началѣ Марта 1811 года изъ Русскаго Устья (деревня на р. Индигиркѣ) на Новую Сибирь, на нартахъ, объѣхалъ оную, описалъ, и представилъ карту. Земля сія оказалась островомъ, имѣющимъ въ окружности 470 верстъ; съ сѣверной стороны Каменнаго Мыса сотникъ Татариновъ пускался въ море, но проѣхавъ не болѣе 25 верстъ, доѣхалъ до тонкаго льду, за которымъ видно открытое безъ льдовъ море. Сѣверные берега сей земли состоятъ изъ крутыхъ, почти неприступныхъ яровъ. Наноснаго лѣсу на южной сторонѣ довольно; на сѣверной же, кромѣ двухъ губъ, нигдѣ его не находили.

Мѣщанинъ Санниковъ, также въ началѣ Марта

* Отчетъ сей выписанъ мною изъ приложенія къ журналу г. Геденштрома.

1811 года, пустился изъ Усть-Янска на трехъ нартахъ на Оаддеевскій Островъ, оставивъ товарища своего, унтеръ-офицера Рышетникова, для приготовления всего нужнаго къ лѣтованію на Котельномъ островѣ. Прибывъ на Оаддеевскій островъ, и давъ нужнѣй собакамъ отдыхъ, 27-го отправился онъ въ путь для объѣзда всего острова. Въ западной сторонѣ онаго, съ которой началъ путь свой, почитаемое прежде проливомъ оказалось заливомъ. Верхній конецъ сего залива оканчивается до самаго моря низменнымъ пескомъ, которымъ Оаддеевскій Островъ соединяется съ Котельнымъ. Сѣверозападная оконечность Оаддеевскаго Острова состоитъ изъ каменнаго, высокаго и узкаго, далеко въ море простирающагося мыса, отъ котораго земля, оборачиваясь круто на юговостокъ и востокъ, дѣлаетъ губу; въ восточной же части острова, берегъ, склоняясь къ юго-востоку, простирается до Благовѣщенскаго Мыса, составляющаго восточную оконечность острова, до котораго Геденштромъ доѣзжалъ въ 1809 году, и съ котораго онъ пустился на Новую Сибирь.

Съ сѣвернаго берега видѣлъ онъ на сѣверѣ землю, съ высокими горами; пустившись туда, проѣхалъ не болѣе 25 верстъ, какъ былъ удержанъ полыньей, простиравшеюся во всѣ стороны; земля же ясно была видна, и онъ полагаетъ, что не болѣе она отъ него тогда 20 верстъ отстояла. Съ Благовѣщенскаго Мыса также пускался онъ на сѣверъ въ море, но проѣхавъ не болѣе 30 верстъ, доѣхалъ до открытаго же моря.

«12-го Апрѣля Санниковъ возвратился въ Усть-Янскъ, и тотчасъ приступилъ къ отправкѣ оленей и прочаго на Котельный Островъ для лѣтовки. 2-го Мая обозъ сей выступилъ изъ Усть-Янска, а 17-го прибылъ оный благополучно на Котельный Островъ. Олени же, по долгомъ ожиданіи, наконецъ пригнаны

на островъ 9-го Іюня, числомъ 23, тогда, какъ ледъ во многихъ мѣстахъ изрѣзанъ уже былъ щелями и сообщеніе дѣлалось крайне опаснымъ. Назначенные для Пшеницына на Фаддеевскій Островъ олени, по причинѣ поздняго времени, не были приведены, почему предвидѣлись для него величайшіе недостатки и затрудненія провести дѣло въ такомъ безпомощномъ состояніи.

Олени, не взирая на то, что отъ труднаго и дальняго пути къ Котельному Острову, были весьма изнурены, скоро поправились, такъ, что 25-го Іюня могли отправиться въ путь.

Слѣдуя на оленяхъ, не могли держаться всегда берега, гдѣ рѣдко бываютъ довольно хорошія для оленей коридвища; зная также западную и восточную сторону острова на дальнее разстояніе, приняли намѣреніе пройти во внутрь земли какъ можно далѣе, и тогда оборотиться къ берегу, и придерживаться онаго, сколь возможно ближе, пока опять дойдутъ до извѣстныхъ уже мѣстъ.

Такимъ образомъ пустились вверхъ по Царевой рѣкѣ, съ которой своротили въ право, на восточную сторону острова къ Санниковой рѣкѣ, отъ которой уже держась все берега, обошли весь островъ вокругъ. Сей вояжъ совершили въ 54 дни, и возвратились въ зимовье 17-го Августа. Въ пути пытались болѣе дикими гусями и оленями; первыхъ стрѣляли изъ ружей, а оленей убивалъ Юкагирскій князекъ, посредствомъ приученнаго къ такому промыслу домашняго оленя, который непримѣтнымъ образомъ приближался къ табуну дикихъ оленей, и закрывалъ собою своего хозяина.

Въ этомъ путешествіи встрѣтились слѣдующіе замѣчанія достойные предметы:

«1-е. Въ значительномъ разстояніи отъ берега на

возвышенныхъ мѣстахъ лошадиныя, буйволовыя, бычачьи и овечьи головы и кости, въ великомъ множествѣ, ведущія къ заключенію, что эти животныя водились здѣсь въ древнія времена цѣлыми стадами. Но какъ могли они питаться въ такой безплодной и суровой странѣ? Это не иначе изъяснить можно, какъ предположивъ, что тогда климатъ былъ здѣсь гораздо умѣреннѣе, и сіи стада рогатаго скота, вѣроятно, были современники мамонтамъ, которыхъ кости во множествѣ тамъ находятся; тогда же произрасталъ и лѣсъ, котораго окаменѣлые остатки встрѣчаются цѣлыми слоями на Новой Сибири.

«2-е. Многіе признаки Юкагирскихъ жилищъ. — Въ Усть-Янскѣ и на Индигиркѣ есть преданіе, что лѣтъ за 150 множество Юкагировъ удалилось на острова, избѣгая отъ свирѣпствовавшей тогда оспы; вѣроятно, что сей народъ удалился потомъ на другіе острова, или земли Ледовитаго моря.»

«3-е. Изъ окаменѣлостей, кромѣ окаменѣлаго и смолистаго дерева, найдено въ Санниковой рѣчкѣ, на восточной сторонѣ острова, множество аммонитовъ, въ большихъ шарахъ затвердѣлаго ила. На западной сторонѣ острова находимы были на берегу китовыя кости. Это доказываетъ, что отъ Котельнаго Острова къ сѣверу простирается безпрепятственно обширный океанъ, не покрывающійся льдомъ, какъ Ледовитое море при материкѣ Сибири, гдѣ никогда китовъ, или костей ихъ не видывано.» *

«4-е. Изъ описанія путешествія Санникова, въ 1810 году, по западной сторонѣ Котельнаго Острова, извѣстно, что Санниковъ тогда нашелъ на самомъ берегу старое Русское зимовье, и могилу съ крестомъ, и проч. Нынѣ Санниковъ и Рѣшетниковъ, прибывъ

* Изъ описанія путешествій XVIII столѣтія видно, что тогда киты не рѣдко попадались въ этомъ морѣ.

на то мѣсто, рѣшились открыть сію могилу: они нашли въ ней деревянный срубъ, и въ немъ нижнія челюсти человѣка, и слѣдующія вещи: 17 желѣзныхъ стрѣлъ, топоръ, колыбѣ для литья пуль, пилу, двѣ уды, огниво, камень обитый, костяной гребень, и истлѣвшія песцовыя, оленьи и овчинныя лоскутья, юфтевыя перада черковъ (Сибирскихъ котовъ), не пода- леку отъ могилы желтой мѣди кастрюля, топоръ и перерубленныя лыжи; на могилѣ разводился огонь, что доказывали найденныя въ оной обгорѣлыя голов- ни и опаленная дрова. Откуда человѣкъ Русскій зашелъ на сей островъ, и кто его похоронилъ по обрядамъ Русскимъ и Азіятскимъ, когда онъ здѣсь былъ, и куда дѣвались его товарищи? Вотъ вопросы, на которые отвѣчать невозможно.»

«5-е. Близъ устья Царевой рѣки нашли также ветхое судовое дно. Доски были изъ соснового, а кокоры изъ кедроваго лѣса. Конопать была засмоленная мочала.»

«4-го Октября Санниковъ отправился для обзорѣ- нія низменнаго пещанаго мѣста, простирающагося вдоль восточной стороны острова, и для проѣзда отсюда на Ѳаддеевскій Островъ для навѣданія, какъ о томъ приказано ему было отъ Геденштрёма, о геодезистѣ Пшеницынѣ.»

Геодезистъ Пшеницынъ, въ исходѣ Апрѣля, выѣ- халъ изъ Русскаго Усть-Янскаго селенія, съ сотни- комъ Татариновымъ на Ѳаддеевскій Островъ, чтобы провестъ на немъ лѣто. Онъ расположился въ зи- мовьѣ, въ ожиданіи оленей, которыхъ долженъ былъ еще привезти князекъ Юкагирскій, но какъ сей послѣдній не прибылъ, то старался онъ пышкомъ сколько возможно слѣдовать берегомъ.»

Перенеся величайшія трудности, онъ не могъ прой- ти и 50 верстѣ, возвратился въ зимовье, и ожидалъ осси, чтобы выѣхать на матерую землю, или на

Котельный Островъ. Къ несчастію, не было сего лѣта мышей на островъ (мыши островныя часто ко-чуютъ съ острова на островъ, и даже на матерую землю) и собаки совершенно изнурились, потому, что вся надежда на ихъ прокормленіе полагалась на мышей, которыхъ они лѣтомъ сами ловятъ. Завезенный же кормъ хранился только на обратный путь.

6-го Октября прибылъ Санниковъ на Оадеевскій островъ и засталъ геодезиста Пшеницына съ товарищами въ самой крайности. Большая половина собакъ ихъ перемерла, а остальные по недостатку въ кормъ, столь были худы, что никакъ на нихъ ѣхать было невозможно, а также и въ сѣстныхъ припасахъ терпѣли крайній недостатокъ.

10-го Октября всѣ съ Санниковымъ и Рышетниковымъ отправились съ Оадеевского и 13-го прибыли на Котельный Островъ, гдѣ геодезистъ Пшеницынъ, изъ записокъ Санникова и словесныхъ разсказовъ составилъ журналъ и сочинилъ Котельному Острову карту.

27-го Октября отправились всѣ съ Котельнаго Острова въ путь. По морю подвержены были, по причинѣ тонкаго льду и многихъ полыней великой опасности, но опытностью Санникова благополучно всѣхъ избавлялись.

«12-го Ноября съ оленями прибыли благополучно въ Усть-Янскъ; отсюда Санниковъ и Рышетниковъ 27-го числа выѣхали въ Иркутскъ, куда прибыли 15-го числа Января 1812 года.

Пшеницынъ оставался для распродажи вещей, припасовъ и оленей экспедиціи, и для удовольствіи жителей за кормъ, нарты, и проч. Окончивъ все сіе, возвратился онъ въ Иркутскъ въ Сентбръ 1812 года.

Этимъ кончилась экспедиція г. Геденштрома, столь

Т. IV. — Отд. III.

8 1/2

занимательная по многимъ отношеніямъ. Особенно любопытны замѣчанія этого достойнаго исполнителя опаснаго и труднаго порученія о предметахъ естественной исторіи льдистой страны; не излишнимъ считаю выписать ихъ вкратцѣ изъ журнала его:

«По всему берегу Ледовитаго Моря лѣсъ не растетъ. Оный оканчивается постепенно; близъ предѣловъ своихъ покрытъ мхомъ, низокъ и искривленъ. На нѣкоторое пространство отъ конца лѣсовъ растетъ еще низкій тальникъ и ерникъ (*betula nana*), которые съ приближеніемъ къ морю становятся примѣтно рѣже и ниже, и наконецъ вовсе теряются. Изъ деревъ одна лиственница растетъ въ крайнихъ къ сѣверу лѣсахъ.

«Все пространство отъ лѣсовъ до берега Ледовитаго Моря состоитъ изъ тундры, т. е., покрыто мхомъ, крайне болотисто и усѣяно озерами. Въ рѣдкихъ мѣстахъ произрастаетъ трава. Берегъ Ледовитаго моря во многихъ мѣстахъ весьма низокъ, почти равенъ съ моремъ, такъ, что зимою трудно было бы его отличить безъ наноснаго лѣса. Это доказываетъ, что сей уваль въ древніе годы былъ берегомъ, и что Ледовитое Море удаляется отъ береговъ Сибири. Отъ низменныхъ береговъ простираются въ море на дальнее разстояніе мели, которыя зимою, а часто и во весь годъ, покрыты густымъ и высокимъ торосомъ.»

«Многіе яры, на берегахъ Ледовитаго Моря, рѣкъ и озеръ, удивленія достойны тѣмъ, что состоятъ изъ правильныхъ слоевъ льду и земли. Въ нѣкоторыхъ видны ледяныя жилы, перерѣзывающія земляные слои.»

На Ледовитомъ Морѣ, въ ясный весенній день, особенно въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, видимы отдаленнѣйшіе предметы. Отъ устьевъ Индигирки часто видятъ *Деревяныя Горы** на Новой Сибири. Разстояніе ихъ

* Вышина ихъ, по измѣреніямъ лейтенанта Анжу, около 20 сажень.

отъ Ивдигирки не менѣе 312 верстъ. Быковский Мысъ, на правомъ устьѣ Лены, имѣетъ низменный берегъ, но также часто ясно видѣнь бываетъ съ мыса Бархалъ, въ лѣвъ отъ Яны, на разстояніи 115 верстъ.*

О сѣверныхъ островахъ Геденштромъ замѣчаетъ:

Берега ихъ большею частию состоятъ изъ синеватой глины. Изъ произрастеній находится мохъ, и въ рѣдкихъ мѣстахъ низкая трава, изъ рода солянокъ. Напротивъ повсюду довольно, такъ называемой, куропаточьей травы; растеніе сіе низкое, стелющееся, гнѣздообразное; имъ питаются бѣлыя куропатки. Наноснаго съ моря лѣса довольно на берегахъ, кромѣ сѣвернаго береговъ Оадсевскаго Острова и Новой Сибири. *Четвероногія*: олени, выше станомъ оленей материка Сибири; песцы бѣлые и голубые; бѣлые медвѣди; мыши бурья съ желтыми струйками, изрѣдка бѣлыя; также замѣчены слѣды росомахи. Всѣ сіи звѣри туземные, кромѣ, вѣроятно, росомахи. *Птицы*: бѣлыя куропатки; бѣлые филины, каковыя бывають въ Лапландіи и по всему сѣверу; турпаны, гагары, и родъ черныхъ гусей, величиною менѣе казарки, у коихъ крылья черныя, хвостъ и спина бурья, брюхо и зобъ свѣтлобурые. Жители приморскіе называютъ ихъ *нѣмками*. Мясо ихъ весьма вкусно и жирно. *Рыбы*: на Котельномъ Островѣ въ Царевой рѣкѣ ловится красная рыба *зубатка*; на Новой же Сибири довольно *рогатки*. Она величиною до 4 вершковъ, походитъ на налима, видомъ и вкусомъ, только брюхастѣе, и хвостъ у ней тонѣе; на головѣ четыре твердыя, конической фигуры, возвышенности, отъ которыхъ рыба сія и имя свое получила.

* Въ журналѣ Геденштрома сказано 300 верстъ, но это несправедливо.

Изъ ископаемыхъ находится на Новой Сибири смолистое дерево; тутъ же по близости есть превосходной доброты точильный камень. Упомянутыя выше, *Деревянилыя горы* названы симъ именемъ отъ того, что образуютъ утесы, состоящіе изъ горизонтальныхъ, равной толщины слоевъ пещаника и смолистаго дерева, въ видѣ бревенъ. Въ утесахъ бревна сія имѣютъ горизонтальное положеніе; на самой же вершинѣ горы стоятъ вертикально, одно подлѣ другаго. Вышина концовъ по поверхности земли отъ 2 до 4 вершковъ. Видъ ихъ много походить на заваленную плотину, изъ которой выказываются одни концы. По всей поверхности горы разбросаны довольно большіе куски каменнаго угля. Видъ сего угля чрезвычайно обманчивъ, потому, что совершенно походить на потухшій только уголь, подернутый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пепломъ. Геденштромъ не могъ узнать, изъ чего состоитъ сія нѣжная бѣловатая плева, крѣпко впрочемъ соединенная съ углемъ *.

На Котельномъ Островѣ попадаются аммониты. На всѣхъ островахъ находятъ изрѣдка темнокрасные сердолики. Мамонтовые клыки, или, какъ нѣкоторые называютъ, рога мамонта, не попадались тяжелѣе шести пудовъ; напротивъ на матеромъ берегу, въ нѣкоторой отдаленности отъ моря, находили рога въ 12-тъ пудовъ. Въ замѣнъ того островная кость свѣжѣе и бѣлѣе. На первомъ Ляховскомъ Островѣ примѣчательно, что если отшель на запад-

* Лейтенантъ Анжу говорить о Деревяниныхъ Горахъ слѣдующее: оныя суть ничто иное, какъ отвѣсный до 20 саж. земляной яръ, образующій морской берегъ, на разстояніи около 5 верстъ; въ семь яръ лежатъ почти горизонтально бревна кучами, мѣстами по 50-ти вмѣстѣ, и выходящія концами своими наружу. Самое толстое, мною видѣнное, имѣло въ діаметрѣ полторы четверти; составомъ хрупки, полутверды, чернаго слаболосящагося цвѣта, горять на угольяхъ трудно, и издаютъ смолистый запахъ.

ной сторонѣ острова отъ продолжительныхъ вѣтровъ обнажается, то находятъ на ней множество вновь нанесенныхъ изъ моря роговъ.

Астрономическія наблюденія г-на Геденштрома, для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, не заслуживаютъ большаго вниманія: широта Святаго Носа, полагаемая имъ $71^{\circ} 50'$, разнится ровно однимъ градусомъ, недостаточно, съ опредѣленіемъ лейтенанта Лаптева, и около $1^{\circ} 5'$, недостаточно же, противъ вѣрнѣйшей обсервации лейтенанта Анжу; въ другихъ мѣстахъ берегъ болѣе полуградуса положенъ южнѣ новѣйшихъ опредѣленій. Сѣверные острова слишкомъ много по долготѣ растянуты; отъ самаго западнаго мыса Котельнаго Острова до самаго восточнаго Новой Сибири, по картѣ Геденштрома 285 миль разстоянія, но лейтенантомъ Анжу найдено оно не болѣе 205 миль Итал. Подобныя невѣрности дѣлають опись Геденштрома ненадежною.

Читатель легко усмотритъ изъ предыдущаго, что хотя сѣверные берега Сибири, и прилежащіе къ онымъ острова, были неоднократно осмотрѣны и частію описаны, однако жъ за исключеніемъ капитановъ Кука и Биллингса, ни одна географическая экспедиція, занимавшаяся въ сей части свѣта, не могла соотвѣтствовать требованіямъ географовъ и мореходцевъ, и морскія карты того берега разнствовали въ широтѣ нѣкоторыхъ пунктовъ на $1\frac{1}{2}^{\circ}$. Такъ, напримѣръ, на генеральной меркаторской картѣ, изданной капитаномъ Сарычевымъ къ путешествію экспедиціи капитана Биллингса, положенъ:

Святой Носъ	$70^{\circ} 53'$	$\left\{ \begin{array}{l} 71^{\circ} 50' \dots\dots\dots 72^{\circ} 50' \\ \text{На оригинальной картѣ} \\ \text{Дмитрія Лаптева.} \\ 70. 27. \dots\dots\dots 71^{\circ} 05. \end{array} \right\}$
Сѣверный		
пунктъ берега	У Геденштрома.	
между Алазеею		
и Колымою .	$70^{\circ} 07''$	

Сверхъ того, отъ Шелагскаго Мыса до Мыса Сѣвернаго оставался берегъ вовсе еще неосмотрѣннымъ, а извѣстія о плаваніи казака Дежнева изъ Колымы въ Беринговъ Проливъ были столь неопредѣленны, что Бурней находилъ въ нихъ доказательства въ подтвержденіе гипотезы своей о соединеніи Америки съ Азіею перешейкомъ близъ Шелагскаго Мыса. *

Наконецъ неопровергнутыя преданія, возобновленныя въ позднѣйшее время мѣщаниномъ Санниковымъ, о существованіи земель на сѣверъ отъ Котельнаго Острова и Новой Сибири, и противъ рѣки Колымы, дѣлали географію этой части земли еще болѣе неизвѣстною, въ то время когда сѣверные берега новаго материка приводились въ точнѣйшіе предѣлы трудами Росса, Парри и Франклина.

Вотъ причины, побудившія блаженной памяти Императора Александра I-го повелѣть отправить къ устьямъ рѣки Яны и Колымы двухъ морскихъ офицеровъ съ помощниками, снабдивъ ихъ нужными инструментами, и доставивъ всѣ возможные способы къ открытію предполагаемыхъ въ Ледовитомъ Морѣ земель, и къ точнѣйшему описанію береговъ Сибири, между означенными рѣками и за Шелагскій Мысъ.

Въ слѣдствіе сей Высочайшей воли, морское начальство назначило два отряда; въ каждомъ морскаго лейтенанта, двухъ помощниковъ, врача, свѣдущаго по части естественной исторіи, и двухъ людей нижнихъ чиновъ, знающихъ слесарное и плотничное ремесла. Одинъ отрядъ; подъ начальствомъ лейтенанта Анжу, долженъ былъ отправиться на р. Яну; другой, назначенный дѣйствовать съ р. Колымы, порученъ мнѣ, и по собственному моему желанію опредѣлены къ сему отряду:

* См. Burney's Chronological History.

мичманъ Матюшкинъ.
штурманъ Козьминъ.
докторъ медицины Киберъ.
слесарь Иванниковъ.
матрость Нехорошковъ.

Въ числѣ инструментовъ для астрономическихъ и физическихъ наблюденій находилось при семъ отрядѣ:

Секстановъ	3
Артифиціальныхъ горизонтовъ со ртутью . .	3
Карманный секстанъ.	1
Азимуѣ-компасъ	1
Ручныхъ пель-компасовъ	3
Термометровъ } ртутныхъ	3
} спиртовыхъ	4
Барометровъ походныхъ	2
Инклинаторъ	1
Искусственныхъ магнитовъ	2

Государственный Адмиралтейскій Департаментъ, въ составленной для руководства инструкціи, изложилъ средства и цѣль отряда слѣдующими словами:

«Изъ журналовъ прежнихъ плавателей по Ледовитому Морю видно, что въ лѣтнее время, за множествомъ носимаго по оному морю льду, невозможно производить описи на мореходномъ суднѣ. А какъ сержантъ Андреевъ въ 1763 году, титулярный совѣтникъ Геденштромъ и геодезистъ Пшеницынъ въ 1809, 1810 и 1811 годахъ, въ весеннее время, съ удобностію по льду на собакахъ объѣзжали и описывали, первый Медвѣжьи Острова, а двое послѣднихъ Ляховскіе Острова и Новую Сибирь, то и нынѣ полагается таковыми же способами исполнить Высочайшую волю Его Императорскаго Величества, и первый отрядъ отправляемой экспедиціи назначается для описи береговъ отъ устья рѣки Колымы къ востоку до Шелагскаго Мыса, и отъ онаго на сѣверъ,

къ открытію обитаемой земли, находящейся, по сказанію Чукчей, въ недалекомъ разстояніи.»

Экспедиція поступила въ полное распоряженіе Сибирскаго генералъ-губернатора дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Михайла Михайловича Сперанскаго; всѣмъ, что экспедиція совершить успѣла, обязана она мудрымъ распоряженіямъ его высокопревосходительства; безъ его особеннаго и сильнаго покровительства, предпріятіе рушилось бы въ самомъ началѣ отъ недостатка мѣстныхъ способовъ....

БАРОНЪ ФЕРД. ВРАНГЕЛЬ.
